

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ СОНЯ  
И УЗНИКИ  
КАМНЯ



# САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И ВЕТЕР  
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И ВЛАДЫКА  
ПАДШИХ

2

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И ЦИТАДЕЛЬ  
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И ДЕМОН  
СНОВ

4

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И КОЛЬЦО  
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И СЛЕПОЙ  
БОГ

6

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И УЩЕЛЬЕ  
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И КРОВЬ  
ВЕДЬМЫ

8

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И ЛОВЦЫ  
ДУШ

9

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И УЗНИКИ  
КАМНЯ

10





УДК 820(73)  
ББК 84(7США)  
Р 93

*Серия основана в 1998 году.  
Серийное оформление Дмитрия Вяземского.*

*Авторские права защищены.  
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее  
части, в любой форме, в средствах массовой информации.  
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться  
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.  
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

Р93      Рыжая Соня и узники камня: Романы.— СПб.,  
«Северо-Запад Пресс», 2000.— 448 с.

ISBN 5-93698-005-7

УДК 820(73)  
ББК 84(7США)

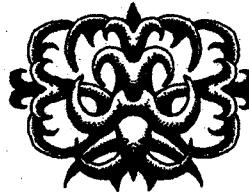
© Ken Kelly, обложка, 1980  
© Д. Вяземский, серийное  
оформление, 1999  
© С.Шикин, оборт, 1998  
© «Северо-Запад Пресс», составление и  
подготовка текста, 2000

ISBN 5-93698-005-7





## Глава первая



Волчица не слишком-то спешила откликнуться на мой зов...— Молодой человек, возлежавший на низком полукруглом диване кофийской работы, что не столь давно вошли в моду при аргосском дворе, недовольным жестом отбросил опустевший бокал. Поспешно скользнувший вперед мальчик-раб подхватил кубок, прежде чем тот коснулся ковра, и с поклоном исчез за тяжелым пологом, скрывавшим проход в соседнюю залу.

Молодой человек даже не заметил этого вторжения. Он вновь обратил взор на стоящую перед ним фигуру. Несмотря на то что ложе его находилось почти на уровне пола и ему приходилось смотреть на гостя снизу вверх, казалось, это не вызывает в нем ни тени смущения и нимало не убавляет привычного высокомерия.

— Так что же ты молчишь? — В ожидании ответа он жеманно накручивал на палец прядь длинных каштановых волос.— Почему мне при-

шлось ждать так долго? Передай своему хозяину, что я весьма недоволен. И почему он не явился ко мне сам? Галиано не ведет разговоров со служителями — скажи ему об этом. На первый раз я, так тому и быть, согласен простить его за невежество, но в будущем пусть остережется гневить меня! Не то Белая Волчица узнает обо всем!.. — И придворный выжидательно уставился на закутанную в плащ фигуру слуги.

Будь это кто-либо из его рабов, несчастный уже давно катался бы в ногах у господина — ярости графа Галиано они не без причины опасались более гнева самого Солнцезарного Митры, — но пришлый челядинец не торопился падать ниц. Придворный уже прикидывал, не приказать ли всыпать наглецу плетей на конюшне, как вдруг из-под низко надвинутого капюшона послышался странный звук. Граф не сразу сообразил, что это... смех.

Женский смех.

От изумления он приподнялся на ложе.

Женщина?

Наемник Белой Волчицы прислал ему свою рабыню? Но зачем? Ведь служанка не может быть устами господина, говорить от его имени — подобное противно всем законам: небесным и человеческим! Так, может, зверопоклонники приподнесли ему в дар эту девицу, испрашивая прощения за то, что так медлили с ответом?

Галиано, довольный, потер холеные руки. Новая рабыня — это было бы совсем неплохо. Интересно, каковы зверопоклонницы в постели? Мог-

жет, дикие боги научили их каким-то особым хитростям?.. Торопясь проверить, он нетерпеливо махнул рукой, подзываая новую наложницу.

Но ответом ему вновь был лишь смех. Низкий, дразнящий... и в то же время презрительный.

— На востоке давно повелось говорить: безумен, как аргосец. Жаль, верховная жрица Волчицы не вспомнила об этом, когда согласилась ответить на твою просьбу. Это уберегло бы ее от ненужных забот... а меня — от долгой дороги. — Девушка откинула капюшон, и волна медно-рыжих волос, искрясь в золотистом свете масляных ламп, рассыпалась по плечам. Насмешливо глядя сверху вниз на Галиано, она не спеша, струящейся легкой походкой подошла к дивану, сняла с него несколько подушек и бросила их на пол, чуть поодаль. Затем, без единого слова, налила себе вина из запотевшего графина, стоявшего на низком столике у ложа, и с бокалом в руке изящно опустилась на подушки. Длинный черный плащ ее при этом распахнулся, и изумленному взору графа предстал строгий походный костюм: узкие черные мужские штаны, заправленные в высокие, почти до колен сапоги, из которых торчали рукояти двух метательных ножей, и черная же, зашнурованная до горла короткая атласная куртка-дублетт с нашитыми стальными пластинами, какие носят в Зингаре наемники. На широком вышитом серебром пояссе в червленых ножнах красовался длинный, чуть изогнутый туранский кинжал.

— Ладно, раз уж я все равно здесь, то хоть немного отдохну с дороги. Если, конечно, госте-

приимный хозяин не возражает?.. — Тон ее был деланно ленивым и небрежным, но Галиано заметил, что грациозная незнакомка и не подумала расслабиться: она сидела подобравшись, точно хищник, в любой миг готовый к прыжку. Граф поймал себя на том, что совершенно зачарован этой женщиной. Давно уже ни одна, даже самая разительная красавица не возбуждала в нем столь острого интереса. Жаль, что с этим придется по-временить. Но позже, когда с делами будет покончено...

— Не держи на меня зла.— Голос придворного звучал чарующе.— Дворецкий обманул меня — сказал, что пришел слуга Белой Волчицы. Я не мог и предполагать... Велю казнить этого лжеца!

— Ни к чему. Он не согнал.— Женщина отпила немнога вина и с видом истинного ценителя одобрительно цокнула языком.— Он передал лишь то, что я велела. Не вина бедняги, если он не в силах отличить женщину от мужчины...

Галиано усмехнулся, совершенно позабыв, что не так давно сам стал жертвой подобного заблуждения:

— Воистину, для этого нужно быть слепцом! Несчастный сам себя наказал, не разглядев такой красоты!

Но женщина не приняла шутливого тона. Внезапно она отставила бокал и повернулась к придворному, обжигая его ледяным взглядом серых глаз.

— Ты просил Волчицу о помощи, граф Галиано Аргосский. Зачем?

Тот не сразу понял, что гостья вновь самовольно меняет правила игры, и попробовал продолжить в прежнем духе:

— Ты устала с дороги. Отдохни. Неужто твой хозяин не простит, если ты задержишься чуть дольше?! А потом расскажешь мне все, что он велел передать. О делах я поговорю с ним сам. Не стоит тебе забивать свою хорошенку головку всякими мужскими глупостями. Поди сюда, и я покажу тебе, как...

Короткий свист. Точно перышко коснулось щеки. Глухой звук удара...

Галиано не сразу понял, что произошло.

Он оглянулся. И увидел метательный нож, вонзившийся в спинку дивана, чуть левее головы. На подушке под ним, точно коричневая змейка, лежал срезанный каштановый локон.

Женщина неторопливо встала, приблизилась, наклонилась — чувствительный нос придворного уловил аромат полыни и еще каких-то трав,— выдернула нож и так же молча вернулась на свое место. Несколько мгновений длилось молчание, а затем незнакомка повторила как ни в чем не бывало:

— Ты просил Волчицу о помощи. Она послала к тебе меня. Мое имя — Рыжая Соня. И если ты желаешь получить иные верительные грамоты, нежели эта... — Она со значением погладила рукоять ножа,— Я готова тебе их предоставить! Так зачем ты звал Волчицу, аргосец?!

Придворный не был бы истинным придворным, когда бы не умел приспосабливаться к ме-



няющимся обстоятельствам, если нужно, резко меняя и свой стиль поведения, и ход беседы.

— Прошу простить меня, о прекраснейшая! Если я оскорбил тебя, то, прошу поверить, это было непреднамеренно. Увы, но мы в Аргосе не привыкли вести дела с женщинами. Потому-то я и не мог сперва поверить, что ты — посланница Логова. Однако твои верительные грамоты более чем убедительны... — Он коснулся виска, там, где кинжал Сони срезал длинную прядь волос. — В конце концов, если твоя богиня — Волчица, так почему бы женщинам не быть в числе ее служительниц!..

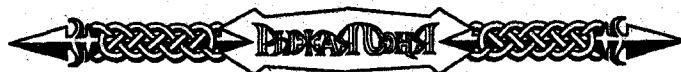
Девушка выслушала невозмутимо, кивком показывая, что приняла извинения. Ей были ведомы нравы Аргоса. Здесь вельможи запирали женщин в особых покоях, распоряжаясь их жизнями, точно своей собственностью.

Да что говорить — еще каких-то сто лет назад в Аргосе женщинами, даже из самых знатных семей, торговали, как скотом, а если муж желал взять в дом новую супругу и не намеревался дать прежней отступного, то мог безнаказанно убить ее...

Однако нравы этой страны ее не качались.

— Поступь Волчицы легка, рык ее ужасен. Она чует кровь, и пути ее неведомы смертным, — произнесла воительница сакральные слова, указывающие, что посланница Богини готова исполнить свой долг. Пора было приступать к делу.

Как и положено по ритуалу, Галиано медленно поклонился.



Теперь перед девушкой был не манерный, легкомысленный придворный, а вельможа, исполненный достоинства, суровый и неприступный, и Соня поразилась, с какой легкостью дались ему это превращение. Но она не верила ему ни тогда, ни сейчас.

— Волчица вручила мне свой слух, — молвила Соня, приглашая к разговору. — Если будет на то Ее воля, то сила Богини также станет моей, дабы я смогла исполнить то, о чем ты просишь. Так говори же!

Граф вновь склонил голову.

— Волчица милостива. Логову не придется сожалеть об оказанной помощи.

— В чем же сия помощь должна выражаться?

— Ты должна будешь помочь одному человеку, моему слуге. Он отправился выполнять мое поручение... не здесь — на острове неподалеку от аргосского побережья... и угодил в неприятности. Насколько мне известно, его захватили в плен.

— И я должна вытащить его оттуда?

— Нет. Это ни к чему. Он вполне способен справиться с этим сам, у него будут другие помощники. Однако у меня есть одна вещица, которая могла бы ему пригодиться — и ты доставишь ей ее. Вот и все.

Соня кивнула. Представленное таким образом задание выглядело не слишком сложным. Оставалось лишь понять, в чем здесь загвоздка: ведь иначе граф послал бы на остров своих слуг, а не стал просить помощи чужих богов!

— Мне нужно знать больше, — заметила она.

— Конечно.— Галиано кивнул.— Этот человек — маг. Он выполняет мое поручение на острове. Должен найти там кое-что... Но я не могу отправить туда своих людей. Ты не хуже меня знаешь, как в Аргосе относятся к колдовству. Если кто-то заподозрит, что я якшаюсь с чернокнижниками, и об этом станет известно при дворе...

Это многое объясняло. Галиано знал, что вполне может положиться на слуг Белой Волчицы: они надежно сохранят его тайну. Зверопоклонники сами считались в Хайбории ничем не лучше магов, их преследовали, сжигали на кострах. Граф был уверен, что Соня не выдаст его никому.

Но что нужно мессантайскому вельможе от чернокнижника? Что он задумал? Соня с любопытством взглянула на графа. Чего не хватает этому лошеному красавчику, что он решил, рискуя жизнью, довериться магам и зверопоклонникам?

— Так от меня не требуется ничего иного, кроме как передать твоему другу некую вещь?

— Ничего более, клянусь.

Откуда-то из-за подушек Галиано достал небольшой сверток, завернутый в черный атлас, и протянул девушки. Она взяла его и развернула ткань. Шкатулка. Совершенно обычная, почти без украшений. Кедровое дерево, слабый аромат благовоний. Соня осторожно приоткрыла ее — пусто. В ларце не было ничего.

Однако она не стала ни о чем спрашивать графа. Он знает, что делает. А она... Она во всем разберется на месте.

— Как мне отыскать твоего приятеля?

— Он сам отыщет тебя. Я предупрежу его почтовым голубем.

— А что за остров? Я должна знать это, чтобы найти подходящий корабль.

Аргосец снисходительно улыбнулся.

— Можешь не тревожиться. Я позабочился обо всем. На «Ниросе» тебя уже ждут. Корабль отходит сегодня в ночь, с приливом.

«Нирос»? Соня слышала об этом судне. Прогулочный корабль для богатых бездельников. Но...

— Ведь он не заходит ни в один порт!

— Это и не нужно. Он будет проплывать рядом с островом, этого достаточно. Ведь я сказал, что этот человек — колдун, он сам позаботится обо всем.

Нельзя сказать, чтобы обещания графа полностью удовлетворили воительницу. Напротив, чем больше он говорил, тем сильнее ее терзали недобрые предчувствия. Однако у Логова был свой интерес в этом деле, и ей никто не дал права выбирать, так что оставалось лишь надеяться, что она во всем разберется на месте.

— Тогда прощай. Я исполню твое поручение.

...Когда рыжеволосая воительница удалилась в сопровождении джвух рабов, которым было поручено доставить ее на пристань, граф Галиано в задумчивости откинулся на мягких подушках.

Правильно ли он сделал, уступив настояниям мага? Тот утверждал, что без Ларца Валки ему не довести задуманное до конца. Но сумеет ли он с умом распорядиться драгоценной реликвией?



И потом, эта женщина... В ней было что-то странное, тревожащее. Даже не зная ее, Галиано чувствовал, что Рыжая Соня из породы тех людей, что всегда поступают на собственное усмотрение и могут поломать чужие планы. Правильно ли он сделал, что связался с ней? Не помешает ли она его планам?

Впрочем, другого выхода не было. Он должен был рискнуть. И позаботиться о том, чтобы слуги Волчицы не встали у него на пути...

\* \* \*

Ночь опустилась на Остров, затерянный посреди Южного Океана, и беглец осмелился наконец покинуть спасительную чашу и выбраться на поляну. Погода стояла теплая, и тучи мошки, привлеченные запахом крови, сочащейся из свежих ран, плотным облаком облепили его. Однако человек не замечал этого. Что ему зудящие насекомые? Что ему ноющие ссадины и раны?! Даже боль унижения и ненависти отступила на время, скрылась во тьме, обнявшей его душу. Ничто не имело значения сейчас, когда Цель была так близка!

О, вожделенная Цель!.. Плод бессонных ночей и бесконечных страданий. Он и не чаял когда-нибудь достичь ее. Она манила блуждающим огоньком, дарила утешение и надежду, она одна поддерживала его на многотрудном пути.

Презрительным жестом человек отшвырнул прочь мертвого голубя, которого сжимал в кулаке. Он свернулся несчастной птице шею, едва лишь



прочел принесенное ею послание — не в наказание за дурные вести, нет... Это было бессмысленное убийство, но от этого на какой-то миг человеку сделалось легче, вот и все. Он хотел убить. Все равно кого.

Но подумать только! Этот напыщенный вельможа милостиво дозволял ему приступить к поискам... Вот кому он с наслаждением свернул бы шею!.. Человек стиснул кулаки, не обращая внимания на боль в обожженной руке, и уверенно двинулся вперед, чутьем находя дорогу в непроясненном мраке.

Пусть пожрет преисподняя всех ничтожеств, что толпятся у него на пути, чинят препятствия и строят козни! Но Темные Боги на его стороне! О, да! Как иначе объяснить, что сегодня наконец его мучители оставили пленника в одиночестве достаточно надолго, чтобы он смог навести на них снотворящие чары и ускользнуть незамеченным. И разве не сами боги вели его через весь проклятый Остров, прямо сюда, к заветному озеру?! Сегодня — в священную ночь полнолуния.

Словно услышав немой призыв, боги раздвинули облачную завесу, и лунный свет озарил поляну. Шум воды, доносившийся прежде чуть слышно, сделался громче: это изливался в озеро серебристый ручей, вытекающий из недр замшелого утеса.

Как безумный, человек пожирал воспаленным взором открывшуюся ему картину. Именно так и виделось ему это в мечтах!

Скала, очертаниями подобная черепу, возвышалась на берегу озера. Две неглубокие темные пещеры служили глазницами, скальный выступ — носом. Третий грот, самый глубокий, был подобен разверстой пасти. Казалось, утес зловеще скалится, взирая на непрощенного гостя.

Место это издавна считалось проклятым. Даже не страшившиеся ни богов, ни демонов обитатели Острова — отпетые преступники, сосланные сюда королевским судом Аргоса, — суеверно обходили Скалу-Череп стороной.

Человек осторожно приблизился к самой кромке воды, потирая ноющую руку. Боль с новой силой принялась терзать его. Когда же в спокойной воде озера он увидел свое отражение — изуродованное, покрытое ожогами, ссадинами и запекшейся кровью лицо, — чудовищное проклятие сорвалось с распухших губ беглеца.

Ненавистные мучители, пленившие его, эти дикари, утратившие человеческий облик, ни на миг не оставляли его в покое. Извращенное воображение ежедневно подсказывало им все новые пытки и издевательства для несчастного, что попал к ним в руки, и мучения его с каждым днем становились все ужаснее. Если бы сегодня боги не даровали ему возможность спастись — едва ли он протянул бы до следующего полнолуния!

Но он ничего не сказал этим зверям! Они подозревали, что он пробрался на Остров Заключенных неспроста — ибо никто не приходит сюда по своей воле, — но так и не сумели выведать его

тайны. А теперь он свободен. И наконец исполнит задуманное!

Сегодня, в ночь полной луны. Когда сила Темных возрастает до предела, равно как и сила подвластных им чародеев. И кто знает, не они ли, его безжалостные повелители, пожелали подвергнуть всем этим унижениям своего верного раба, дабы испытать его на прочность, дабы проверить, достоин ли он вожделенного могущества?

Эта мысль придала человеку решимости. Не колеблясь более, он ступил вперед и воздел руки.

— Ордру! — воззвал он низким, мощным голосом. — Ордру, я пришел!

Потом кинулся в озеро и скрылся под водой.

Каждое движение резкой болью отдавалось в правой руке, однако человек упрямо продолжал плыть, превозмогая себя, пока не оказался у подножия скалы. Зная, что тоннель начинается где-то здесь, он принялся ощупывать дно и каменную стену в поисках входа. Найдя проем, он смело двинулся вглубь.

Внезапно страх обнял его душу. Он так уверен в себе... Но ведь манускрипту, в котором он впервые нашел карту заброшенного храма, не меньше двух сотен лет. Одни боги знают, что могло случиться за это время. Обрушились своды, храм затопило водой... Ему начало не хватать дыхания.

А вдруг впереди поджидает чудовище, приставленное охранять Ордру...

И все же человек продолжал плыть вперед, зная, что если повернет вспять или хотя бы оста-



новится на миг, то путь в храм будет навсегда ему заказан. Вскоре он с облегчением заметил, что тоннель понемногу поднимается. Еще мгновение — и он вынырнул на поверхность. Он скорее почувствовал, чем увидел, что рядом есть низкий выступ, и вскарабкался на него. Несколько мгновений он подождал, скорчившись на узком каменном карнизе и вслушиваясь в тишину.

Насколько он мог судить по отрывочным сведениям, что удалось собрать о храме Ордру, туда не ступала нога человека со времен Великой Катастрофы, уничтожившей древний континент. С тех самых пор святилище оставалось в неприкосновенности. Скала-Череп — творение еще тех, далеких времен — надежно хранила свою тайну.

Однако пришел черед проснуться и этому богу. Как и многим его собратьям, явившимся в Хайборийский мир в эти смутные времена...

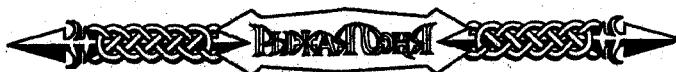
Темнота и тишина действовали оглушающе. Как много отдал бы он сейчас за факел, но знал, что даже самый крохотный огонек станет для него погибелью, ибо ни проблеска света не было здесь с того момента, когда Древние Боги сотворили этот мир. Свет явился бы святотатством.

Человек медленно поднялся и дрожащим от напряжения голосом позвал:

— Ордру!

Ответом была тишина.

Внезапно он ощущил слабую вибрацию, хотя не мог понять, откуда она исходила: из воздуха, от камня или из глубин его собственного тела. Дрожь стала сильнее.



«Кто здесь? — Голос, казалось, звучал у него в сознании. — Кто пришел в храм Ордру?»

— Я, мое имя — Атхари, — ответил пришелец. — Я маг из Шема, изгнаник и беглец. Я пришел просить твоей помощи, Ордру, дабы вернуться в мир и привнести в него твою силу. Взамен же предлагаю свою службу.

Снова воцарилась тишина. Человек по имени Атхари почувствовал, как по его спине пробежал холодок, и впервые за все время усомнился в разумности своего предприятия. Ибо ощущал, как где-то совсем рядом, во тьме и безмолвии, зашевелилось нечто огромное и страшное.

Зашевелилось — впервые за многие тысячи лет.

«Вернуться в мир? — вновь подал голос древний демон. — Так мои жрецы наконец вспомнили обо мне? Лемурийцы, предавшие память своего покровителя...»

Пришелец замялся.

— Ты долго спал, Ордру, — ответил он наконец. — Лемурия была уничтожена чудовищными силами, что погребли и весь тот мир, что был знаком и привычен тебе. С тех пор многое изменилось. От прежней могучей державы, где высился твой храм, остался лишь этот крохотный островок, именуемый Ос-Льерро, куда ничтожные правители ссылают преступников, нарушивших их ничтожные законы.

Странный скрежет был ответом на эти слова... И не сразу понял шемский маг, что это смех Ордру.

— Мир измельчал,— произнес Атхари.— В нем не осталось былого размаха. Прежде на кострах в твою честь ежеутренне сжигали сотни рабов. И еще сотням ежевечерне вырывали сердце из груди, дабы сладостной музыкой бились их сердца для тебя до самого рассвета. Теперь же на алтари божков лют масло и возлагают овечье руно. Эти боги не в силах защитить своих слуг. Они не могут защитить даже самих себя!

«А ты предлагаешь мне стать владыкой над ними, чтобы взамен я сделал тебя владыкой над людьми?»

Шемит пал на колени.

— Да, повелитель. Таково было мое сокровенное желание!

«Но разве теперь, когда ты пробудил меня, назвав мое истинное Имя, я нуждаюсь в тебе? Или ты ждешь от Древних благодарности?» И демон вновь разразился скрежещущим смехом.

Однако Атхари не зря посвятил многие годы ученым изысканиям. Демон вселял в него ужас, подобного которому еще не знала душа шемита, однако он был уверен, что демон нуждается в человеке не меньше, чем человек в нем.

— Тебе не пройти через воду, Ордру. Ибо таким заклятием связала тебя еще в прежние времена могущественная богиня Хотат, и оно поныне сохраняет свою силу. Лишь смертный способен помочь тебе обрести свободу, и я сделаю это, если потом ты поможешь мне. Скоро в моих руках окажется Ларец Валки. В это недоступное чарам вместелище я могу спрятать твою тха, искру

истинной сущности. Ее я напитаю свежей кровью, как предписано в древних манускриптах, дабы затем ты смог переселиться в новое тело, которое я создам для тебя. Затем мы перечем море — и когда все будет готово, я наконец выпущу тебя на волю. Знай же, что тебе не обойтись без меня!

В этот миг человек почувствовал, будто незримая рука стиснула его сердце. Казалось, еще чуть-чуть, и оно перестанет биться... Таков был гнев демона. Но ледяная хватка разжалась, и страх отступил.

«Ты дерзок, смертный, но мне это нравится в тебе. Если ты исполнишь обещанное, я не оставлю тебя. Но скажи, долго ли ты искал меня?»

— Всю свою жизнь, о могущественный. Ибо род наш ведет начало от тех, кто в незапамятные времена служил Темному Богу, породившему тебя. И знание это хранилось в наших сердцах.

«А довелось ли тебе убивать, чтобы прийти сюда в эту ночь?»

— Да, повелитель. И я готов убивать еще и еще, во славу твою.

«Хорошо. Я ценю верных слуг, человек. Ты станешь правителем всех земель, какие сможешь покорить с моей помощью,— и отблагодаришь меня щедрыми жертвами... Иди вперед и протяни левую руку».

Атхари глубоко вздохнул, шагнул раз, другой, и вдруг ахнул от резкой боли, будто по запястью полоснули острым ножом. Он непроизвольно отшатнулся, почувствовав, как теплой струйкой потекла по руке кровь.



«Протяни руку».

Маг заставил себя подчиниться. Раздался гулкий звук — будто кровь его падала не на землю, а на камень или металл. И вдруг у самых ног человека появилось слабое красное мерцание, выветшившее контуры небольшого ларца. В ушах зазвенело.

«Сейчас ты заснешь. Твоя кровь придаст мне силы, и я исцелю твои раны. Теперь ты *воистину* мой слуга. Когда проснешься, ты поймешь, что изменился навсегда... Тогда тебе будет легче исполнить первую часть предназначеннного. Ибо я **должен** покинуть этот проклятый остров. Теперь, когда я знаю, сколько времени провел в заточении, мне невыносим каждый миг пребывания здесь. Ты уже знаешь, с чего начнешь?»

— О, да... мой господин... — немеющими губами отозвался колдун. Сознание его мутлилось, но искра ненависти полыхала ярко, разгоняя мрак. — Я... хочу... отомстить...

\* \* \*

Урдус, рыжеволосый предводитель одной из самых сильных и многочисленных шаек негодяев на Ос-Льерро, сумрачным взглядом обвел свое пестрое воинство. Со скального уступа, служившего вожаку троном, были превосходно видны окрестности — и то, что он видел, не радовало его. Он ненавидел проклятый Остров-Темницу и всех его обитателей без исключения. Ненавидел королевского судью, отправившего его сюда. Ненавидел весь мир... Но сегодня, по крайней мере,



у него была причина вымстить дурное настроение на своих подданных.

— Что, так и не сыскали ублюдка? — Урдус угрюмо вперился в стоявшего перед ним разбойника. Тот скривил покрытую шрамами физиономию и потер лоб. На руке его не хватало двух пальцев.

— Весь день пробегали. Как сквозь землю провалился. Может, в болоте утоп...

Остальные члены небольшого отряда, отправленного с утра на поиски сбежавшего пленника, принялись поддакивать в поддержку товарища. Никому из них не улыбалось бродить по трясине в поисках какого-то шемита, от которого и проку-то всего ничего: от самых простых пыток тут же принимался визжать, как девица, а потом и вовсе лишался чувств. Никакого удовольствия!..

Никто из них не мог понять, почему главарь так держится за шемита — а потому и стерегли пленника из рук вон плохо. Но кому какое дело, в конце концов?!

— Да брось, Урдус! — наконец выразил общее мнение Кебар, тощий одноглазый бритунец, попавший на остров за убийство стражника. — Пусть провалится к демонам — нам-то что!

Рыжеволосый гигант хотел было возразить но, видя, что сила не на его стороне, махнул рукой и промолчал. Власть его среди этих головорезов была крепка, но зиждилась не только на могучих кулаках главаря, но и на его умении отступать, когда того потребуют обстоятельства. Тем



более он не мог и не хотел объяснить своим людям, какие надежды возлагал на сбежавшего шемита.

По правде сказать, Урдус и сам этого толком не знал. Лишь предполагал, что беглец, несмотря на все его заверения, отнюдь не был таким же заключенным, как остальные. Он подозревал, что шемит проник на Ос-Льерро с какой-то тайной целью... а значит, имеет возможность покинуть его, когда пожелает. Доказательств этому не было никаких — но даже за самый крохотный шанс к спасению рыжеволосый главарь без колебания был готов заплатить любую цену.

Однако нет смысла говорить об этом остальным. И с деланным равнодушием главарь бросил:

— Ладно. Все равно дальше Острова не уйдет.

Разбойники загоготали. Эта шутка была их обычным присловьем.

...Ос-Льерро располагался в нескольких лигах от аргосского побережья, к северо-востоку от Барахского архипелага. К нему не приставали торговые суда. Только боевые галеасы, охранявшие эти воды. Вот уже две сотни лет этот лесистый, заболоченный Остров служил местом ссылки для самых опасных преступников Аргоса, Зингары и Аквилонии.

Всего здесь было не меньше пяти сотен узников, хотя точного числа их никто не знал: в драках и побоищах ежедневно погибали люди, и если бы королевские галеасы не подвозили все новых заключенных, то вскоре на острове не осталось бы ни души.



Время от времени наиболее отчаянные преступники совершали нападения на эти суда, но все попытки заканчивались неудачей — лучники открывали яростную стрельбу, и вскоре немногие уцелевшие обращались в позорное бегство, дабы зализывать раны и ждать следующей возможности вырваться на свободу.

Разумеется, случались — хотя и крайне редко — удачные побеги. О них заключенные слагали легенды... однако никто из оставшихся на острове не знал, каким образом это удалось смельчакам.

Впрочем тем, для кого свобода оставалась лишь недостижимой мечтой, необходимо было устроить свою жизнь в заточении. И постепенно на Ос-Льерро сложилась своя жестокая иерархия с незыблемыми правилами и законами. Шайки преступников — или отряды, как они сами себя называли, — поделили весь остров между собой: земли к северо-востоку от Великого Дуба считались собственностью Обгура Одноглазого; Озером, что лежало в самом сердце Ос-Льерро, владела Безумная Шихур.

Скалы, окружавшие Старое Озеро, и заросли по его берегам принадлежали Урдусу, рыжеволосому гиганту, который физической силой, ростом и жестокостью превосходил всех сильных. Он хвастал, что провел полжизни на Острове и никто ни разу не победил его в поединке. Урдус пользовался немалым авторитетом среди обитателей Ос-Льерро. В находившемся под его началом варварском сообществе существовало даже

нечто вроде суда: когда меж двумя соплеменниками вспыхивала ссора, они обращались к Урдусу, который и принимал окончательное решение. В прежние же времена всякие споры завершались кровавым поединком, и правым признавался тот, кто оставался в живых.

Стройный, мускулистый, наделенный молниеносной реакцией, Урдус был сравнительно молод, ему еще не исполнилось тридцати четырех. Даже проведя полжизни на треклятом Острове, он ни на миг не отказывался от мечты вернуться когда-нибудь в столицу Аргоса и убить своего злейшего врага — того, по чьей вине он был сослан на Ос-Льерро.

Однако Урдус был терпелив, умен и предусмотрителен. Когда в голове его созревал очередной план побега, он раскрывал его товарищам по несчастью — но всякий раз, когда подходил намеченный день, под тем или иным предлогом отказывался в нем участвовать.

Те, не догадываясь о хитрости вожака, решались бежать без него. Подобное случалось не раз, и Урдус получил прекрасную возможность проверить на деле, насколько хорош его замысел. Сперва он замыслил уйти через юго-западные болота — предсмертные вопли угодивших в топи разбойников известили Урдуса, что план никуда не годится.

В другой раз он решил соорудить плот и покинуть Остров с восточного берега — но это заняло слишком много времени, и королевская стража успела перехватить беглецов.

Сам Урдус всякий раз оставался вне подозрений. И ни на миг не расставался с надеждой когда-нибудь вырваться на волю.

А теперь провалился еще один замысел — связанный с этим проклятым шемитом. Даже и не замысел еще, ничего конкретного... и все же ярость душила вожака. Поигрывая кривым ножом, он мрачным взглядом обводил расположившихся вокруг преступников. Те были заняты своими обычными делами: пили самодельное вино, которое гнали из местных плодов, играли в кости, ссорились, спали.

Позади раздался шорох, и Урдус мгновенно обернулся, насторожившись, но тут же расслабился.

Это была Алейла, его подруга. Женщин на Острове было куда меньше, чем мужчин, и все они, если умели, постоять за себя, как правило, становились спутницами вожаков или их приближенных.

Но сейчас рыжеволосому гиганту было не до болтовни или любовных утех. Он не посвящал Алейлу в свои планы, а потому и не ждал от нее дружеского участия. Да она и не была ему другом. Таковых у Урдуса на Ос-Льерро не было вовсе.

Слушая пение птиц, пленник в который раз подивился, почему птахи остаются на Острове: ведь им ничего не стоит пролететь пару лиг над морем и оказаться на вольной земле... Впрочем, на то они и птицы. Для них повсюду воля — пока не собьет стрела...

— Что, приплыл сегодня галеас? — спросил он смуглого долговязого человека, который, скривившись у костра, сосредоточенно жевал запеченную на углях водяную крысу.

Тот кивнул.

— Воинов на нем вроде меньше, чем обычно...

— Так, может, подплыть и попытать счастья? — воскликнул сидевший рядом разбойник.

— Болваны! — расхохотался беспалый. — Они просто подманивают нас. Ты что, умеешь ходить по воде? Или можешь навести на стражу чары, чтобы они не заметили, как ты к ним подбираешься?! Нет, тут надо пораскинуть мозгами — с Острова просто так не удерешь!

— А зачем вообще отсюда бежать? — пробормотал один из узников постарше. Он жил здесь под защитой более молодых и сильных товарищев; звали его Вельо, хотя с рождения он носил совсем другое имя. — Жизнь у нас тут вполне сносная — не лучше и не хуже, чем дома. С этим побегом только лишнее беспокойство.

Урдус возмущенно выругался. Вельо посмотрел на вожака, их взгляды скрестились, словно клинки.

— Тебе так нравится жить в клетке? — рявкнул главарь.

— Где, Урдус? Я лично никакой клетки не вижу! — ответил старик. — Может быть, наоборот — мы здесь на свободе, а те, на берегу, — в клетке. Ведь тут нет окон с решетками. Мы не платим никаких налогов. Сами добываем и готовим пищу...

Те, кто слышал эти слова, от души расхохотались. Похоже, к старости их приятель совсем лишился рассудка!

— Свобода — она и есть свобода, — словно и не замечая насмешек, продолжил Вельо. Наклонившись к костру, он вытащил кусок полусырого мяса и принялся за еду. — Мы свободны и делаем, что хотим.

— Да, только домой не можем вернуться! — возразил кто-то.

Вельо пожал плечами. Он встал и, не переставая жевать, ушел прочь.

— Слабоумный, — пожал плечами Урдус.

— Оставьте его, пусть себе идет, — засмеялся беспалый. — Верно, болотный дурман выел ему все мозги. Не человек уже — так, гнилушка...

Урдус усился поудобнее.

— Ты прав, Бетос. Подкинь-ка лучше мне мяса, — прорычал он.

Его товарищ кивнул, улыбнулся, подхватил исходящий паром кусок дичи и швырнул вожаку. Гигант ловко поймал его и целиком запихнул в рот.

Алейла прижалась к Урдусу, заглядывая ему в глаза. Но гигант не обратил на нее ни малейшего внимания.

Неожиданно послышались шаги: кто-то приближался к костру. Главарь поднял глаза, остальные тоже с любопытством оглянулись.

Это был Атхари.

На несколько мгновений все застыли. Кое-кто из разбойников украдкой принялся творить зна-

ки от демонов и дурного глаза — они были уверены, что дух шемита, сгинувшего на болотах, явился к ним требовать отмщения. Ибо перед ними явно был совсем другой человек, нежели тот, которого они еще накануне подвергали пыткам и оскорблением. И прежде всего — на теле и на лице его не было заметно ни шрамов, ни ссадин...

— Маг! Маг вернулся! — испуганно зашептались они. Самые трусливые предпочли отойти подальше, опасаясь расправы. И лишь Урдус, горделиво расправив плечи, поднялся со своего трона и выступил навстречу пришельцу.

Тем временем Атхари невозмутимо опустился на бревно у костра, снял с прута кусок жареной дичи и как ни в чем не бывало принял за еду. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь звоном бесчисленных амулетов и цепочек, украшавших одежду колдуна, сшитую из звериных шкур.

— Зачем вернулся? — рявкнул, прерывая молчание, Урдус. Появление сбежавшего пленника наполнило его душу тревогой и недоверием, но он не собирался выказывать слабость на глазах у всей шайки. И будь этот шемит хоть трижды магом — вожак куда больше доверял своему мечу!

— Ты задумал бежать, — неожиданно произнес Атхари, не глядя на гиганта и не отрываясь от еды.

Алейла пристально поглядела на шемита, потом перевела взгляд на Урдуса.

— С чего ты взял? — хрипло отозвался рыжеволосый; ему не понравился независимый и дерзкий тон колдуна.

— Я помогу тебе.

— Мне не нужна твоя помощь, шемит.

— Неправда. Иначе бы ты не держал меня столько времени в плену, в надежде выведать мои секреты, — улыбнулся Атхари.

— Ажешь! Что бы ты там ни болтал про себя — никакой ты не маг, и секретов никаких не знаешь! Мы уже давно поняли это! — Урдус намеренно лгал, но сейчас их слушала вся шайка. Если они заподозрят, что он хотел воспользоваться помощью шемита в одиночку, ему не поздоровится... — И бежать с Острова ты способен не больше, чем любой из нас!

— Ты неотрывно думаешь о побеге, — словно и не слыша возражений, продолжал Атхари. — Каждый житель этого Острова мечтает о свободе. От их мыслей над землей стедется туман — столь плотный, что в нем трудно дышать.

— А разве ты сам не помышляешь о том же? — поддразнила его Алейла.

— Да, я мечтаю о свободе... — Атхари бросил на нее короткий взгляд. — Но по-другому, чем вы.

— Так ты и вправду колдун? Тебе известно что-то такое, чего не знаем мы? Ты можешь нам помочь?

Вопросы посыпались на беглеца градом. Тот, не переставая миролюбиво улыбаться, отозвался:

— Могу. Если вы дадите слово во всем слушаться меня.

Урдус швырнул в костер обглоданную кость.

— Зарываешься, шемит! — Он был взбешен тем, как ловко вчерашний пленник, их безволь-

ная жертва и игрушка, прибрал к рукам всю его шайку. Но те, еще вчера измывавшиеся над пленником, сейчас смотрели на него раскрыв рот... едва лишь заслышали заветное слово *свобода*.— Ты не забыл, кто здесь вожак? Или хочешь отвешать моего клинка?

Атхари усмехнулся. Урдус заметил в глазах шемита какой-то новый, незнакомый блеск. Колдун не только стал бодрее физически — в нем появилась самоуверенность, которой раньше не было в помине.

— Почему ты ненавидишь меня, Урдус? Я искренне хочу тебе помочь — так зачем все эти угрозы?

В поведении мага, в его словах и манерах явно был какой-то подвох, но вожак никак не мог понять, что шемит задумал. Странно, чтобы давешний пленник, над которым издевалась вся шайка, вдруг воспыпал дружескими чувствами к своим мучителям... Каким-то образом это было связано с бегством Атхари. Но где он был всю эту ночь и весь день? И зачем вернулся? Однако существовал лишь один способ, чтобы это узнать: подыграть ему, заставить раскрыть все свои планы.

Гигант осклабился:

— С какой стати мне тебя ненавидеть?! Не знаю, кем ты был там, на вольной земле, но здесь, на Острове, ты мой раб. И не советую забывать об этом! Так что давай выкладывай, что ты задумал...

— Все очень просто, — пояснил Атхари. — Чрез день-другой налетит ветер. Начнется страш-

ный шторм. Я вызвал его с помощью заклятий. Во время бури у нас будет шанс удрать с Острова.

Шайка сгрудилась у костра, не спуская хищных взоров с шемита. Мысль о том, что у них появился шанс вырваться на волю, заставила разбойников трястись, словно в лихорадке.

— Ты правда можешь накликать шторм?

— А что нам это даст?

— У тебя есть план?

— Что нам нужно делать?..

Они засыпали мага вопросами, но он не торопился отвечать, не сводя пристального взгляда с Урдуса. Тот, однако, был не столь доверчив, как его приятели. Подняв голову, гигант принюхался, затем поглядел на небо над вершинами холмов.

— Никакой бури не будет.

— Что ты в этом смыслишь? — небрежно бросил Атхари.

— Ветер идет понизу. Звезды яркие. Воздух чист. Никакого шторма быть не может.

— Правильно, сейчас он нам и не нужен. А вот через пару дней — другое дело. Ты мое предсказание слышал. Подумай над этим. А завтра мы еще поговорим.

И, не дожидаясь ответа, Атхари поднялся с места и, звеня амулетами, двинулся прочь, в сторону болот. Алейла повернулась к Урдусу, остальные тоже уставились на него.

— А что, если... — начала женщина.

Но гигант лишь хмыкнул и поднялся на ноги.

— Ты лжешь, колдун! — крикнул он в ночное небо.

Но тьма молчала. Урдус с отвращением сплюнул, повернулся и ушел в свою пещеру. Чувствуя, что ее повелитель не в духе, Алейла не последовала за ним.

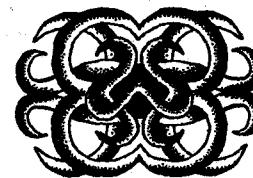
Гигант вытянулся на своей лежанке из шкур. А что, если?.. Что, если через пару дней действительно начнется буря? В непогоду и в самом деле удобнее всего устроить побег, если только вблизи Острова окажется корабль. Но откуда ему взяться — ведь галеас, привезший новую партию заключенных, уже отчалил. Или колдун чарами пригонит судно к берегам Ос-Льерро?

Доверия к магу Урдус не испытывал ни малейшего... но с другой стороны, зачем тому обманывать их? Что шемит может выиграть на этом? Ничего! Другое дело, если Атхари и самому приспело бежать с Острова. Без помощи крепких парней с мечами и кинжалами сделать это почти невозможно. Тогда неудивительно, что он спешит заручиться поддержкой шайки...

Урдус против воли начал мысленно рисовать картину побега, строить планы.

Неужели его время наконец пришло?!

## Глава вторая



оню разбудило покачивание корабля. Накануне она легла спать в самом скверном расположении духа, и всю ночь ее мучили кошмары — бредовые видения, где воспоминания далекого детства перемежались совсем недавними впечатлениями... Но везде были лишь пожарища, крики раненых и кровь, кровь без конца. Вновь, как и десять лет назад, горела подожженная аквилонцами Салафра, отцовское поместье, в огне которого погибли ее родные. И горела Навиратога, крохотное укрепление на пиктской границе, захваченное размалеванными дикарями всего две седмицы назад... Соня была единственной, кому посчастливилось спастись. Пикты не щадили ни детей, ни стариков. Кожей пленников они обтягивали свои боевые барабаны, их волосами украшали свои одежды... До сих пор при одной лишь мысли о тех зверствах, которые ей довелось повидать, у девушки комок подкатывал к горлу.

Тогда, в годы далекой юности, над бездыханными телами матери и отца Рыжая Соня дала клятву беспощадно расправиться с убийцами. Она сдержала свой обет — стократно, мстя не только наемникам и тем, кто заплатил им за злодейство, но и всем аквилонцам без разбору, этому презренному, опустившемуся, развращенному народу, который она ненавидела всей душой. Но теперь, после Навирагоги, своими глазами насмотревшись на злодейства пиктов, ведомых кровавым Джеббал Сагом, если бы ей пришлось выбирать между ними и аквилонцами... Соня, без сомнения, выбрала бы последних.

Пикты, которых она видела, не заслуживали права называться людьми. Эта была стая обезумевших от крови хищников, беспощадных, коварных тварей, полностью подчиненных злой воле своего божества. С ними невозможно было договориться, сторговаться — только уничтожить всех до единого. До последнего младенца, сосущего смуглую материнскую грудь, до беззубого, впавшего в беспамятство старика... Рыжая Соня сознавала, что задача эта, скорее всего, окажется ей не под силу. Но сейчас она дала себе клятву сделать все, чтобы остановить пиктов. Оставалось лишь отыскать способ в одиночку выступить против этой орды — и победить!..

...В послании из Логова Белой Волчицы, полученным Соней в Мессантии, говорилось, что, возможно, такое средство — магическое, разумеется — удастся отыскать с помощью графа Галиано, аргосского вельможи, известного своей дружбой со

жрецами всевозможных темных культов и чародеями-некромантами. Большинство из них были совершенно безобидны, но за последнее время соглядатай Волчицы пару раз замечал у дома придворного некоего шемитского колдуна, о котором в кругах магов ходили самые разные слухи. Наделенный весьма невеликой колдовской силой, этот Атхари ни для кого не представлял бы интереса, когда бы не происходил из старинного рода Ордринов, владевших темными тайнами этого древнего культа.

Соня не знала, чем именно может быть полезен шемит в борьбе с пиктами — вероятнее всего, доподлинно сие не было известно и самой Волчице, — однако пока все складывалось как нельзя удачнее. Галиано сам обратился за помощью к Ордену, и дело касалось именно Атхари. Соглядатай Логова донесли, что маг отправился на Ос-Льерро, Остров Преступников. Соне требовалось выяснить, чем он занимается там и не таится ли в этом опасности для Ордена.

Задание выглядело пустяковым. Хотя Галиано и словом не обмолвился, зачем шемит отправился в столь гнусное место, у Сони имелись на этот счет свои догадки.

В любом случае, она заберет Атхари с Ос-Льерро и отправится отнюдь не в Аргос, так что надменному графу едва ли доведется еще встретиться со своим приятелем. Хотя сама воительница дала себе зарок при случае непременно повидаться с вельможей. Он был с ней дерзок. А этого она не прощала никому!



...Сладко потянувшись и сгоняя остатки грез, туманивших разум, Рыжая Соня поднялась с ложа, наслаждаясь комфортом крохотной кабинки. Последнее время ей все больше приходилось спать на голой земле, завернувшись в плащ, или в комнатенках дешевых постоялых дворов, где и постели толковой не сыщешь — один тюфяк на дошатом полу... Здесь же обстановка во весь голос вопила о роскоши: обитые алым шелком стены, красный туранский ковер на полу, крохотный столик черного дерева, украшенный золотыми завитушками, низкое ложе за тяжелой парчовой занавеской...

На подставке у двери, закрепленной так, чтобы даже при качке не пролить ни капли, она обнаружила золотой кувшин с водой для умывания, в которой плавали розовые лепестки. Ароматная прохладная влага согнала остатки сна, и Соня неожиданно поняла, что ее дурное настроение улетучилось бесследно. На миг это вызвало в ней острое чувство вины: как могла она веселиться и радоваться жизни, когда столько смертей и страданий вокруг... но тут же трезвая натура воительницы взяла верх. Она-то еще жива, в конце концов! И намерена сражаться до своего последнего часа! Так неужто боги откажут ей в нескольких мгновениях радости и покоя?!

На противоположной от постели стене, закрытой вышивкой с изображением солнца, девушка обнаружила медное зеркало в простой овальной раме. Свое отражение Соня рассматривала без самолюбования, но и без пренебрежения: узкая



талия, стройные ноги и плоский живот. Ни капли лишнего жира — мускулистая, подтянутая. Разве что отошла слегка за последние две луны... да и не мудрено. Серые глаза на смуглом лице — в отличие от многих рыжих, Соня прекрасно загорала — смотрели холодно, чуть отстраненно, однако полные алые губы в любой миг готовы были изогнуться в улыбке. Чуть вздернутый прямой носик говорил о капризной, своевольной натуре, тонкие, нахмуренные брови — о характере упорном и суровом...

Чуть левее у стены стоял черный сундук, предназначенный для личных вещей и одежды. Матрос, что накануне проводил ее на корабль, предложил девушке принести и второй — как большинству пассажиров, — но Соня лишь расхохоталась в ответ. И без того ее пожитки смотрелись в недрах этого деревянного монстра более чем скромно.

Поколебавшись несколько мгновений, она выбрала костюм, в котором готова была впервые предстать перед своими спутниками. Наряд едва скрывал достоинства фигуры: маленький лиф из чешуйчатой кольчуги, закрывавший плечи и грудь, короткая юбка до середины бедра из такой же кольчуги, высокие изящные сапоги из немецкой кожи. Довершал картину меч из отличной гирканской стали, в многочисленных сражениях проливший кровь десятков врагов.

Одевшись, она вновь бросила взгляд в зеркало, молниеносно выхватила клинок и сделала выпад в сторону воображаемого противника — одним

движением, в стремительном и грациозном полете,— ловко повернула меч и резко остановилась; тот замер, на волос не достигнув зеркала. В этом выпаде не было ни излишней поспешности, ни намека на неуверенность. Соня мастерски владела оружием.

Конечно, она вполне могла бы выбрать что-то попроще. К примеру, свое обычное походное одеяние — причудливая смесь мужского и женского наряда, в котором удобно было нестись верхом, сражаться с дюжиной противников, карабкаться по отвесным стенам или бродить по лесной чаще. Или даже самое непривычное — простое женское платье, купленное на всякий случай накануне, когда она направлялась из дома Галиано на корабль.

Но в это утро Соней овладело дерзкое, озорное настроение при одной лишь мысли о товарищах по путешествию: богатых аргосских и аквилонских вельможах, купцах и чиновниках, пустившихся в плавание с единственной целью отдохнуть и поразвлечься.

Ибо таков был «Нирос» — береговой прогулочный корабль, не предназначенный ни для боев, ни для торговли, на борту которого все было подчинено благу и удобству немногочисленных пассажиров.

Остров Заключенных был одной из достопримечательностей путешествия. О, разумеется, к берегу приставать никто бы не осмелился, дабы не подвергать опасности драгоценные жизни пассажиров, но короткая стоянка и наводящие ужас

рассказы капитана и моряков об этом жутком месте были гарантированы.

Что же, если богатым бездельникам вздумалось пощекотать себе нервы, Соня не возражала. Она и сама была бы рада добавить остроты их пресному существованию.

Ярость охватывала ее при одной лишь мысли об этих надутых болванах. Пол-Аквилонии захвачено пиктами, вся Зингара в руках дикарей, на границах Аргоса — постоянные стычки... а эти разодетые в шелка, манерные выродки наслаждаются морским путешествием!

Хоть бы буря началась, что ли! Соня скрипнула зубами.

Взяв себя в руки, она отворила дверь и по узкой лесенке поднялась на палубу. Там ее встретил Тио, капитан «Нироса».

— Добро пожаловать на борт, милостивая госпожа.— Он поклонился, цепким взглядом охватывая фигуру девушки и ее боевое снаряжение. При виде меча в потертых ножнах в глазах морехода отразилось удивление, однако он был достаточно вышколен, чтобы не выразить свои чувства вслух.— Ты как раз поспеешь к завтраку. Сегодня мы накрыли стол на корме, под навесом. Погода благоприятствует нам, и да не оставят нас Светлые Боги и дальше своим покровительством.

— Благодарю тебя,— коротко отозвалась Соня и, не расположенная к праздной болтовне, направилась на корму.

За длинным столом, покрытым камчатной скатертью, тридцать с лишним пассажиров «Нироса»

церемонно вкушали завтрак. Обслуживали их рабы. По неписаному закону все представители высшей касты восседали во главе стола, тогда как купцы и прочий малодостойный люд ютился на другой стороне. При появлении Сони распорядитель трапезы, изумленным взором окинув наряд воительницы, нахмурил брови и после недолгого размышления кивнул слуге, который указал девушке на свободное место на самом дальнем конце стола.

Несколько высокородных матрон, бросавших на новоприбывшую уничтожающие косые взгляды, захихикали, перешептываясь между собой. И рыжеволосая красавица, которая уже готова была мирно занять предложенный ей стул, внезапно возмутилась. Как, неужели она, перед кем трепетали и дикие пикты, и немедийские наемники, позволит этим размалеванным шлюхам взять над собой верх?! Конечно, здесь не то место, чтобы обнажать меч... но в арсенале Рыжей Сони было и иное оружие!

Царственным жестом, гордо вздернув подбородок, она подозвала распорядителя. И когда тот приблизился, отчеканила, достаточно громко, чтобы ее слышали все:

— Моего присутствия на этом корабле желал сам граф Галиано Аргосский, если это имя тебе что-то говорит, раб! И особо заверил, что здесь мне окажут такой же прием, как если бы он сам был на борту. Я передам графу, что его намеревались усадить вместе со слугами...

При первых же словах хамоватая усмешка сползла с лица распорядителя. Дослушав Соню,

он побледнел, как вытащенный из воды утопленник. Рабы тут же засуетились, готовя для гостьи место едва ли не во главе стола, и она, с достоинством поклонившись, прошествовала вперед.

Все это время девушка с трудом сдерживалась, чтобы не расхохотаться. Лица пассажиров вытянулись. Дамы же скривились, точно в тарелки им попала тухлятина. Аппетит пропал у всех без исключения. И лишь одна Соня с удовольствием, не замечая ничего вокруг себя, принялась за еду.

Когда она насытилась, то, развались на стуле, принялась дерзко рассматривать сотрапезников. Те хранили каменное молчание, не сводя испуганных взоров с воительницы, однако под ее взглядом поспешно отводили глаза. Одна дама, демонстративно зажимая нос шелковым платочком, поднялась с места и удалилась, возмущенно что-то бормоча... Но если она надеялась, что остальные последуют ее примеру, то просчиталась. Рыжая Соня словно заворожила всех присутствующих. Похоже, никому из них не доводилось встречаться с людьми ее круга.

Те, что сидели на дальнем конце стола, чувствовали бы себя с ней куда свободнее — но имя графа Галиано внушало простолюдинам слишком большой трепет.

И лишь один человек казался не подверженным всеобщему оцепенению. Мужчина лет сорока, чуть грузноватый, с опрятной каштановой бородкой, весь в черном. Когда взгляд Сони нашел его, он дружески улыбнулся воительнице и

поднял свой кубок, приглашая и остальных выпить за ее здоровье.

— Друзья мои, эта женщина восхитительна! — Тон его был полон столь неподдельного восхищения, что резкий ответ замер у девушки на языке. А вельможа продолжил с любезной улыбкой: — Мое имя Десмос. Не удивлюсь, если оно тебе знакомо... Я — королевский судья Аргоса.

Если он рассчитывал поразить ее, то просчитался. Улыбаясь, гирканка подняла бокал.

— Увы, я не вожу знакомства с судьями. Ибо сама выношу приговоры и сама же привожу их в исполнение!

На что месьор Десмос, выпив вино до дна, торжествующе провозгласил:

— Я же говорил, она бесподобна!

...Впоследствии королевский судья признался, что имел в виду несколько иное: в силу своих обязанностей он не раз посещал своих собратьев по ремеслу из соседних держав. В Заморе и Шеме, в Аквилонии и Кофе, и даже в нищей далекой Бритунии он слышал жалобы на неуловимую разбойницу и воровку с огненными волосами по имени Соня, за голову которой была назначена немалая награда. И теперь, едва завидев красавицу-гирканку, он сразу догадался, с кем имеет дело.

Но смутить воительницу было не так просто. Выслушав Десмоса, она лишь передернула плечами.

— Я же сказала, что не вожу дружбы с судьями...

Однако, спустя несколько дней, Соня была готова признать, что для месьора Десмоса согласна сделать исключение.

\* \* \*

Смолоду аргосский вельможа служил в королевской гвардии, однако на полях сражений не отличился, поскольку как раз в то время страна не вела войн с соседями. Вскоре Десмоса отзывали ко двору, где он, исполняя самые разные поручения монарха, наконец достиг должности верховного судьи державы.

Высокое положение, однако, ничуть не сказывалось на его нраве. Придворный был со всеми ровен и любезен, ценил хорошую шутку и не боялся посмеяться сам над собой. Кроме того, посвященный в сокровенные тайны придворных интриг всей Хайбории, он умел развлечь слушателей интересной, забавной или поучительной историей, отличался широким кругозором и не страшился новизны. Во многом этот вельможа напоминал Соне Джергеза, хауранского советника, в чьем доме она воспитывалась в юные годы,— а потому она вскоре начала испытывать к Десмосу едва ли не родственные чувства.

Что касается аргосца, он находил рыжеволосую наемницу неизменно занимательной и всегда искал ее общества (что не преминули отметить корабельные сплетницы), однако ни в чем не выходил за рамки приличий.

— ...Расскажи мне о себе,— попросил девушку Десмос, спустя несколько дней с начала пути.— Кто ты такая, Рыжая Соня?

Солнце поднялось уже высоко, но погода постепенно портилась; в воздухе стала ощущаться прохлада, а ветер мало-малу набирал силу. Де-

вушка стояла, опершись на поручни, и глядела на воду, омывавшую корпус судна.

— Ты сам только что сказал.

— Да — но это только имя. А я хочу узнать о твоей жизни. Кто ты и откуда?

— Зачем? — Соня не смотрела на собеседника, но чувствовала, что тот не сводит с нее глаз.

— Ты — нечто особенное. Я еще не встречал женщин, подобных тебе. Что же удивительного в моем любопытстве? Человеку свойственно пытаться понять неведомое...

Воительница вздохнула. Рано или поздно подобные речи начинали вести все мужчины, с кем она имела неосторожность быть любезной. Каждый из них почему-то начинал мнить себя ее избранником, терял остатки рассудка... а она теряла хорошего друга, пытаясь объяснить, насколько он заблуждается. За всю свою жизнь Соня могла бы по пальцам пересчитать исключения этому правилу.

— Послушай, Десмос, — улыбнулась девушка, — ты прав, ты меня совсем не знаешь. Но пройдет несколько дней, мы расстанемся — и какое это будет иметь значение? Давай лучше оставим все как есть.

— Но почему? — Придворный был в недоумении. Живя среди людей праздных, он привык, что для них самая большая ценность — это бесконечные разговоры о самих себе, о своих надуманных бедах и сложностях. Скрытность Сони была для него вызовом. — Что плохого случится, если ты поведаешь мне свою историю?

— Возможно, ничего. — Соня начала злиться. — Но если я не хочу рассказывать — люди должны уважать мое желание. Или месьор судья привык, чтобы люди не смели держать от него тайн? Пусть даже под пыткой!

— Возможно, — неожиданно рассмеялся Десмос. — Ты права, я слишком настойчив, это не подобает придворному, а тем паче государственному мужу. Должно быть, мне действительно необходим отдых, чтобы вновь ощутить себя человеком, а не зарывшейся в пергаменты крысой.

Соня с сомнением покосилась на собеседника. Он не обиделся на ее резкое замечание. Почему? Она намерено хотела задеть его, ибо чувствовала, что человек этот отнюдь не так прост, как желает казаться, и надеялась, что в гневе он выдаст то, что желает скрыть. Но он слишком хорошо держал себя в руках.

Девушка нахмурила брови. И, приняв решение, неожиданно переменила тему разговора:

— Кстати, а ты женат?

— Н-нет... Но зачем ты спрашиваешь? То есть... — на мгновение Десмос смутился, — я хочу сказать, неужто моя скромная персона небезынтересна для тебя, о прелестнейшая?

Ага! Ей все же удалось застать его врасплох. И Соня с мстительным удовлетворением продолжила:

— Неужели ни одна придворная красотка не запустила коготки в королевского судью? Не могу поверить!

— Верно. — Изображая смущение, вельможа попутисялся. — Их было даже не одна, а целых три.

— И ты их всех отравил?! — восхищенно восхлинула девушка.

Какой-то аристократ, направлявшийся к поглощенной разговором парочке, заслышив последние слова Сони, резко развернулся на каблуках и поспешил в другую сторону. Девушка и ее собеседник с усмешкой проследили за ним взглядами.

— Отравил? О, нет! Наказание слишком сурово... Однако верховный жрец храма Митры — мой близкий друг. Ему не стоило труда всякий раз объявлять эти союзы недействительными.

— Но почему же он пошел на это?! Разве сие не есть грубейшее нарушение канона?

— Ничуть.— Десмос широко улыбался.— Эрталиус объяснял, что действует во имя высшего блага, что куда важнее всех канонов. Ибо судья более склонен проявлять милосердие к падшим, когда он доволен жизнью. А человек, несчастливый в супружестве, на такое неспособен.

Соня восхищенно покачала головой. Несмотря на свои странности, месьор Десмос нравился ей все больше и больше...

Обозревая бескрайнюю морскую гладь, далеко на горизонте девушка вдруг заметила узкую темно-зеленую полоску.

— Там остров?

Десмос молчал. Повернувшись к нему, Соня заметила, что придворный нахмурился.

— Это Ос-Льерро,— вымолвил он наконец.

— Ах, да! — отозвалась девушка деланно небрежным тоном.— Нам же обещали какой-то Остров Преступников... Это он и есть?

Королевский судья кивнул. От его недавней веселости не осталось и следа. В глазах читалась затаенная боль. На мгновение Соне сделалось жаль этого человека, но внезапно в голову ей пришла странная мысль и она подосадовала сама на себя, что не подумала об этом раньше: возможно, месьор Десмос проявил к ней такой повышенный интерес лишь потому, что в самый первый день она помянула Галиано. А ведь граф намекал ей, что, помимо человека, которого надлежит вызволить с Острова, там будет и еще один, который постарается ей помешать. Подозревать в этом Десмоса как будто повода нет... и все же его поведение внушало воительнице подозрения.

— Так что это за Остров, расскажи мне! — потребовала она.

— Его полное название — Ос-Льерро. Вот уже триста лет там находятся ссыльные. Туда отправляют тех преступников, кого по каким-то причинам нельзя лишить жизни.

— Вот как? Тогда для тебя, из всех нас, это место должно иметь особое значение. Ведь это ты отправлял сюда этих людей, месьор Десмос! А теперь что, решил полюбоваться на свое творение? — Тон Сони был горек, хотя, возможно, аргосец и не заслуживал ее гнева. Но она вспомнила в этот миг своих бесчисленных знакомцев: воров, разбойников, наемников, павших жертвой королевского правосудия в самых разных странах... Конечно, все они не были добропорядочными горожанами — но они были ее друзьями!

Десмос, побледнев, отшатнулся и долгое время молчал, словно не решаясь заговорить.

— Твои слова несправедливы,— вымолвил он наконец.— Хотя одновременно я не могу не признать правоту твоих упреков. Скажу правду, Соня, ибо ты — одна из немногих, с кем я чувствую, что могу говорить откровенно. Жизнь давно сделала мне в тягость. Я отправился в это путешествие в надежде разобраться в себе самом. А друзья давно советовали мне сделать это. Говорили, что на морском просторе смотришь на вещи иначе, чем в душном, тесном городе... Не знаю. Пока что я вижу, что все мои проблемы никуда не делись. И груз вины все так же давит мне на плечи.

Вельможа вздохнул. Воительница не торопила его. Раз уж он решил раскрыть ей душу...

— Я всегда сознавал, какую огромную ответственность возложил на меня Престол и Храм, вручив мне золотой посох судьи. Превыше всего я ставил служение Закону. Ведь Закон — это суть общества; правосудие — это то, что делает человека человеком, а не дикой тварью. Меня называли безжалостным, бездушным. Неправда. Я проявлял милосердие, когда преступник был этого достоин. И все же Закон был моей единственной страстью и смыслом существования.

Десмос помолчал.

— Но?..

— Но...— вздохнул он, уставясь невидящим взором на струящуюся мимо воду,— но, когда мой родной брат совершил преступление, ужасное преступление, за которое суд карает пожиз-

ненной ссылкой на Остров, я впервые в жизни пришел в смятение. Больше того, я был уничтожен. Раздавлен.— Десмос стиснул поручень рука-ми, так что побелели костяшки пальцев.— Если помнишь, не так давно, когда аквилонское владычество в Аргосе ослабло, в столице поднялся мятеж. Разумеется, я был на стороне прежнего порядка. Но мой брат молод и горяч. Он принял сторону бунтовщиков. И, когда его пытались задержать, убил начальника стражи, родича высокопоставленного придворного. Я не мог бы замять дело, даже если бы очень захотел... Тарантия требовала крови мятежников. Мой брат оказался идеальной жертвой. Мне пришлось выбирать между голосом крови и правосудием. Я выбрал последнее. И приговорил своего любимого младшего брата к вечному заключению на этом проклятом острове, населенном кровожадными чудовищами, давно утратившими человеческий облик.

Соня была поражена этими словами; она не знала, что ответить.

— С того дня,— после недолгого молчания продолжал Десмос,— мне кажется, я стал более снисходителен к преступникам. Да, именно так. Страдание это или попытка загладить вину перед братом и самим собой — не мне судить. Но вот уже долгие годы я несу в душе это бремя, и с каждым днем оно становится все тяжелее. Признаюсь тебе, Соня: я не потому отправился на «Ниросе», что хотел отдохнуть от трудов праведных. Нет. Это был единственный способ оказаться

поблизости от Ос-Льерро. Я не мог дольше откладывать это путешествие. Это сильнее меня!

Последние слова Десмос почти выкрикнул, и в голосе его были такая боль и надрыв, что Соня совершенно растерялась. За годы боёв, походов и каждодневных опасностей она отвыкла общаться с людьми, которые чувствуют так остро, принимают все так близко к сердцу. Благословенный дар утешения, свойственный большинству обычных женщин, был чужд суповой и гордой воительнице. Другая на ее месте, возможно, обняла бы вельможу, принялась бы шептать ему успокаивающую чепуху... Но Соня лишь осторожно тронула судью за плечо и мягко проговорила:

— Ты сделал то, что должен был сделать, месьор. Каждый человек сам выбирает свою судьбу — и твой брат в том числе. Он знал, на что шел. Почему ты отнимаешь у него право решать?

Придворный судорожно замотал головой.

— Как ты не понимаешь — я ведь *решил* его судьбу! Я отправил его на Ос-Льерро!

Словно в ответ этому трагическому возгласу вдали послышался низкий и мощный громовой раскат. Девушка подняла глаза к небу. Быстро темнело; отдаленные всполохи высветили подкладку тяжелых туч, повисших над морем; крупные капли начали падать на палубу, на воду, на лицо Сони.

— А не пойти ли нам выпить вина? — неожиданно совершенно будничным тоном предложил Десмос и, не дожидаясь ответа, направился по трапу вниз.

Соня глядела ему вслед, а с неба сыпался набиравший силу дождь, шумно обрушающийся на доски палубного настила.

\* \* \*

Буря крепчала с каждым мгновением, могучие порывы ветра сбили «Нирос» с намеченного курса. Почти все пассажиры укрылись от непогоды в каютах, но и там разыгравшаяся качка швыряла их от переборки к переборке. Женский визг сливался с мужскими голосами, сыпящими отборными ругательствами.

На палубе капитан Тио приказал матросам спустить все паруса и прочно закрепить снасти. Он ругался, поминая Митру, и хватался за все, что попадало под руку, чтобы его не снесло за борт.

Впередсмотрящий в «вороньем гнезде» вопил от страха, опасаясь, что его швырнет в бурные воды. Тио послал ему на помощь другого матроса, но того так завертело на бешеном ветру, что он не смог вскарабкаться по вантам.

Соня, единственная из пассажиров, осталась стоять на палубе. Для безопасности она привязала себя канатом к мачте и напряженно всматривалась в серый, летящий навстречу туман. Вокруг ничего не было видно — лишь серая мешанина, где море сливалось с низко летящими клоцковатыми тучами, дождем и туманом.

Кто-то встал рядом с Соней, цепляясь за канат. Она обернулась. Десмос! На лице его было странное зловещее торжество, словно он был уве-

рен, что шторм этот послан ему одному в наказание, и приветствовал небесную кару.

— Куда нас несет? — Соня с трудом перекрикивала вой ветра.

— Не знаю! Но — смотри!

Соня обернулась. Штормовой ветер, который прежде дул в спину, теперь бил ей в лицо, почти лишая дыхания. Впереди, близ правого борта, девушка увидела очертания суши, слабые намеки на береговую линию, мелькавшую в редких просветах меж потоками ливня.

— Земля! — вскричала Соня. — Тысяча демонов! Неужто буря загнала нас так близко к берегу?

Десмос схватился за поручни, сопротивляясь порыву ветра.

— Это не берег! — выкрикнул он. — Это — Остров!

Соня удивленно раскрыла глаза.

— Если сядем на мель — это конец, все пропало! — прокричал Десмос.

На корме, у них за спиной, раздался громкий, отчаянный крик рулевого. На помощь ему бросился капитан. Но в это мгновение канаты лопнули, и штурвал бешено завертелся в другую сторону. Правая рука моряка попала между спиц, и ее переломило, как щепку. Орущего от страшной боли рулевого бросило на палубу. Двое матросов попытались остановить штурвал, а капитан Тио в это время боролся со снастями, которые рвались у него под руками.

Не раздумывая, Соня бросилась на помощь, но ее перехватил Десмос. Девушка вырвалась.

— Мы ничем не сможем помочь! — крикнул вельможа. — Рулевое управление вышло из строя! Соня оглянулась.

Тио отбросило в сторону — чтобы удержаться на палубе, ему пришлось ухватиться за скользкие бревна. Двое матросов попытались было оттащить рулевого вниз — и их смыло за борт огромной волной. На краткий миг Соня увидела несчастных среди бурлящих волн, а потом они исчезли в серой пучине. Страдая от невыносимой боли, рулевой попытался отползти в безопасное место, но его отшвырнуло вниз и ударило о трап — череп раскололся. Неукротимый ливень принял смыть кровь.

Соня оторвалась от Десмоса и побежала к Тио, судья бросился за ней. Девушка опустилась на колени и помогла капитану подняться. Тот еле держался на ногах. Он оперся о плечо воительницы, потом отер воду с лица и горестно воскликнул:

— Без руля мы наверняка врежемся в этот проклятый Остров!

Десмос поднял глаза и поглядел поверх правого борта. Теперь Остров был ясно виден: затянутая туманом, исполосованная струями дождя громада четко вырисовывалась на фоне свинцового неба.

Оглушительный раскат грома, сопровождаемый ярким сполохом молнии, не предвещал скорого окончания бури. Матросы суетились на палубе, делая все возможное, чтобы спасти судно. Однако шторм безжалостно расшвыривал их, смывал за борт. Повсюду слышались отчаянные крики и ругательства.

Из кают поднялись пассажиры, но не из числа богачей и вельмож. Они предлагали свою помощь. Проку от них, необученных, было немного, но сейчас даже это могло пригодиться. Моряки с радостью приняли их в свою команду.

— Митра! Сейчас мачта рухнет! Ну-ка, взяли, еще взяли!

— Крепи конец, да поживей! Давайте-ка вдвоем!..

— Помогите же ему! Да помогите!

— Осторожней!

В каютах царил разгром, были и пострадавшие. Какая-то разряженная старуха придворная, та самая, что в первый день появления Сони выскочила, как ошпаренная, из-за стола, со страху выбравшись на палубу и истошно завопила при виде крови, трупов и полной неразберихи, царившей там.

— Госпожа Арура, осторожнее! — крикнул ей капитан.

Женщина вертела головой во все стороны, и тут ее зацепила рея, с грохотом обрушившаяся на палубу. Женщину понесло по скользким доскам и с размаху ударило о фальшборт — этот второй удар добил ее.

Обернувшись, Тио различил сквозь сплошную завесу дождя береговые заросли.

— Остров! — крикнул он.

Да, корабль несло совсем близко от Ос-Льерро. «Нирос» не мог противиться мощному течению. Соне, Десмосу и Тио оставалось только бессильно наблюдать, как неотвратимо надвигается кошмар. А роскошное, потерявшее управление прогулоч-

ное судно тем временем приближалось к берегу проклятого Острова.

— Ложитесь! — крикнул Тио. — И не поднимайтесь! А не то нас смоет за борт!

Соня физически ощущала, как шевелятся под ногами доски палубы — изгибаются, дрожат, смеются в ритме качки. Корабль неумолимо приближался к острым серым скалам, поросшим ветвистыми деревьями. Девушка инстинктивно прижалась к палубе и напрягла мышцы, стремясь слиться в единое целое с мокрыми, скользкими досками.

Соня вскрикнула: огромные ветви протянулись к мачтам, задевая паруса «Нироса». Однако судно все-таки не врезалось в камни. Наоборот, оно даже чуть отвернуло и пошло вдоль берега, держась к нему левым бортом. Тио выругался в недоумении.

Направление ветра изменилось, и буря слегка поутихла. Но теперь путешественников ждала новая погибель. Там, среди зарослей, за ними наблюдала целая толпа...

— Видел их? — спросила Соня Десмоса.

— Псы! — взъярился тот. — Стервятники, питающиеся падалью! Отбросы общества! Они ведь только и молятся сейчас, как бы нас разбило в щепки, тогда они разграбят судно. А если не разобьет, то они попытаются захватить корабль, чтобы бежать! — Десмос повернулся к Тио. — Облейте палубу маслом и подожгите!

— Что? — не поверил своим ушам капитан. — Что ты сказал?!

— Я сказал: вылей масло и сожги судно!

— Митра! Да ты в своем уме?

— Они же захватят корабль! Можешь ты это понять? — яростно кричал Десмос, охваченный паникой.— Только этого они и ждут! Они перережут нам глотки и завладеют «Ниросом»!

— Мы будем драться! — по-звериному оскалилась Соня.

— Против сотни головорезов? — Десмоса поразила ее очевидная глупость.

— Да хоть против тысячи!

— Я не позволю поджигать «Нирос»! — зло вскричал Тио, явно намереваясь вступить в схватку с Десмосом, если тот попытается предпринять что-нибудь во исполнение своего замысла.

И вдруг — резкий крен, что-то взлетело и стало опускаться на палубу. Десмосу пришлось схватиться за планшир. Тио поднял глаза. Огромная ветвь протянулась с берега и коснулась мачты «Нироса». Капитан ахнул.

Сквозь дождь и туман Соня увидела человека с ножом в руке. Когда «Нирос» оказался как раз под ветвью, он прыгнул на палубу.

Десмос отпрянул, а Соня выхватила меч.

Человек оказался совсем рядом с ними. При падении послышался хруст: негодяй, должно быть, повредил щиколотку или вывихнул ногу, однако он мгновенно поднялся и выставил нож. Так мог вести себя только опытный разбойник. В его глазах полыхала ярость, будто за спиной толпилась тысяча демонов. С безумным воплем он

вскинул кинжал и, прихрамывая, бросился на Десмоса, Тио и Соню.

Она приняла вызов — прыгнула вперед, и когда сжигаемый ненавистью головорез взмахнул ножом, сделала выпад и ударила негодяя в грудь. Тот отступил — как ни странно, у него еще нашлись силы сделать несколько шагов. Соня приготовилась было нанести второй удар, но тут разбойник ничком упал на доски палубы, нож выпал из его руки.

Послышался отдаленный гром. Соня смотрела на труп. Дождь смывал кровь с лезвия ее меча. Она заметила, что ветер быстро стихает.

Слишком быстро.

Она обернулась к Тио и Десмосу.

— Этот ублюдок там не один, они нагрянут во множестве,— воскликнул капитан.— Вооружайтесь! Скорее! — Он повернулся к старшему помощнику и бросил ему ключи.— Бегом в оружейную, Солс! Каждый мужчина должен иметь меч или кинжал. Выполняй!

Тот на лету поймал связку и поспешил вниз.

Дождь продолжал лить. Волны по-прежнему раскачивали судно, однако «Нирос» беззвучно двигался вдоль берега Острова, обходя торчащие из воды камни, будто ведомый гигантской невидимой рукой.

Немногие пассажиры, первыми успевшие получить оружие, собрались на палубе и смотрели на капитана, ожидая его команды. Пораженный необъяснимым ходом лишенного управления корабля, Тио тревожно взглядался в берег.

— Два человека на корму,— приказал он, не оборачиваясь,— проверить рулевые тяги.

Никто не сдвинулся с места.

— Пошли! — заорал капитан. Он гневно повернулся, и взгляд его упал на моряков.— Ты и ты, быстро!

Они двинулись, сначала медленно, потом — со всех ног. Добравшись до штурвала, один из них вдруг закричал и упал навзничь со стрелой в груди. Второй рухнул на колени и пополз к трапу.

Тем временем судно продолжало едва заметно продвигаться вперед. Порою казалось, будто оно вообще стоит недвижно, скребя бортами об уходящие в воду корни деревьев. Десмос нервно склонил и провел пальцами, унизанными перстнями, по кинжалу, висевшему на поясе.

— Надо обязательно попытаться починить руль,— сказала Соня капитану.— Я пойду к штурвалу.

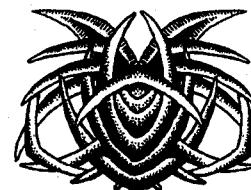
Десмос взглянул на нее, Тио только покачал головой. За спиной послышался звон металла — Солс крикнул, чтобы ему помогли донести оружие. За ним на палубу вышли все остальные.

— Скорее! — поторопливал капитан.

Десмос взял меч. Соня покрепче сжала в руке свое оружие.

И вот, когда луч солнца пробился сквозь серые облака, неслышно плывущий «Нирос» сел на песчаную отмель и наконец остановился.

### Глава третья



ровалиться мне на этом месте! — заорал Урдус.— Это корабль!

— Точно как предсказал Атхари! — воскликнула Алейла.— Он говорил, что так и будет!

Урдус недовольно взглянул на нее и покачал головой.

Они вышли на тропу, пробрались через густой влажный лес и теперь двигались к берегу. Один из головорезов Урдуса побежал к пещерам — сообщить всем новость, что во время шторма большое аквилонское судно прибило к Острову, и сейчас оно стоит на месте, будто бросило якорь. Там уже собирается толпа жаждущих поживиться.

Укрывшись за широкими листьями кустарника, Урдус и Алейла, а с ними еще с полдюжины разбойников, не отводя глаз взирали на чудо из чудес: перед ними — прямо тут, у кромки воды, под сенью деревьев — покачивалось словно ожидающее их судно.

— Боги! — воскликнул Урдус. — Да это жирненький корабль! — Так пираты и разбойники называли любое судно, на котором оказывалось больше шелка, чем канатов, а богатых пассажиров-бездельников — больше, чем трудолюбивых моряков.

— Этую посудину мы захватим играючи, — проговорил один из разбойников, вертя в руках нож.

— Иди и позови колдуна, — приказал Урдус; он повернулся к одному из своих приспешников: — Ты слышал? Отправляйся и приведи его ко мне! Да поживей!

— Но он где-то на болотах, — возразил тот.

— У тебя ноги есть — так пошевели ими, пока я не переломал тебе кости!

Человек повернулся и бегом бросился выполнить грозное приказание.

— Дело может оказаться опасным, — предупредила Алейла. — На Острове царит необычайное оживление, все возбуждены. Каждый хочет ухватить свою долю добычи.

— Вот почему и нужен шемит, — зло пробормотал Урдус. — Никто, кроме него, не сможет захватить судно. Он мне обещал!

Долго искать колдуна не пришлось — посыльный Урдуса не успел пробежать и четверти лиги, как столкнулся с Атхари.

— Ты нужен Урдусу!

— Знаю.

Колдун прошел мимо — тихо, как ветер, и бесшумно, будто летел над землей. В сумеречной лесной чаще глаза его сверкали, испуская жутко-

ватый свет. Капли дождя падали с листьев и осипали голову Атхари, когда он пробирался сквозь заросли.

— Ты хорошо послужил мне, чародей, — повернулся к нему Урдус. — Проклятие, твои предсказания сбылись точь-в-точь!

В голосе вожака смешивались похвала и презрение, благодарность и раздражение. Атхари ничего не ответил. Алейла нахмурилась.

— Со всего Острова сюда мчатся за добычей, — сказала она колдуну. — Ты должен помочь нам захватить и удержать судно!

Атхари по-прежнему молчал.

— Что с тобой, шемит? — опешила женщина.

Он неожиданно ощерился и тихим голосом произнес:

— Моя работа — это мое дело.

— Что? — удивилась Алейла. С недавних пор в обществе колдуна ее охватывала неуверенность — видимо, действовало какое-то странное волшебство.

— Так поможешь нам захватить корабль? — рявкнул Урдус.

Атхари перевел взгляд на него.

— Да или нет? — громко переспросил гигант. — Скоро сюда нахлынут все обитатели Острова — сам знаешь, слухи здесь распространяются молниеносно. Мы должны напасть сейчас же!

Сжимая в потной ладони рукоять меча, он нетерпеливо ожидал ответа шемита. Тот стоял неподвижно, погрузившись в себя. Урдус и его присные ощутили неловкость. Сквозь листву де-

ревьев колдун глядел на судно, будто был способен силой воли поджечь или поднять его в воздух, или вернуть на прежний курс, вызвав еще один шторм.

— Глупец,— проговорил наконец Атхари.— Я помогу тебе захватить корабль, но ты должен кое-что пообещать мне за это.

— Что именно? — Урдус оскалил зубы, чуя западню.

— Кровь тех, кто погибнет в схватке.

Некоторое время Урдус ошеломленно молчал, а потом разразился хохотом. Однако лицо Атхари оставалось серьезным.

— Покажешь мне тех, кто тебе нужен живьем! А что до крови, то там ее будет предостаточно,— согласился гигант.— Больше, чем тебе потребуется для колдовства, шемит. Забери ее всю! Всю, не жалко! — Вожак подозвал своих воинов.— В первую очередь — стрелы,— спокойно приказал он.— Но без команды не стрелять. Часть лучников пусть заберется на деревья. И сидите там, пока я не дам сигнал.

\*\*\*

С оружием наготове Соня стояла у правого борта, рядом с ней — капитан Тио, месьор Десмос и матросы. За ними столпились вельможи и купцы, решившиеся защищаться с оружием в руках. Все они ждали начала сражения. Повисла тяжелая, напряженная тишина.

С проницательностью хищной птицы Соня взглядалась в темную чащу леса. За спиной она

слышала приглушенный шепот испуганных женщин. Несмотря на близость гибели, на шторм и смертельную опасность положения, те признавались друг другу, как занимает их это приключение.

Соня мысленно послала их к демонам. И в этот момент просвистели первые стрелы.

Казалось, они летели одновременно со всех сторон — смертоносный ливень вырвался из листвы высоких деревьев и обрушился на головы обреченных.

— Всем лечь! — приказала Соня.

Ответом ей был всеобщий вопль отчаяния. Она слышала, как с тяжелым стуком падали на палубу моряки, сбитые со снастей, как с громким всплеском падали в реку убитые.

— К оружию! — истошно выкрикнул Тио.

Пригнувшись, чтобы оставаться под прикрытием фальшборта, Соня прокралась к самым поручням.

— Огонь и пепел! — вскричала она в сердцах.

Целая шайка головорезов вброд подбиралась к «Ниросу». Вел их человек огромного роста, он громовым голосом отдавал приказы, подтверждая каждое слово взмахами длинного меча.

— Всем назад! — приказала Соня.— Занять круговую оборону!

Несколько нападающих обрушились на борт «Нироса» откуда-то сверху. Соня подняла глаза и увидела, как они ловко пробираются по ветвям, нависшим над судном, а потом спрыгивают прямо на палубу. Моряки готовились к отраже-

нию атаки. Послышался звон скрещивающихся клинов.

— Назад, во имя всех богов! — Соне приходилось кричать во все горло, чтобы быть услышанной. — Сомкнитесь!

Она вернулась на верхнюю палубу. Первая туча выпущенных противником стрел имела целью посеять среди защитников «Нироса» панику, предотвратив таким образом организованный отпор. Тио тоже понял это.

— Назад! — крикнул он. — Отступите и ждите нападения. Потом врезайтесь в толпу и рубите головы, когда разбойники полезут через борт!

Первых нападающих встретили ударами мечей. Жадные руки, тянувшиеся к планшарам, отрубали клинками; страшные удары рушились на головы нападавших. Палубу заливала кровь. Соня бросилась в атаку одной из первых. Когда через борт перелезал какой-то бородатый тип с мечом в руках, она метнулась навстречу и отсекла ему кисть руки, а потом ударом в горло прикончила негодяя. Тот перевалился через поручни, зацепил еще двоих разбойников и все трое упали в воду.

Однако нападающих, казалось, было не счесть — кто мог бы справиться с такой массой? Обитатели Острова продолжали спрыгивать на палубу с ветвей, кое-кому из них удалось взобраться на обращенный к морю левый борт.

Правда, многие нашли смерть, так и не доплыv до судна, ибо едва вода окрасилась первой кровью, оживились кишевшие под берегом хищ-

ные рыбы и морские змеи. Они плотным клубком подобрались поближе к бортам и устраивали пиршество всякий раз, когда очередной раненый разбойник оказывался за бортом. Твари мгновенно разрывали его на части и жадно заглатывали.

Отбиваясь от одного из нападающих, Соня сбросила его за борт. Разбойник вопил и ругался — из живота у него вывалились внутренности. Краем глаза воительница увидела, как над ним сомкнулись мощные челюсти гигантской рыбакеллы, мгновенно увлекшей несчастного вниз, в серую пучину.

Тем временем на палубу «Нироса» пробилось уже много разбойников, и с таким их числом матросам было не справиться. Да, экипаж капитана Тио состоял из настоящих аргосских моряков, людей закаленных и немало повидавших в жизни, но они не были ни ветеранами битв, ни опытными фехтовальщиками. А вот люди Урдуза едва ли не все без исключения являлись профессиональными убийцами, да иным на Острове было и не выжить. Насилие и безжалостность давно стали здесь нормой существования. Разбойники лучше понимали друг друга и ситуацию, чем команда «Нироса», и уж тем более лучше, чем купцы и вельможи, многие из которых впервые взяли в руки боевое оружие.

Соня тоже понимала все, что происходит, — и разумом, и интуицией. При малейшем намеке на опасность внутренний страж предупреждал ее — в мгновение ока девушка взмахивала мечом, и враг оказывался повержен.

С оружием в руках коренастый и чуть медлительный Тио преобразился, превратившись в расчетливого и многоопытного военачальника. Соню вдохновляло, как легко и властно он отдавал распоряжения, как умело оборонял тылы.

Соня фехтовала искусно и неутомимо. Вокруг нее кипел бой, слышались крики, брань, звон клинков, кровь заливалась палубу, брызгая на мачты и паруса. Ноздри расширены от ярости, серые глаза полыхают страстью, медно-рыжие волосы разлетаются от быстрых движений — Соня разила направо и налево, словно безумная. Пораженные ее обликом разбойники готовы были поубивать друг друга за обладание столь потрясающей женщиной.

И падали бездыханными под ударами ее меча.

Палуба уже стала скользкой от крови, несколько раз Соня спотыкалась о трупы. Мечом она раскроила лицо одного из нападавших и успела вовремя отклониться, чтобы избежать удара ножа — воительница даже ощутила холодок, когда лезвие полоснуло на волосок от скулы. Она мгновенно обернулась и увидела, как нож снова взметнулся вверх. Молниеносно, но в то же время спокойно и даже грациозно, что дано лишь очень опытным воинам, Соня отклонилась и сделала выпад — мерзавец согнулся, повалился набок, выронил меч и рухнул на палубу.

Девушка услышала ликийский крик Тио: тот приканчивал очередного головореза. Потом заметила Десмоса — вельможа забился в угол, одинокий, дрожащий от страха, охваченный ужасом от

того, что творилось вокруг. Соня подбежала к нему.

— Вставай и сражайся!

Беспомощным жестом Десмос выставил перед собой украшенный рубинами кинжал — будто надеялся, что кто-то из нападающих сам напорется на его полуигрушечный клинок.

— Ну же, Десмос!

— Я... я не могу. — Голос аргосца дрожал от стыда.

— Возьми мой меч и...

— Но я не могу драться! — хрюплю выговорил он, глядя на Соню полными ужаса глазами. Нет, он смотрел не на нее, а на кровь, стекавшую с ее меча.

За спиной раздались крики. Соня присела и повернулась в тот самый миг, когда клинок серебристой молнией сверкнул там, где только что была ее голова. Она сделала резкий выпад и ударила нападающего в грудь. Тот свалился, но тут же на смену ему появился другой. Соня отскочила, приготовилась к удару, но в этот момент что-то потянуло ее сзади, и она, потеряв равновесие, упала.

Скрюченными пальцами за нее цеплялся последний из поверженных ею противников. Негодяй схватил ее за волосы, царапая когтями обнаженную шею, и наконец ухватился за лиф из чешуйчатой кольчуги. Умирающий пес вознамерился прихватить девушку с собой. Соня попыталась оторваться от негодяя, ударила, но промахнулась. Разбойник лающе засмеялся и набросился

на девушку. Стиснув пальцы смертельной хваткой, негодяй стал клонить ее к доскам палубы, и воительница почувствовала, что у нее подкашиваются колени. Девушка отчаянно боролась, но умирающий цепко держался за кольчужный лиф — в конце концов тот лопнул и упал на палубу. Соня ощутила прохладу на обнаженной груди. Она упала на бок и на миг испугалась, что кто-нибудь сможет воспользоваться ее беспомощным положением и убить ударом меча.

— Десмос! — выкрикнула она.— Помоги!

Противник чуть замешкался, и Соня сумела, изогнувшись, вонзить меч ему в живот. Преступник отполз со страшным звериным воем; на палубу густой струей хлынула кровь. Лицо негодяя стало серым, будто покрылось лишайником. В предсмертной агонии он впился зубами в ногу Сони. Она дернулась и ударила мерзавца в зубы. Чувствуя, что силы на исходе, девушка оперлась локтем о палубу и сделала отчаянный выпад мечом. Разбойник захрипел, выронил нож и наконец испустил дух.

Девушка рванулась прочь — скрюченные пальцы мертвеца процарапали длинные болезненные полосы на ее ногах. Она сморщилась от пронзительной боли.

Совсем рядом Соня увидела чьи-то босые, измазанные грязью и кровью ноги. Она перевернулась и вжалась в палубу. Когда нападающий уже занес над нею меч, девушка резко вскочила. На мгновение она увидела бородатое лицо — в следующий миг его залила кровь.

Соня перевела дух. На ней почти не осталось одежды — только пояс с ножами и кинжалом, да мягкие сапоги. Соня выглядела, как первобытная богиня войны, легендарная королева кровавых битв.

Она сразу же снова бросилась в бой. Воинственные крики сливались со стенами умирающих. Капитан Тио, выделявшийся своим серебристо-алым одеянием, смело сражался с разбойниками во главе группы моряков, но Соня понимала, что дальнейшее сопротивление не принесет победы, аргосцев погибло куда больше, чем осталось в живых. Убитые представляли собой страшное зрелище: перерезанные глотки, изуродованные лица, вспоротые животы, отсеченные руки и ноги...

Соня приблизилась к Тио и оттеснила на седавших на него двоих разбойников — теперь их клинки звенели в унисон, они дрались плечом к плечу. В этот миг девушка увидела одетого в черные шкуры гиганта — он фехтовал огромным мечом так, словно родился с ним в руках, и убивал одного моряка за другим.

Внезапно до Сони донесся женский крик. Пятеро ублюдков захватили одну из пассажирок и теперь волокли несчастную по палубе. Женщина была немолода, а мужчины казались скорее озлобленными, чем исполненными похоти. Но вот с бедняжки сорвали одежду и, осыпая ударами, перевернули на спину, потом раздвинули ей ноги. Крик перешел в визг...

Кто-то приблизился к Соне. Она резко обернулась и оскалила зубы. Воительница не видела

лица нападавшего — только меч и волосатые руки со вздутыми венами. Не раздумывая, Соня вонзила клинок в живот разбойника, а когда тот стал с воплем падать, распорола ему брюхо от пупка до паха. Хлынула кровь.

— В шлюпки! — хрюпым от возбуждения голосом прокричал Тио.

— Но мы же не можем!..

Удар, крик — и кровь другого преступника брызнула в лицо Сони.

— Давай! Пока они дали нам передышку! Прорывайся к шлюпкам, перережь канаты, освободи лодку и забирайся в нее!

Соня поразилась: впервые за все это время на нее никто не нападал. Она огляделась: даже для привычной к сражениям воительницы эта бойня была поистине кровавой. Рядом трое разбойников перекинули визжащего купца через планшир и кромсали его ножами... На девушку они не обращали никакого внимания.

— Сейчас они снова нападут, — проговорил Тио. — Вожак велел прекратить грабеж и продолжить сражение. Тысяча демонов! Поторопись к лодке!

— Но на палубе, Десмос! — вспомнила Соня.

— Забудь о нем!

Тио побежал. Соня смотрела вслед, не решаясь действовать. За спиной не утихали крики и стоны. Рядом просвистел брошенный кем-то нож. Соня выругалась. Но рукопашная прервалась — слишком многие преступники увлеклись грабежом на нижней палубе.

Кто-то из моряков Тио отвязал шлюпку, спустил на воду и прыгнул. Разбойники наблюдали за бегством моряков, но не знали, что предпринять: то ли напасть на беглецов, то ли не рисковать и позволить им уйти.

Тио перерубил канаты другой шлюпки.

— Соня, скорей!

Девушка обернулась, держа наготове меч. Она увидела человека, выбежавшего из тени под трапом. Лицо его было залито кровью. За ним, размахивая ножом, гнался полуторальный убийца.

— Десмос, берегись!

Преступник поднял кинжал, но Десмос уже успел нырнуть под поручни, разделявшие палубы. Девушка бросилась вперед, преследователь на миг замешкался — и Соня с силой метнула нож, который вонзился ублюдку прямо под кадык.

— Беги, Десмос!

— Скорее! — крикнул Тио, когда лодка опустилась на воду.

Соня по-звериному зарычала, увидев, что с кормы, перешагивая через трупы, надвигается новая волна нападавших. Схватив Десмоса за ворот, она потащила его прочь, помогла перелезть через борт. Десмос свалился прямо в воду.

Ни мгновения не колеблясь, воительница, не выпуская из рук меча, нырнула следом.

Вода была мутной и грязной. Девушка вынырнула на поверхность, огляделась и поплыла к шлюпке.

— Скорее! — торопил ее Тио.

Не переставая грести, Соня обернулась и увидела, что Десмос следует за ней, причем обе его руки свободны — очевидно, он выронил кинжал. Тио помог девушке подняться на борт шлюпки. Десмос он прокричал:

— Живее, ты не у себя в купальне, демон тебя забери!

— О, боги! — выдохнула Соня испуганно.

За спиной Десмоса появился острый плавник огромной скеллы. Не видя опасности, вельможа решил, что его просто торопят к шлюпке.

— Давай, Десмос, будь ты неладен, плыви живее!

Он протянул руку, и Соня попыталась схватить ее. Оскаленная пасть морской твари щелкнула совсем рядом. Десмос промахнулся, принял бешено колотить воду ногами и снова протянул руку. Поднявшись во весь рост, Соня выхватила последний кинжал и метнула прямо в глаз скеллы. Кровь окрасила воду, челюсти сомкнулись, чудовище ушло под воду, огромный хвост вспенил поверхность. Тио втащил вельможу в шлюпку.

Тем временем разбойники на борту «Нироса» разделились. Одни, ссыпя проклятиями, следили за беглецами и даже хотели пуститься в погоню, но моряки усиленно гребли, и шлюпки быстро удалялись от покинутого судна, а других лодок на корабле не осталось. Однако большинство торжествовали победу, им больше ни до чего не было дела.

Капитан поглядел на Соню, и выражение его лица изменилось.

— Боги, да ты же совсем обнажена! — воскликнул он, будто заметил это впервые.

— Знаю. Это подождет... — Соня бросила взгляд в сторону «Нироса» и проговорила удивленным шепотом: — Это еще что?

Тио проследил за ее взглядом. Им с трудом удавалось разглядеть фигуры разбойников, захвативших судно, однако они заметили среди них главаря в звериных шкурах. До беглецов донесся шум боя, снова разгоревшегося на палубе.

— Похоже, они дерутся между собой! — предположила Соня.

Тио покачал головой.

— Посмотри на берег. Там тоже вовсю идет побоище. Островитяне сражаются за то, кому будет принадлежать мое судно!

— Боги и демоны! — воскликнула Соня и жестом привлекла внимание капитана к происходящему. — Только взгляни на них!

Теперь можно было отчетливо различить, как человек в звериных шкурах воздел сжатые кулаки и выкрикнул что-то, совершенно непонятное беглецам:

— Лайкада-айалз калхун на аркату!

Вдали прогремели грозовые раскаты, похожие на грохот погребального молота в вендийских храмах.

— О боги! Да ведь это колдовство! — ахнула Соня.

С борта «Нироса» послышались отчаянные крики, и над палубой медленно поднялось темное облако. Перестав грести, Тио, Соня и матросы

смотрели на видение, как завороженные, а разбойники вдруг расступились, а затем обратились в бегство.

Казалось, на судне возник пожар. Но — нет, ни дыма, ни огня не было видно. Колдун в звериных шкурах стоял, подняв кулаки, неподвижно и молча, а жертвы его ворожбы с истощенными воплями бросались в реку, словно гонимые некой невидимой силой, и почти сразу же шли на дно.

— Весла на воду! — приказал Тио; в его голосе слышались ужас и гнев. — Гребите, демоны вас дери! Неподалеку отсюда, на острове Ос-Майо, расположена сторожевая крепость.... — Он не отрывал глаз от «Нироса».

Соня оглянулась назад, на вторую шлюпку.

— Да, немногие смогли избежать страшной участи, — негромко проговорила она.

Тио не ответил. Он еще некоторое время глядел на «Нирос», потом посмотрел на Десмоса и Соню.

— У тебя прекрасная фигура, — вдруг сказал он серьезным, почти деловым тоном.

Соня попыталась вытереть пятна крови со своих исцарапанных, покрытых синяками ног и груди. Она поежилась.

— Вот, возьми.

Тио снял с себя рубаху и передал Соне. Та скользнула в одеяние из грубой ткани и спустила его так, что широкий вырез для шеи оказался на талии, обернув вокруг себя длинные рукава она связала их и получилась юбка.

— Не одолжишь еще пояс?

Тио кивнул.

— Надеюсь, штаны удержатся и так. Я бы их тоже отдал, но ведь надо как-то защитить собственные достоинства. — Он развязал и протянул девушке пояс; потом снова оглянулся на «Нирос». — Они все погибли, — проговорил он растерянным, угасшим тоном.

Воительница перевела взгляд на Десмоса. Вельможа сидел, опершись на кормовую доску и уставясь невидящим взглядом в пустоту. На Соню он не смотрел.

Теперь на «Ниросе» стало тихо.

В этот момент Соня думала не об убийствах, не о Тио или Десмосе.

Она подумала о колдовстве.

Только колдовство могло объяснить все, что произошло с ними, — а также висящий в воздухе непонятный, парализующий страх.

Колдовство.

\* \* \*

Урдус медленно шагал по залитой кровью палубе. Он шел, гордо подняв голову, не выпуская из руки огромный меч. Его сапоги покрывала засохшая кровь, кровь запеклась и в густой бороде. Гигант торжествовал победу: три дюжины головорезов из его шайки драили палубу, поправляли снасти, чинили паруса.

Урдус поднял глаза: на корме несколько человек осматривали тросы.

— Руль закрепили? — спросил вожак.

— Почти, — ответил один из разбойников.

Урдус удовлетворенно улыбнулся. Он поглядел на успокоившееся море и не заметил ни следа тех, кому посчастливилось удрать с «Нироса». Потом перевел взгляд на берег.

Там в густой зловонной чаще теснились враждующие шайки, объединенные сейчас общим желанием — отвоевать у него захваченный корабль. Но эти трусливые шакалы не решатся и пальцем шевельнуть! Такого страху нагнал на них Атхари со своим колдовством...

Атхари.

Люди Урдуса сбрасывали за борт трупы, и вскоре, как бы отвечая на приглашение, появились хищники: рыбы и змеи, кишмя кишевшие вдоль всего берега. Никогда еще тварям не доставалось так много человечьей плоти. Нынче у них был настоящий пир.

А из кают поднимались на палубу люди, тяжело нагруженные добычей: драгоценностями, браслетами, изукрашенными поясами, шкатулками с золотом и серебром — всем тем, что везли с собой пассажиры «Нироса». Пираты смеялись и плясали от радости. Большинству из них и не снились такие сокровища.

Из нижних помещений поднялся и шемит. В руках он держал простую шкатулку из кедра с бронзовым замком. Шкатулка была довольно объемистой, изнутри обитой шелком, однако ценностей там не было. Да и взял ее Атхари не ради наживы. Ему она была нужна для другого. И если бы человек, по незнанию доставивший ее сюда, мог догадаться о ее предназначении, он с

воплем ужаса вышвырнул бы проклятую вещь за борт...

Выйдя на палубу, шемит постоял немного, потом резко повернулся, увидев, что люди Урдуса сбрасывают трупы за борт. Он сердито обратился к гиганту:

— Что ты делаешь?

Тот поднял на шемита глаза.

— Как что? Очищаю палубу.

— Ты выбрасываешь мои трупы!

Стоявшая рядом Алейла приблизилась к Урдусу, не сводя глаз с мага. Грабители прекратили работу, испуганно уставившись на чародея, которого с некоторых пор начали побаиваться. Гигант вспомнил о своем обещании.

— Трупы скоро начнут вонять, Атхари. Ты не хуже меня знаешь, что мертвецы, оставшиеся после боя, несут смерть победителям.

Атхари зло поглядел на вожака. Не в силах отвести взгляда, Урдус побледнел.

— Используй те, что остались, — негромко предложил он.

— Но ты обещал мне все.

— Осталось-то ведь не так уж мало! — возразил Урдус. — Вот и забирай их себе!

— Не тебе судить, мало их или много, — мрачно ответил Атхари. — Мне нужно гораздо больше!

Маг повернулся и, не обращая внимания на испуганные взгляды воинов и ненависть в глазах Урдуса, поглядел на трупы. Он пробормотал что-то невнятное — даже для тех, кто стоял совсем

рядом — потом поднял кулак, держа в другой руке шкатулку.

И в тот же миг вся кровь мертвецов хлынула из ран на доски палубы, а затем, облаком воспарив в воздух, превратилась в красный туман и, стянувшись в воронку, устремилась в шкатулку колдуна.

Толпа ахнула и отшатнулась.

— Боги Всевышние, что же он делает? — в ужасе воскликнула Алейла, испуганно прячась за спиной Урдуса.

Атхари стал неторопливо переходить от одной горы трупов к другой. Он бормотал свои заклинания, воздевал кулак, и кровь алоей струей текла в его шкатулку. Никто не осмелился заглянуть внутрь ларца, чтобы увидеть, как накапливался там кровавый туман, никто даже не приблизился к колдуну.

Жуткая работа Атхари продолжалась довольно долго. Солнце опустилось к горизонту и окрасило небо в багряные тона, а шемит все переходил с одной палубы на другую, с кормы на нос, совершая свои ужасные деяния. Ни один разбойник не мог сдвинуться с места, пока чародей не закончил ворожбы.

Завершив кровавый обряд, Атхари закрыл шкатулку. Он просто опустил крышку, не запирая замка, однако наружу не просочилось ни малейшего облачка красного газа. Не глядя ни на кого, маг спустился отдохнуть в каюту — он без тени сомнения занял капитанскую, и никто не решился возразить.

Сбрасывая оцепенение, Урдус встрепенулся и скомандовал:

— Заканчивайте с уборкой! Крепите снасти!

Его приятели дружно вернулись к прерванной работе. Но теперь на палубе уже не было крови — ни на досках, ни на трупах, ее не было видно даже в воде.

— Ну как, закрепили руль? — спросил Урдус своих помощников на корме.

— Да, порядок! Судно готово к плаванию!

— А паруса?

— Починены, Урдус! — отзывалось сразу несколько голосов.

— Тогда — вперед! На свободу!

Ему ответили торжествующие вопли. Люди бросились по местам — ставить паруса, закреплять снасти. Трое затянули драку за место рулевого, но Урдус самолично встал за штурвал. Вскоре «Нирос» отошел от берега.

Алейла, которая старалась держаться поближе к Урдусу, все еще не могла отвести взгляда от трапа, по которому спустился шемит.

— Что ты скажешь о нем? — неожиданно спросил гигант и повернулся к ней.

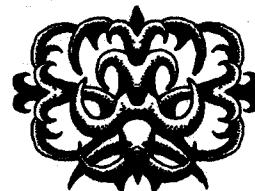
Женщина пожала плечами, но в глазах ее зажегся странный огонек. Она дружески улыбнулась Урдусу, снова пожала плечами, будто хотела сказать, что слишком рада долгожданному освобождению, чтобы интересоваться каким-то шемитом. Но вожак пребывал в дурном расположении духа. Он что-то пробурчал, отвернулся от подруги и сосредоточенно уставился куда-то вдаль.

Алейла вновь поглядела на ступени трапа, ведущего к каюте Атхари, и улыбка ее померкла.

Несколько стрел со свистом взметнулось в воздух и упало в воду, не причинив никакого вреда. То были последние отчаянные выстрелы тех, кто остался на острове, тогда как Урдус со всей своей командой и шемитом на борту целым и невредимым уходил на столь желанную свободу.

Из-за кустов, отмахиваясь от мошкеры, наблюдал за происходящим старый Вельо. А потом тряхнул головой, отвернулся и отправился прочь.

## Глава четвертая



у вот, теперь ты больше похожа на воительницу,— сказал Тио,— и меньше на женщину, переодевшуюся в наряд воина.

— Значит, вот как ты думал обо мне раньше? — усмехнулась она.

— Откровенно говоря — да, когда впервые тебя увидел,— признался Тио, подливая себе вина.— А уж когда ты помянула Галиано — я и во все решил, что ты его новая наложница.— Он улыбнулся и покачал головой.

Соня снова усмехнулась и чуть повертелась, проверяя новую кольчужную тунику, которую ей подарили здесь, в крепости.

— Немного тесновато в бедрах,— пожаловались она,— да и длинновата. Этой ржавой аргосской кольчугой я того и гляди расцарапаю ноги.

— Ну нет, такая кольчуга никогда не заржавеет,— возразил Тио; он гордился мастерством своих земляков.— Просто аргосцы обычно надевают под кольчугу штаны.

— Позволь мне кое-что переделать, чтобы двигаться свободнее, ладно? Во всяком случае рукава придется отрезать.

— В глубине души ты настоящая женщина, Соня, — заметил Тио. — Нет бы оставить все как есть!

— Я ведь могу и обидеться на такие слова...

— Тебе не приходило в голову, что это снаряжение предназначено только для боя?

— Тио, приятель, моя одежда не для того, чтобы совращать мужчин, а лишь для свободы движений. Вот смотри! — Соня грациозным движением выхватила меч и сделала выпад.

— Да, быстрее, чем угорь.

— А по мне, так я стала действовать слишком медленно.

Соня сняла тунику — при виде ее наготы у Тио округлились глаза — и стала обрезать рукава рубахи хлебным ножом.

— Ты что, совсем лишина стыдливости? — спросил капитан.

— Стыдливость рождается в голове того, кто бесстыден, друг мой. — Тяжелый рукав упал на пол, Соня ногой отшвырнула его в сторону и взялась за второй.

— Эх, вот если бы моя жена, моя бывшая жена, была столь же одаренной, как ты! Да я бы никогда не ушел в море.

— Ну и распутник же ты! Она, верно, палкой выгнала тебя из дома, потому ты и стал моряком. Вот так! — Соня открумсала второй рукав, натянула тунику и удовлетворенно кивнула: двигаться стало куда свободнее.

Она усилась напротив Тио и пододвинула пустую чашу. Тот налил ей вина.

— В самом деле, Соня, этот наряд тебе больше к лицу, чем прежний, или точнее, отсутствие такого. Скажи, с чего это ты надумала соорудить себе столь непрактичную одежду?

— Тебе не понять. — Воительница рассмеялась. — Вообще-то, можешь мне поверить, этот наряд я ношу крайне редко. Но на твоем корабле это было кстати: каждый раз, когда эти высокородные кумушки шептались у меня за спиной, а их муженьки пронзали взглядами, как кинжалами, я едва сдерживалась, чтобы не расхохотаться в голос! Но в сундуке у меня лежала самая обычайная одежда... Жаль, теперь уж до нее не добраться! — Она помолчала, вспоминая. — А вообще, это одеяние я частенько носила в Шадизаре, это была моя маленькая месть... Ведь сам заморийский наместник придумал его для меня!

У Тио от любопытства разгорелись глаза. Как и все моряки, он обожал хорошие истории.

— Его армия захватила в плен отряд наемников, в числе которых была и я, — продолжала Соня. — Стражники привели меня во дворец. Этот жирный хряк пялился на меня, как на невольничем рынке, а потом решил, что я ему по вкусу и стану одной из его наложниц. Я заявила, что не продажная девка, а воин, но он лишь посмеялся надо мной. Вот тогда он и заказал своим мастерам соорудить для меня доспехи — так, в насмешку... Я задушила его голыми руками, когда он вознамерился овладеть мною! А потом сбежала в Шадизаре.

дизар, промышляла там воровством... надо сказать, небезуспешно. Наряд же оставила себе на память. Когда он на мне, я вспоминаю прошлое и смеюсь. И убиваю тех ублюдков, что осмелятся поднять на меня руку!..

Тио даже присвистнул. Он не ожидал, что в этой красотке таится столь бешеная ярость. Но она вела свой рассказ так спокойно, почти буднично, что он без колебаний поверил воительнице.

— А ты, оказывается, еще та штучка, Соня, клянусь Митрой! Если я обижу тебя, то потороплюсь принести извинения.

Девушка засмеялась.

— Ты не из таких, Тио, сам знаешь.

— Хвала Митре! Но не слишком ли рискованная роскошь — провоцировать опасных мужчин?

— Возможно. Пожалуй, это и к лучшему, что у меня больше нет этого одеяния. И все равно — мне нравилось их подразнивать. Я доказала себе, что умею драться не хуже любого из тех, кто осмеливался надо мной насмехаться. И, в конечном счете, я осталась жива, а все они — покойники. Причем я ни разу не пожалела ни об одном из убитых мною.

Капитан отвернулся, он был явно не прочь сменить тему.

— Солнце зашло, — печально проговорил он, глядя в сгущающиеся за окном сумерки. — Надеюсь, военачальники решили, что надо делать для спасения «Нироса».

— Ты видел Десмоса? — поинтересовалась Соня.

Тио сердито поглядел на нее.

— По-моему, он знаком с местным сотником. Они ушли вместе, когда нас с тобой проводили отдохнуть. Надеюсь, он не вздумает плести небылицы о том, каким героем показал себя в бою с пиратами!

— Оставь его в покое. Сомневаюсь, чтобы он...

— А я-то думал, ты первая его осудишь.

— Человек не может ничего поделать со своей натурой. Если Десмос обречен жить с мыслью, что не умеет сражаться, то для него это и так тяжко — незачем без конца травить его за это.

— А если бы твоя жизнь зависела от того, защитит он тебя или нет?

— По счастью, до этого не дошло.

— Ну, не совсем так. — Тио хмыкнул и отпил еще вина. — Но мужчина не имеет права носить оружия, если не умеет им пользоваться.

— Он говорил, что прежде ему приходилось драться; в прошлом, еще в юности.

— Ну, не знаю. Однако он лишний раз напомнил мне, что люди не всегда таковы, какими кажутся на первый взгляд.

— Я давно поняла это.

— Не сомневаюсь. — Тио допил вино. — Но я скорее доверился бы разбойнику, чем придворному. Во всяком случае, ясно, с кем имеешь дело. Если негодяй оказывается порядочным человеком, то этому можно только порадоваться; но когда высокорожденный ведет себя, как дурак, а ты доверился ему, то...

Отворилась дверь. В комнату вошел аргосский воин.

— Сотник Хубартис приглашает вас на ужин.

— Очень даже вовремя,— пробормотал Тио. Он с трудом поднялся на ноги и оперся рукой о стол.

— Помочь? — улыбаясь, предложила Соня.

— Я могу пить больше, чем рыба,— презрительно отозвался тот,— и готов поглощать вино до следующего полнолуния. Помочь?.. Смешно!

— Я тоже умею пить,— возразила девушка.

— В самом деле? Ну и как?

Она улыбнулась аргосцу, но не ответила. Потом следом за ним направилась к дверям. «Мужчины редко таковы, как выглядят,— подумала она.— Ты хвастаешь, бахвалишься, Тио, но ты бы плакал, как младенец, из-за своего утраченного судна и погибших пассажиров, оставь мы тебя наедине с бутылкой вина».

Их проводили в главное здание крепости, где располагался штаб. Здесь за длинным столом сидели военачальники во главе с Хубартисом. Все они поднялись, тепло приветствуя гостей.

— Прошу садиться,— вежливо предложил сотник.

Соня и Тио заняли места за столом. Девушка поглядела на Десмоса, но тот смущенно отвел глаза.

Хубартис был высоким, красивым, хорошо сложенным человеком с аккуратно подстриженными бородкой и усами. Он производил впечатление гордого, уверенного в себе и весьма спо-

собного военачальника, которого весьма озабочили и опечалили события, связанные с захватом «Нироса».

— Угощайтесь, прошу вас.— Сотник жестом пригласил вновь пришедших отведать вина.— Пожалуйста, капитан Тио. Твоих людей уже покормили в казарме. Сейчас принесут ужин.

Тио налил вина, бросив взгляд на Соню,— та поняла намек, однако наливать себе не стала.

— Полагаю,— начал Хубартис,— что вам следует знать: дело обстоит весьма серьезно. Я снарядил корабль, и сразу после ужина мы отправимся в погоню за «Ниросом». Я уже направил галеас с отрядом под командованием полусотника Тобиса, чтобы обыскать побережье. Кроме того, послал сообщения в ближайшие береговые крепости, чтобы они были наготове и перехватили разбойников. Не тревожься, капитан Тио, мы найдем твое судно.

Тот молча кивнул.

— А еще я послал человека в столицу,— продолжал воин.— Мы составили список тех, кто прибыл сюда на шлюпках. Впоследствии мы сравним этот список с записями, хранящимися в Мессантии.

— Это займет много времени,— возразил Тио.— Мы вышли не из столицы, значит, бумаги отправят в лучшем случае через луну.

— В любом случае,— сразу ответил Хубартис,— им придется принять меры. Чиновники знают, как улаживать подобные инциденты. Членам семей погибших скажут, что смерть их родственни-

ков произошла вследствие шторма. Истинную причину придется сохранить в тайне. Не стоит вызывать паники: ведь бунт ссыльных на Острове неизбежно породит множество осложнений. Вот почему я хотел бы решить дело как можно быстрее.

— Я хочу отплыть вместе с вами,— напомнил Тио сотнику.

— Да-да, конечно.

— И я тоже,— вмешалась Соня.— Я готова сражаться!

Хубартис озадаченно поднял бровь.

— Что ж, посмотрим.

В первый раз с момента прихода Тио и Сони заговорил Десмос:

— Она владеет мечом лучше любого из твоих парней, сотник.

— В самом деле? — Воины за столом понимающие переглянулись и обменялись улыбками. Соня бросила взгляд на придворного, но тот как раз потянулся за вином.

— Я не стала бы рваться в бой, если бы не была уверена в себе,— невозмутимо промолвила Соня.— Те, кто видел меня в деле, это подтвердят...

Продолжать она не стала, прекрасно зная: истинность всякого заявления подтверждает время. К тому же за свою жизнь она поняла: бурный нрав чаще всего приводит лишь к ненужным осложнениям.

— Во всяком случае,— продолжал Хубартис,— я хотел бы спросить, не случилось ли вам опоз-

нать кого-нибудь из преступников, захвативших судно?

— Неужели у нас было время их разглядывать? — раздраженно отозвался Тио.

— Нет-нет, конечно нет. Но, может быть, вы можете описать кого-то из них.

— Ну, один выделялся сложением,— сказал Тио.— Таких гигантов я никогда еще не встречал. Волосы рыжие, борода, усы. Похоже, он у них вожак.

— Еще там была женщина,— вмешалась Соня.— Вообще-то несколько женщин, но запомнилась одна — черноволосая. Кажется, она все время держалась возле этого великаны.

— Кто-нибудь еще? — спросил Хубартис.

— Мы дрались за собственные жизни, а не пировали на званом вечере.— Моряку явно нравилось дерзить сухопутным воякам.

— Да, конечно,— согласился Хубартис. Седобородый человек, сидевший рядом с ним, наклонился и что-то шепнул на ухо командиру. Тот кивнул: — Остальные ваши товарищи также обратили внимание на этого здоровяка. А вы не слышали, его, слушаем, звали не Урдус?

— Или, может быть, Ургус или Уртис,— покачала головой Соня.— Все эти имена достаточно распространены.

— Мы спрашиваем об этом только потому,— пояснил Хубартис,— что пытаемся выявить, кто именно учинил побоище.

Тио кивнул. Соня не сводила глаз с сотника.

— Это устроил колдун. Начните с него!

— Благодарю за совет,— с сомнением промолвил военный.— Но, боюсь, здесь какая-то ошибка. Магов никогда не ссылали на Остров — боялись того, что они смогут натворить без присмотра.

— Не знаю, ссылали его, или он сам зачем-то пробрался на Ос-Льерро, но за свои слова я отвечаю! — Соня не сомневалась, что этот чародей и был тем самым «приятелем», к которому отправлял ее Галиано. Но после учиненной колдуном бойни она с легким сердцем сочла себя свободной от всяких обязательств по отношению к графу. Волчица ничем не была обязана этому чванливо-му аристократу — а лишь воспользовалась его помощью, чтобы добраться до шемита. Что же касается последнего, то воительница рассудила просто: судя по тому, на что способен маг, в одиночку ей с ним не совладать, и помочь аргосцев может оказаться неоценимой. Пусть они, сами того не подозревая, послужат Белой Волчице — это зачтется им на Серых Равнинах!

— Значит, ты уверена, что это колдун? — переспросил ее Хубартис.

— Абсолютно. Мне уже приходилось сталкиваться с магией,— подтвердила Соня. Неудивительно, что аргосцам так трудно поверить ей: ведь в западной части Хайбории чародеев извели под корень две сотни лет назад, во время Великого Пожара.— Наш приятель в звериных шкурах — колдун, и к тому же очень могущественный.

Сотник тяжело вздохнул и откинулся в кресле. Подоспевший помощник развернул перед ним

пергамент с тонко вычерченной картой побережья Аргоса и Зингары. Там были отмечены все поселения, укрепления, цитадели. Тонкая алая линия отчеркивала области, захваченные пиктами. Насколько могла судить Соня, сведения были совсем свежими. Взор ее невольно задержался на том месте, где еще совсем недавно был городок Навиратога.

Несколько мгновений все они молча созерцали карту, думая каждый о своем. Островок, на котором они находились сейчас, лежал практически на полпути между Ос-Льерро и побережьем.

— Что там, на берегу? — поинтересовалась Соня.

— По счастью, никаких поселений. Весь этот полуостров... — желтый ноготь военачальника отчертил участок суши к северу от них,— пал жертвой черной горячки с полвека назад. Вам известно, должно быть, как долго сидит в земле эта зараза, даже когда никого не остается в живых. Сейчас там, должно быть, уже безопасно, но люди по-прежнему избегают селиться в тех краях. Старые поселения разрушились, заросли поглотили их. Дикие места...

Прозвучал гонг, двустворчатые двери распахнулись, пропуская слуг с подносами в руках. Те принялись расставлять блюда, и кто-то из десятников поспешил убрал карту. На время военный совет прервался. Тио звучно рыгнул, извинился и с наслаждением принюхался к аппетитному аромату жаркого. Соня кивнула слуге, который на-

лил ей вина, потом бросила взгляд на Десмоса. Тот покосился на воительницу и поспешно отвел глаза.

Хубартис посмотрел на свечу с нанесенными на воск метками, горевшую перед ним на особой подставке.

— Пора приступать к трапезе, — заметил он. — Времени у нас совсем немного. После ужина — отплытие.

Десмос не засиделся за столом. Сославшись на отсутствие аппетита, он ушел первым. Когда ужин закончился, Тио извинился и в сопровождении нескольких воинов спустился в подготовленную к отплытию галею. Моряк до мозга костей, он хотел сначала проверить снасти и обязательно плюнуть на палубу, прежде чем отчалить от берега.

Хубартис и его люди отдавали последние распоряжения остающимся в крепости — что и как надлежит делать в отсутствие командира. С голубиной почтой ими было послано несколько срочных сообщений в ближайшие цитадели. Соня не сомневалась, что сотник — достаточно опытный воин, чтобы предусмотреть любые неожиданности.

Самой ей до отплытия было нечем заняться, поскольку Хубартис решительно, хотя и мягко, отказался от ее помощи. Соня готова была всплыть — но сдержалась, памятуя, что не стоит портить отношения с тем, с кем еще предстоит сражаться бок о бок. И все же обида давала себя знать. Ну почему, почему мужчины никак не

могли заставить себя принимать всерьез женщины — лишь потому что она женщина?! Ведь он ничего не знал о Соне! За все годы, проведенные в скитаниях, она так и не смогла к этому привыкнуть.

Чтобы развеять злость и тревогу перед предстоящим походом, она решила немного пройтись. И, сделав всего лишь сотню шагов вдоль крепостной стены, в тени ее увидела сидящего на камнях Десмоса. Едва Соня приблизилась, он торопливо поднялся на ноги и извинился. Но девушка не дала ему уйти.

— Сегодня за ужином ты был на диво молчалив, — мягко произнесла она, — это совсем на тебя не похоже...

Он смотрел в сторону, на море, мерно катившее зеленовато-серые волны до самого горизонта.

— И что бы ты хотела от меня услышать?

— Ничего особенного. Но порой бывает, что разговор по душам способен смягчить любую боль...

— Как можно смягчить боль, предмет которой я сам?! Я, Десмос! Как я могу быть снисходителен к себе, искать утешения, если прекрасно знаю, каков я есть в действительности? То, что случилось сегодня... Я всегда страшился этого... видел в ночных кошмарах. А теперь это сбылось наяву!

— То, что ты не смог взять в руки меч?

— Как я могу после этого считать себя мужчиной?! — воскликнул он со страданием в голосе.

— Сядь, Десмос.— Девушка опустилась на нагретые солнцем камни и сделала приглашающий жест.— Давай обсудим это. Продолжай...

Придворный остался стоять, лишь неловко оперся спиной о крепостную стену.

— Тебе нечего стыдиться этого разговора,— сказала Соня как можно мягче. Она и сама не знала, что побуждает ее вызывать мужчину на откровенность. Жалость, вообще-то, была почти несвойственна ей. Однако сейчас воительница испытывала именно это чувство.— Там, на корабле, ты был такой испуганный, точно мальчуган, неспособный защищаться... Но я помню, ты говорил, что когда-то служил в гвардии, сносно владел мечом.. Что же случилось затем?

Десмос покачал головой.

— Сам не знаю. Не могу выразить этого словами. Похоже, я терял способность сражаться постепенно, по мере того как занятия мои уводили меня все дальше от реальной жизни. Сначала я не испугался этого. Когда я одного за другим приговаривал преступников к ссылке на Остров, то подкреплял себя убеждением, что сам — лучше других, лучше этих людей, преступивших закон, ибо, живя в тех же условиях, закона не преступал. И я решил посвятить себя непостижимому предмету, то есть правосудию. Да, наверное, я менялся постепенно. Полагаю, на меня воздействовало окружение, люди, в среде которых я вращался, все эти изнеженные щеголи, для которых вид кровоточащего носа — жуткое зрелище. Как-то раз на утреннем заседании суда я вынес приговор одному

негодяю — его надлежало заковать в кандалы и отправить на Ос-Льерро. Я поглядел на него и, встретившись глазами, внутренне оцепенел, скжались в комок. Его взгляд был непроницаем, как сталь, и полон ненависти. Он был молод, физически развит и крепок. И мне показалось, он смеется надо мной. Он точно посыпал мне вызов — приглашал встретиться с ним в настоящем поединке, без всего этого судебного пустословия. Там, на поле брани, он рассек бы меня на мелкие кусочки... И все разговоры о правосудии вдруг сделались пустым звуком... После этой встречи я стал другим человеком. Начал пить. Стал мрачным, угрюмым, и третья жена в конце концов оставила меня. Я же лишь еще глубже погрузился в работу. О, я всеми силами старался поднять собственную ценность в своих глазах. Но искра пропала. Сердце ни к чему не лежало... Я жалел и презирал себя одновременно — но долго так не могло продолжаться. Я сошел бы с ума... Вот с тех пор я окончательно превратился в придворного щеголя. Светскому обществу нравились мои шуточки, мои изысканные манеры, но сам-то я презирал себя за это. Если бы я только мог, то взмахнул бы мечом и хорошенко ударил, а не...

Вельможа смолк на полуслове; Соня глядела на него, не говоря ни слова. Издалека слышались звуки сборов: воины готовились к предстоящему походу. Где-то в темноте две собаки подняли лай из-за куска мяса. Ясно и звонко запела труба, ее голос походил на луч дневного света, прорезающего мрак.

— Владение мечом — это далеко не все,— после недолгого молчания промолвила Соня. Взволнованная речь Десмоса заставила ее глубоко задуматься над вещами, размышлять о которых она обычно считала непозволительной для себя роскошью.— Это правда, в том мире, где живу я, человек без оружия — никто. Но это лишь один мир из многих. В иных же клинок не стоит и той стали, из которой изготовлен. Так, философы прежде всего ценят разум, поэты — свой дар, моряки — умение поймать ветер. Иногда эти несходные миры сталкиваются. В моей жизни бывали моменты, когда я слышала стихи хорошего поэта или сладкие звуки прекрасной музыки, и тогда мне казалось, будто мое умение драться совершенно бесполезно и никому не нужно... Зачастую эти миры сталкиваются — и тогда невозможно понять, чьи ценности более истинны. Я сама преступала закон, тебе известно это. Я убивала людей. При этом в моей вселенной правда на моей стороне, но другие могут взглянуть на дело иначе. Точно так же не должен терзаться человек, который, наоборот, *неспособен* лишить жизни другого...— Соня вдруг засмеялась.— Боги, я и не знала, что у меня такой дар произносить речи. Вернемся в Аргос, пойду в вашу придворную Школу Мудрости — то-то седобородые порадуются! — И, посеребренев, закончила: — Так что не бери в голову, Десмос. Дело того не стоит. Ты придаешь этому слишком много значения. Но мир не кончается на острие клинка!

Однако вельможа словно и не слышал ее, погруженный в свои горестные размышления.

— Нынче утром ты чуть не рассталась с жизнью. Я не смог помочь. Даже если бы тебе к сердцу приставили кинжал, у меня не хватило бы решимости поднять меч, чтобы защитить тебя...

Рыжая Соня пожала плечами. Что тут скажешь?!

— Я верю в судьбу,— промолвила она наконец.— Моя божественная покровительница Огненная Рысь порой приоткрывает для меня завесу Истины... Я пережила сегодняшний день и осталась жива, ты — тоже. Сегодняшний день — песчинка, он пройдет и канет в вечность. Но когда придет День Испытания, ты поймешь это. Тогда тебе придется принять решение, понять, *чего* ты стоишь на самом деле. И либо возвысишься сам над собой, либо возненавидишь себя. Это будет. Я тебе обещаю. А пока — жди, ищи мира в своей душе. Ты плывешь вместе с нами?

— Да, придется.— Его тон изменился.— Там, на «Ниросе», мой брат.

— Это точно? Ты его видел? — пораженно спросила Соня.

— Во время сражения я видел человека, похожего на него. Он был весь в крови... тогда я не поверил собственным глазам. Но сегодня вечером, перед ужином, я немного вздрогнул и в полуслне снова увидел его, Бетоса. Он изменился. Стал безжалостным и жестоким. Он хотел убить меня. Я видел, как он наблюдает за мной. Знаю, для него куда более сладкая месть видеть меня беспомощным и раздавленным, чем даже мертвым.— Десмос нервно стиснул руки.— На судне

он или нет, видел я его или только вообразил, но я должен плыть с вами и проверить, что к чему.

Соня молча кивнула.

— Я попросил дать мне меч,— продолжал Десмос.— Они обещали. Никто не рассказал Хубартису, каким трусом я показал себя на корабле. Не странно ли это?

— Возможно.— Девушка встала.

— Если я не смогу поразить мечом врага, то по крайней мере сумею убить себя,— проговорил придворный.

Соня покачала головой.

— Всему свое время, Десмос. Для раздумий и для действия. Сейчас ты размышляешь. Подожди, пока не настанет время действовать. Оно само заявит о себе!

— Мне нужно было действовать сегодня.

— Нет. Ты все еще размышляешь. И даже начни ты сегодня действовать, ничего бы не изменилось. Ибо время еще не пришло. Вслушайся в себя — ты поймешь это.

Снова протрубыли сигнал — на этот раз общий сбор.

\* \* \*

Алейла трижды постучала в дверь капитанской каюты, но так и не услышала ответа. Подождав, она постучала еще раз. Тишина. Из-под дубовой двери до нее донесся странный запах — не то чего-то горелого, не то курящихся благовоний. Очень осторожно, то и дело оглядываясь, женщина приоткрыла дверь. Сначала она заглянула в

щель, затем расширила ее, скользнула внутрь и остановилась на пороге.

— Чего ты хочешь?

Его голос был ровным и спокойным. Масляная лампа горела едва-едва, и Алейле потребовалось некоторое время, чтобы глаза привыкли к полутьме. Тогда она увидела колдуна, который, поджав ноги, сидел на подстилке в центре каюты. Перед ним на треноге стоял глиняный горшок, над которым поднимался дымок. «Ароматическое курение», — решила Алейла. Но запах был отнюдь не из приятных.

Женщина с опаской приблизилась к шемиту, ее босые ноги тихо прошуршили по полу. Она остановилась, немного подождала, потом села лицом к Атхари, тоже скрестив ноги.

— Подумала, может быть, ты уже лег спать,— шепотом сказала она.

— Нет, я не собираюсь спать.

— Я почувствовала запах дыма, решила, что упала свеча.

— Я погружен в раздумья. Зачем ты пришла?

Алейла почувствовала, что колдун пристально глядит на нее. Глаза его тускло светились в полумраке.

— Я... я хотела поговорить с тобой.

— Говори, раз пришла.

Алейла преодолела неловкость.

— Мне пришлось рискнуть, чтобы прийти к тебе, понимаешь, это было не просто. Если Урдус узнает, он запросто может перерезать мне горло. И тебе тоже.

— Думаешь, я боюсь Урдуса?

— Нет, но...

— Зачем ты сюда пришла?

У Алейлы перехватило дыхание — возможно, из-за дыма курильницы.

— Я просто хотела увидеться с тобой, Атхари. Ты... ты не похож на других. Меня к тебе тянет.

— Там, на Острове, ты не испытывала ко мне влечения, не так ли? Когда твои дружки ради развлечения ломали мне пальцы, пржигали грудь раскаленными головнями... до того, как я сбежал на болота...

Алейла пожала плечами.

— Все это было давно. Тогда ты был пленником. Теперь — господин. Если бы не твое колдовство, нам бы не удалось вырваться на свободу.

— Так оно и есть. Может быть, поэтому ты и прониклась ко мне нежными чувствами?

Алейла мурлыкающе рассмеялась и тонкими пальцами принялась перебирать бахрому на юбке. В полуумраке каюты глаза ее стали глубокими черными озерами, а пухлые губы призывающе приоткрылись. Женщина подалась к шемиту — так, что лицо ее осветилось таинственным отблеском тлеющих в курильнице углей.

— Я была осуждена за колдовство, — сказала она.

— Ажешь. Тогда тебя бы сожгли.

— Да. На самом деле меня взяли за убийство. Я была ведьмой, но дознавателям никто не сказал об этом.

— Вот как.

— Я знаю некоторые заговоры, рецепты мазей, могу навести сглаз, — пустилась деловито перечислять Алейла. — Хотя, честно говоря, если что-то и получалось, то больше благодаря моим женским хитростям.

— Ты сказала, что хотела поговорить со мной, но пока что не сказала ничего важного. Тебя привлекает моя магия? Хочешь как-то использовать ее?

Красавица снова засмеялась.

— Ты читаешь мои мысли, Атхари. Теперь, когда мы сбежали с Острова, кто знает, что ждет нас впереди. Я страшусь того, что может произойти в ближайшем будущем, боюсь Урдуса. Похоже, он уверен, что я останусь с ним и мы будем вместе жить в Аргосе. Но мне он больше не нужен. Я не хочу грабить купеческие караваны, бесчинствовать на большой дороге — а это все, к чему он стремится. В конце концов его поймают — и тогда уже не пощадят. Как и всех, кто будет с ним.

— На Острове он был тебе нужен, — возразил Атхари.

— Верно. На Острове. Но не на берегу

— Так, значит, теперь ты решила использовать вместо Урдуса меня?

— Мне нужна твоя защита, Атхари. Я могла бы в благодарность...

— Одарить меня своими женскими хитростями?

— Я буду тебе полезна. Даже шемитским колдунам временами бывает нужна женщина. Разве

ты не желал меня там, на Острове? Знаю, желал. Я видела это в твоих глазах, даже когда наши ублюдки издевались над тобой, ты смотрел на меня... И, боюсь, Урдус тоже видел это. Так что нам непременно нужно отделаться от него. Я буду сообщать тебе о каждом его шаге, обо всем, что он замышляет. Кроме того...

— А в обмен ты хочешь, чтобы я стал твоим покровителем?

— Да. И возможно, дал мне пару уроков магии.

— Нет. Никаких уроков. Колдовские способности я получил от сил потустороннего мира. Этим я не могу поделиться.

Алейла опять заметила особое свечение глаз колдуна.

— В любом случае,— сказала она,— я могу довериться тебе?

— Ровно настолько, насколько я могу доверять тебе или ты — самой себе.

Женщина усмехнулась и встала.

— Пожалуй, мне лучше поскорее уйти. Скоро рассвет, а Урдус спит очень чутко.

— Тогда иди.

— И последнее, Атхари. Зачем тебе кровь мертвцевов? Что ты делаешь с ней?

Колдун покачал головой.

— А что в этой шкатулке?..

Шемит поднял глаза.

— Не слишком ли рано ты начала задавать вопросы? Пока что я ничего не получил взамен, а ты уже докучаешь мне.

— Я очень любопытна.

— Мы все любопытны,— ответил Атхари.— Все люди заражены любопытством. Возможно, именно это и сгубило нас.

\* \* \*

Урдус проснулся при первых лучах солнца: он позволял себе лишь несколько часов сна. Гигант удивился, не увидев рядом Алейлы. Недовольно ворча, он встал с койки, быстро проглотил полчашки вина, чтобы немного взбодриться, оделся и пристегнул к поясу меч.

В коридоре он увидел одного из своих самых верных помощников — тот бдительно охранял каюту вожака.

— Они все еще играют в кости.

— Демоны их дери! — Урдус стал подниматься по трапу.

Выйдя на корму, он увидел компанию разбойников, которые устроились у борта. Рулевой заметил гиганта первым. Над водой медленно поднималось оранжевое солнце — первые лучи осветили спокойные воды.

— Что теперь скажете? — зло спросил Урдус, подойдя к приятелям и уперев кулаки в бока.

Большинство быстро вскочили на ноги, но один остался сидеть. В руке он держал чашу с вином, в другой — игральные кости. Человек был худощав и не слишком высок, однако в его облике чувствовалась сила.

— Мы обсуждали наши дела,— сказал он, не поднимая глаз.



— Обсуждали? — прорычал Урдус. — Чтоб тебе провалиться, Отос, так я тебе и поверил! Разве мы не решили все еще вчера?

— Клянусь Митрой! — Отос гневно взглянул на вожака. — Не затыкай мне глотку! Мы — вольные люди, и каждый вправе говорить, что считает нужным! А сейчас мы разделились надвое. Одни хотят держаться этого курса, другие — повернуть к Шему. Там безопаснее. Никто не станет нас искать. К чему нам плыть в Аргос?

Урдус поглядел на рулевого.

— Ты остался на прежнем курсе? — спросил он.

За него ответил Отос:

— Он не отклонился ни на шаг от твоих указаний, Урдус, но сомневаюсь, что мы прошли хотя бы лигу. Проклятый ветер не дает нам двигаться вперед!

— Значит, теперь ты струсил и хочешь плыть на восток, Отос? На борту есть шлюпки, так что — милости просим!

— Шлюпки! — возмутился тот. — Ты бы нам еще вплавь предложил отправиться! Ведь мы такие же хозяева этого судна, как и ты, Урдус. Мы все захватили его, не ты один! И если мы решим плыть в Шем — ты отправишься с нами!

Гигант шагнул к Отосу — остальные невольно отступили. Однако Отос не отвел глаз от разъяренного взгляда вожака.

— Я вел вас вперед, — холодно проговорил Урдус. — Я все продумал и захватил судно. Если не желаешь подчиняться, сказал бы раньше, до того,



как мы поднялись на борт. Пока при мне меч, командую здесь я. Ты понял?

Отос не успел ничего ответить, ибо в этот миг послышался крик впередсмотрящего:

— Галера с севера!

Урдус откинулся со лба прядь темно-рыжих волос.

— Что за галера, можешь разглядеть?

— Аргосская галея, военная!

— Демоны пучины! — выругался Отос. — Я так и знал! Нельзя было отпускать тех, кто остался в живых! Вот теперь они и вернулись с подмогой!

Урдус повернулся к нему и схватил за грудки.

— Ты будешь драться с ними! — проревел он. — Все вы, псы, будете драться! — Он опустил взгляд на игральные кости и злобно отшвырнул их ногой. — Вот перебьем их, тогда и поиграем!

Отос бросил на Урдуса гневный взгляд, но смолчал.

— А теперь убирайтесь отсюда! Все по местам! Живо!

Они ушли: одни неохотно, другие — бегом. Едва разбойники удалились, подошла Алейла.

— Где ты была?

— Гуляла, дышала свежим воздухом, что-то не спалось.

Урдус усмехнулся; потом, больше не обращая на женщину внимания, поднял взгляд к «вороньему гнезду».

— Куда плывет галея?

— Идет на сближение! Эти ублюдки могут просто менять курс, когда захотят!



Урдус оттолкнул Алейлу и стал спускаться на среднюю палубу, но остановился и поглядел на человека, который сидел на бочке и вырезал затейливый узор на рукоятке ножа: поединок двух грифонов.

— А что скажешь ты? — спросил его Урдус.

Человек поднял лицо — худощавое, изуродованное шрамами, с глубоко запавшими глазами.

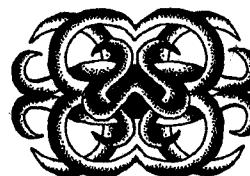
— Ты же знаешь, Урдус, я всегда с тобой. Все равно куда — лишь бы прикончить побольше аргосцев.

— Адно, — мрачно улыбнулся гигант. — Ты всегда был моей правой рукой, Бетос, и я доверяю тебе больше, чем кому-либо. Будь со мной и на этот раз.

Великан двинулся дальше, а Бетос продолжил свое занятие. Ему нелегко было вырезать по дереву — на левой руке недоставало двух пальцев.



## Глава пятая



аквилонцев есть поговорка: «Даже самая быстроногая лисица не может бежать весь день под жарким солнцем». Сотник Хубартис вспомнил ее, когда галея приблизилась к «Ниросу». Все так, однако лисица бежала, невзирая на опасность. Но зачем же она валяла дурака у западного берега Ос-Льерро, вместо того чтобы плыть к аргосскому побережью? Ведь ветер для них попутный.

Солнце поднялось уже высоко. Хубартис и стоявшие рядом воины могли различить даже пот на лицах бунтовщиков, которые тоже разглядывали их. Вот Урдус — стоит, выпрямившись, на корме «Нироса» и наблюдает, как подплывает аргосская галея.

Хубартис дал сигнал приготовиться.

Солдаты выстроились вдоль фальшборта, обнажили мечи, натянули луки, подняли боевые топоры, подготовили абордажные крючья. Хубартис никогда не использовал этой тактики,

но ведь ему и не приходилось отвоевывать захваченные суда. Он читал донесения, совещался с военачальниками, имевшими прежде дело с пиратами. И чем меньше времени оставалось до начала сражения, тем сильнее радовался сотник, предвкушая применение новой тактики.

Он поднял правую руку. Воины приготовились к нанесению первого удара. Луки взметнулись вверх, мечи на изготовку. Несколько бойцов плюнули по ветру: верная примета удачного исхода сражения. Было слышно, как на «Ниросе» свистит в снастях ветер, как полощут и хлопают паруса.

Соня, Десмос и Тио стояли за спиной Хубартиса. Они тоже приготовили мечи. Рука сотника замерла, яркое солнце высветило золотое шитье на его перчатке.

На борту «Нироса» тоже приготовились к бою. Пираты выстроились, стоя плечом к плечу, и в молчании ожидали нападения. На средней палубе остались шемит и Алейла — она догадывалась, что на этот раз колдун не намерен помочь Урдусу своей магией.

За их спинами, ближе к корме, расположились Отос и его сторонники — вожак спиной ощущал их ненавидящие взгляды, а прямо перед Урдусом — всего в нескольких десятках шагов — находились другие глаза, стальные глаза его смертельного врага сотника Хубартиса. Урдус видел, как аргосцы изготовили для стрельбы длинные луки; его люди тоже натянули тетивы. Он видел и зазубренные боевые топоры и длин-

ные мечи воинов — его люди тоже подняли топоры и мечи. Гиганта не тревожило, что Отос и его приспешники могут поднять мятеж: сейчас этот пес будет драться за свою шкуру вместе со всеми.

Урдус не сводил глаз с Хубартиса.

Сотник опустил руку.

Туча стрел взвилась в воздух и обрушилась на палубу «Нироса».

Люди Урдуса подняли грубо сколоченные щиты; без надлежащей боевой выучки они толкались, мешая друг другу. Стрелы протыкали ткань парусов, вонзались в доски палубы и в мачты, падали в воду. Впрочем, некоторые нашли цель — послышались крики раненых.

Хубартис снова поднял правую руку:

— Приготовиться ко второму залпу!

В этот момент Урдус совершил опрометчивый, безумный поступок, одновременно отчаянный и решительный. Когда первая туча стрел обрушилась на палубу, он отшвырнул рулевого и начал лихорадочно вертеть штурвал, разворачивая «Нирос». Судно накренилось, и люди с дикими воплями повалились с ног.

Урдус выровнял судно, потом схватил меч и воинственно подошел к борту. Аргосская галея, не снижая скорости, продолжала двигаться к «Ниросу» — теперь ее таран был направлен прямо в бок захваченного бунтовщиками судна.

— Приготовиться к абордажу! — приказал Урдус.

Отос повернулся к вожаку:

— Да ты в своем уме? Они же нас претаранят!  
— Вот и славно!

Хубартис заорал на рулевого, но отворачивать было уже слишком поздно. В долю секунды украшенный драконом нос аргосской галеи надвинулся и навис над палубой «Нироса», тогда как окованый медью таран с хрустом и треском пропорол доски обшивки. Поняв, что его судно обречено, капитан Тио заорал во весь голос.

Чтобы устоять на ногах, Отос вынужден был ухватиться за рукав вожака.

— Ты свихнулся! — закричал он.

Урдус расхохотался ему в лицо.

— Теперь, если хочешь жить, если все твои псы хотят уцелеть, — захватите галею!

Гигант ухватился руками за поручни. Он ходил, как безумный.

— Захватите их корабли! Захватите его, если хотите остаться в живых!

Вожак перемахнул через фальшборт, спрыгнул на палубу неприятельской галеи, где в беспорядке валялись обломки рангоута и обрывки снастей, и, подняв меч, ринулся в схватку.

Теперь на волнах медленно вращались два судна, влекомых течением. На обеих палубах — тонущего «Нироса» со спущенными, рваными парусами и аргосской боевой галереи — кипел бой.

В момент столкновения сотник Хубартис, Соня, Десмос и капитан Тио чуть не оказались выброшенными за борт — воины, выстроившиеся позади, резко прижали их к поручням. А теперь их, казалось, окружила стена из сверкающих мол-

ний — охваченные слепой яростью разбойники навалились толпой. Аргосцы, однако, не струсили.

— Безумцы! Глупцы! — гневно вскричал Хубартис.

Но времени на разговоры не было. На носовой палубе галеи уже громоздилась гора тел. Соня споткнулась и упала, когда первая волна ссыльных с громкими криками и ругательствами набросилась на аргосцев. Перешагивая через трупы, они пробивались все дальше. Потом на галею накатила вторая волна, за ней — третья. Хубартис сражался, стоя рядом с Тио и другими воинами. В воздухе стоял звон скрещивающихся мечей.

«Нирос» стонал совсем, как человек; он накренился и зачерпнул воду; главная мачта со скрипом раскачивалась.

Десмос неуклюже пробирался сквозь толпу, правой рукой волоча за собой меч. Его отпихнули в сторону, и он растянулся на досках у ног Сони. Та закричала на вельможу, не переставая разить противников мечом. На голову Десмоса брызнула кровь одного из преступников. Поспешно вскочив, придворный схватился левой рукой за поручни.

На его глазах разворачивалось кровавое побоище: воины и пираты убивали друг друга мечами и топорами, били сапогами; стоял непрерывный крик и стон...

Соня бросила на Десмоса быстрый взгляд:

— Действуй! Пора действовать, Десмос!

И снова бросилась в бой.

— Мое судно! — мученически простонал Тио, не прерывая сражения.— Мой «Нирос»!

В этот момент к нему приблизился один из разбойников и замахнулся мечом — капитан успел нанести яростный удар, и его клинок расколол нападавшего почти надвое.

Сотник Хубартис и его воины — все, кто пока оставался в живых и не получил серьезного ранения,— стояли спиной к спине и как могли отражали нападение. Всякий раз, когда один из оброняющих падал, остальные смыкали круг, сохранив таким образом целостность стены из мелькающих мечей и грозных боевых топоров. Стальные лезвия вновь и вновь скрещивались, сыпались голубые искры. Воздух наполняли звуки ударов острых клинков по человеческой плоти, треск разрубаемых костей, предсмертные крики людей.

Соня старалась вести бой на более или менее открытом пространстве, где было удобнее фехтовать так, как она привыкла — приседая, разворачиваясь, делая длинные выпады. Спрыгнув на среднюю палубу, она неожиданно столкнулась сразу с тремя негодяями. Первый упал с рассеченной головой, второй отступил с глубокой рубленой раной на плече. Третий попытался прижать Соню спиной к трапу, где лежало множество трупов, а все кругом было залито кровью.

Однако девушка разгадала его тактику и сражалась так, чтобы не дать противнику преимущества. Меч в ее руках стал похожим на живое существо: непрерывное мелькание стали, враще-

ние, резкие развороты. Поскользнувшись в луже крови, Соня инстинктивно подалась в сторону, и вражеский меч вонзился в деревянную ступеньку. Чтобы высвободить оружие, противнику потребовался какой-то миг, но этих долей мгновения Соне хватило, чтобы выпрямиться и оттолкнуться; однако при этом она чуть ли не по локоть погрузилась левой рукой во что-то мягкое и липкое: то были внутренности мертвеца. Соня освободила руку и встряхнула ею, сбрасывая прилипшие кровавые ошметки прямо в лицо противника. Тот закричал и отшатнулся. Соня вскочила и вонзила ему меч под ребра.

Она услышала вопль за спиной и резко повернулась.

Кричал Десмос, прижатый к поручням разбойником огромного роста. Придворный слабо пытался защищаться, но сил его не хватало даже на то, чтобы поднять меч. Нападавший заметил страх в глазах жертвы и рассмеялся. Он наступил сапогом на клинок, надежно припечатав его к палубе. Десмос закрыл лицо другой рукой. Негодяй поднял топор и замахнулся.

— Сопротивляйся! — крикнула Соня, но стоял такой шум, что Десмос не услышал.

Топор начал опускаться на голову Десмоса.

И тут внезапно из орущей толпы пиратов выскочил человек с мечом — одним махом он отсек руку с топором и вернулся к прерванному бою. Раненый дико закричал и упал навзничь. Соня бросила мимолетный взгляд на спасителя Десмоса и поразилась: этот высокий, худощавый чело-

век со шрамом на лице был одним из бунтовщиков.

Соня не успела разрешить возникшую загадку — с какой стати одному из преступников ни с того ни с сего нападать на сотоварища: за ее спиной возникла угрожающая тень.

Девушка нырнула и развернулась в сторону трапа. Раздался свист, шипение и что-то мелькнуло в воздухе прямо над головой. Воительница повернулась, выставив меч, и когда ее противник откинулся назад, подпрыгнула и вонзила меч прямо ему в сердце.

Она оглянулась: рядом никого не было — ни своих, ни пиратов. Соня взглянула на Десмоса. Тот стоял, держа над головой меч. Перед ним скрючился на палубе тот самый здоровяк с топором. Он стонал и сквернословил, пытаясь остановить кровь, хлеставшую из перерубленного запястья.

Десмос с криком обрушил меч на недобитого преступника. Брызги крови, осколки костей, клочья волос разлетелись во все стороны. Пират звалился набок: меч разрубил его голову на две части, через шею дойдя до груди. Королевский судья отшатнулся к поручням. Соня заметила слезы в его глазах.

— Десмос!

Он посмотрел на нее невидящим взором — по щекам текли слезы, бледное лицо исказила болезненная гримаса.

Соня бросилась вперед, на среднюю палубу. Снова звон мечей, крики и стоны. Повсюду были

кровь, изуродованные человеческие тела, отрубленные головы, руки и ноги, но бой продолжался. Девушка увидела разбойника огромного роста, грозно размахивавшего большим мечом. Рядом сплотились его сторонники. Они сражались с целым отрядом аргосцев.

Соня устремилась к корме, но группа бунтовщиков задержала ее. Один из них бросился вперед и напал на девушку. Аргосские воины продвинулись и попытались занять круговую оборону. В это время один из пиратов спрыгнул со снастей с ножом в руках, стремясь полоснуть Соню по лицу. Но она почувствовала опасность, нырнула вниз и выставила меч. Негодяй с криком прыгнул, выпустил из рук линь, и кровь струей выплеснулась из разреза, прочерченного клинком девушки от груди до паха..

Хубартис и Тио сражались, как львы, но рядом с ними аргосцы падали на палубу один за другим; в кольце обороны образовалась брешь, которой мгновенно воспользовались нападавшие.

Страшный вопль — и упал еще один аргосец, молодой человек, родителей которого сотник хорошо знал. В бешенстве он тут же покарал убийцу: его меч полоснул разбойника по голове, и тот рухнул на палубу. На несколько мгновений, пока Хубартис мстил за молодого товарища по оружию, Тио оставался один, и это решило его судьбу. Капитану противостоял вооруженный пикой высокий пират с лицом, похожим на крысиную морду. Тио промахнулся, оступился — и пика вонзилась ему в живот.

— Отличный удар, Отос! — похвалил другой преступник.

Последним усилием воли капитан поднял меч и ударили из всех сил, но Отос, смеясь, уклонился. Тио закашлялся, застонал и, обливаясь кровью, свалился на доски палубы. Последнее, что он увидел, был рукав кольчуги, потом свет, расплывающееся пятно и мрак...

Соня продолжала бой, но аргосцев оставалось все меньше и меньше. Впереди, на корме, Урдус только что отсек голову кому-то из воинов Хубартиса, и теперь больше никто не рисковал выступить против него.

— Этого ублюдка защищает колдовство! — услышала Соня возглас одного из аргосцев. — Его никакой меч не возьмет!

Урдус захохотал.

Пираты вокруг взметнули мечи, торжествуя победу. Соня слышала, как им ответили их приятели с носовой палубы. Перед нею выстроилась стена из семерых бунтовщиков, но тут послышался голос гиганта:

— Пленных! Берите пленных!

За спиной раздались шаги. Соня мгновенно по-кошачьи повернулась, сделала выпад, и разбойник упал с перерубленным горлом. За ним не было никого живых — только горы мертвых тел, из которых еще лилась густая кровь. Зато впереди — ряд злобных лиц. На девушку стеной наступали пираты с окровавленными мечами и топорами в руках.

— Опусти клинок! — приказал один из них.

— Проклятые псы! Да скорее я тебя прихвачу за собой в преисподнюю! — И Соня взмахнула мечом.

— Нет, Соня!..

Чуть повернув голову, она увидела Десмоса: весь в крови, безоружный, руки заломлены назад, и целая толпа струилась вокруг. Значит, судья стал их пленником.

— Десмос!

— Хубартис сдается, Соня. Они решили взять нас живьем.

— Поганые псы!

Преступники бросились на отважную воительницу. Двоих она отшвырнула мечом, отступила, скрестила оружие с третьим, развернула меч и отбила выпады четвертого и пятого. Кто-то снова появился у нее за спиной. Соня повернулась, подскочила и ударила, но нападавший успел отступить.

Девушка прижалась спиной к фальшборту, яростно скалясь, и в ее стальных глазах сверкнула злость. Она подняла меч и усмехнулась.

— Ну, давайте, вперед! — не выкрикнула, а скорее прошипела Рыжая Соня. — Встретимся в преисподней!

Противники заколебались. Хотя они были тертыми, выдавшими виды головорезами, но дикая ярость воительницы даже их заставила приостановиться. Тут за спиной семерых нападавших появилась огромная фигура Урдуса. Соня бросила на него полный неукротимой ненависти взгляд. Гигант усмехнулся. За ним по палубе медленно

двигалась вереница последних оставшихся в живых пиратов, человек тридцать. Они вели восьмых пленных аргосцев — в том числе и Хубартиса.

— Ну, давайте же! — кричала Соня. — Псы! Свиньи! Я никогда не брошу меч! Слышите — никогда! Что, струсили? Струсили, да?

Ей ответила тишина. Никто не поднял оружия.

Девушка яростным взглядом обвела пиратов, посмотрела на Десмоса, Хубартиса и других пленных. Только теперь она поняла, что битва проиграна. Сердце захолонуло, но ничего поделать воительница уже не могла: всех преступников она перебить не сможет.

— О, Мать Рысь, — чуть слышно прошептала девушка.

Сотник покачал головой.

— Тебе придется сдаться, Соня. Только тогда у нас есть надежда остаться в живых.

— Болван! — крикнула она Хубартису. — Трус! Ты хуже любого акилонца! — Последнее слово воительница выплюнула, словно оно тоже было бранным.

Пираты расступились, и вперед вышел Урдус. Он молча поглядел на Соню и шагнул к ней. Огромный меч в его руке был обагрен кровью. Но гигант не стал поднимать его, он не собирался сражаться с Соней. Наоборот, он опустил клинок и воткнул в доски палубы. Стекая по железу, кровь начала собираться в лужицу у острия.

Девушка зло усмехнулась. Урдус шагнул ближе и протянул руку.

— Отдай оружие.

У Сони перехватило дыхание. Она посмотрела на Хубартиса.

— Будь ты проклят! — и сплюнула с досады; сотник покачал головой, будто в осуждение.

Урдус молча стоял с протянутой рукой.

Медленно, очень медленно Соня опустила меч — рука дрожала, будто ей приходилось преодолевать неимоверное сопротивление. Девушка ощущала явное воздействие колдовства. Наконец острие клинка коснулось палубы. Десятки глаз неотрывно смотрели на воительницу — она же сама поражалась тому, что делала.

Тем временем «Нирос» начал уходить под воду.

Соня с изумлением увидела, как с его палубы взмыли и полетели по воздуху две фигуры: чернобородый мужчина в звериных шкурах, и женщина, которую он держал на руках. Одежды его раздувались ветром. Он плавно опустился на полуют аргосской галеи.

— Темные Боги! — ахнула Соня. Она поняла, что именно этот человек, а вовсе не Урдус, околдовал ее и заставил подчиниться. Она напряглась, пытаясь воспротивиться чужой воле... Но гигант уже выдернул меч у Сони из рук.

Вожак швырнул клинок куда-то за спину, не сводя глаз с девушки, и улыбнулся, воительница ответила ему ненавидящим взглядом. Ее ярко-рыжие волосы, перепачканные кровью, рассыпались по плечам.

— Вот и умница, — проговорил Урдус.



Соне приходилось глядеть на него снизу вверх: гигант возвышался над нею по меньшей мере на полторы головы.

— Заковать их в кандалы! — приказал он, махнул рукой, и пятеро негодяев окружили Соню. Ее отвели к остальным пленным. Урдус велел своим людям взять топоры и отдалить галею от тонущего «Нироса».

С кормы по трапу спустились Атхари с Алейкой. Шемит не расставался со своей шкатулкой. Урдус бросил на него косой взгляд. Колдун медленно обошел все палубы, собирая из трупов красный туман. Когда мертвцы были обескровлены, их сбросили в воду — на радость прожорливым рыбам и змеям.

Все одиннадцать пленников, оцепеневшие от ужаса и странным образом лишенные всякой воли к сопротивлению, с безмолвным ужасом наблюдали за манипуляциями Атхари. Когда к ним приставили охрану, один из людей Урдуса подошел ближе. Весь в пятнах запекшейся крови, в правой руке он держал зазубренный меч; на левой у него недоставало двух пальцев. Неожиданно Соня узнала этого человека — это он спас Десмоса от верной смерти.

Разбойник долго стоял, рассматривая пленных, но особенно его внимание привлекал Десмос. Тот стоял, опустив голову, и, лишь ощущив устремленный на него взгляд, неожиданно поднял голову и поглядел на пирата, странно схожего с ним лицом.

Бетос зло усмехнулся:



— Привет, брат. Рад видеть тебя живым и невредимым. Думаешь, я позволил бы тебе умереть?

Вельможа застонал.

— Благодари меня, Десмос. Я спас тебе жизнь. Сколько бессонных ночей я провел, моля богов об этой встрече. И вот мой день настал.

Десмос отвернулся, гнев на его лице мешался с ужасом.

— О, мой любезный, мой достойный, добропорядочный братец, — произнес Бетос и насмешливо пощекал языком. — Мой судья. Вот ты и пришел ко мне наконец.

\* \* \*

Поврежденная галея не могла уйти далеко. Урдус как мог наладил паруса, но корабль плохо слушался руля. Для нормального хода под тремя рядами весел недоставало гребцов, не хватало и людей, чтобы одновременно управлять кораблем и сторожить пленных. Поэтому Урдус сделал все что мог и направил судно по ветру к берегу.

В их споре с Отосом он все же одержал верх. Они возвращались в Аргос. Побережье темной линией уже показалось на горизонте.

В прохладной вечерней тишине корабль скользил по морской глади. Потом Урдусу удалось чуть повернуть его и причалить. Киль заскрежетал по камням. Корпус застонал, будто жалуясь на раны.

— Завести швартовы! — скомандовал вожак. — Покрепче привяжите их к деревьям и скалам.

Потом гигант вывел одиннадцать пленников на берег.

То ли по случайному стечению обстоятельств, то ли благодаря точному расчету, Урдус привел судно в удобную гавань. Поросший деревьями и кустарником берег поднимался здесь полого, невдалеке журчал ручей, а чуть восточнее виднелись утесы, источенные многочисленными пещерами. Туда Урдус и повел своих людей.

Пленные аквилонцы — и Соня в их числе — были крепко связаны друг с другом. Шли они длинной вереницей. Каждый тащил на себе тяжелые цепи, руки и ноги были закованы в кандалы. Друг с другом они почти не разговаривали.

Во время мучительного перехода через лес к пещерам люди Урдуса собирали плоды и наполняли мехи чистой водой из ручьев. Два удачных выстрела из лука обеспечили их дичью на ужин.

Алейла приблизилась к Атхари и шепнула:

— Почему ты допустил, чтобы эта рыжая попала в руки Урдуса?

— Не твое дело. — Он не собирался раскрывать бывшей ведьме своих тайн. Эта рыжая красотка, сама того не подозревая, доставила ему драгоценную шкатулку, найденную графом Галиано. В письме, присланном голубиной почтой, вельможа просил пощадить ее и, по возможности, захватить в плен.

Повернувшись все иначе, колдун и пальцем бы не шевельнул, чтобы исполнить пожелание своего бывшего хозяина: теперь, когда тха демона покорилась в Аарце, насыщаясь кровавым туманом и

ожидала лишь возможности переселиться в тело, которое создаст для Ордру его верный служитель, шемиту не было нужды в смертных покровителях. И каким же болваном был Галиано, когда сразу не понял этого! Впрочем, Атхари не сообщил ему и десятой доли своих замыслов.

И все же он сделал все, чтобы спасти рыжеволосую воительницу, воздействуя магией на ее противников во время боя. И теперь ждал лишь вечерней передышки, чтобы, оставшись в одиночестве, углубиться в размышления и попытаться понять — что же заставило его так поступить.

Вторая часть поручения графа не вызывала у него подобных затруднений. Правда, человек, которого его послали умертвить, был все еще жив... но, насколько мог судить Атхари, это ненадолго. И смерть его врага будет столь мучительна, что удовлетворит даже изысканные вкусы мстительного придворного.

Тем временем Алейла, встревоженная долгим молчанием мага, робко тронула его за рукав, уверенная, что он гневается на нее за дерзкий вопрос.

— Прости, Атхари! Ты волен миловать и казнить кого пожелаешь! — Она грубо льстила ему, но женщина давно уже поняла, что с мужчинами, даже самыми проницательными, этот способ — самый безошибочный. И верно: лицо колдуна постепенно разгладилось, он повернулся к ней.

— Ты и сама не подозреваешь, насколько правдивы твои слова! Вы все живы, лишь пока того хочу я. И твои дружки-ссыльные тоже.

— Но разве ты не на стороне Урдуса?  
Атхари усмехнулся.

— Разумеется, нет. Если взирать с той высоты, на которую довелось подняться мне,— напыщенно начал он, не упустив возможности покрасоваться перед восхищенной слушательницей,— то станет видно, что и он, и его противники, в сущности, на одной стороне. К чему мне выбирать между ними — ведь я противостою им обоим! Так что все чаяния и желания Урдуса ничего не значат для меня. Я забочусь лишь о том, чтобы он не умер до тех пор, как я решу, что пришло его время.

Алейлу его слова одновременно ужасали и приводили в восхищение. Сила всегда пленяла ее. Сперва она пыталась обрести ее в занятиях магией, однако вскоре убедилась, что для этого у нее недостаточно таланта. Тогда она стала искать власти через мужчин, всегда примыкая к тому, кто был сильнее. Так она стала подругой Урдуса. А теперь... Ей хотелось еще о многом порасспросить Атхари, но маг вновь ушел в себя, и она почла за благо оставить его в покое. Тем более Урдус как-то странно поглядывал на нее в последнее время, и ей пока не хотелось сердить бывшего возлюбленного... пока она не будет уверена, что Атхари заступится за нее.

Сумерки сгущались, когда они наконец вышли на склон и начали готовить лагерь. Урдус приказал очистить большой круг на площадке перед высоким утесом. Люди быстро выполнили приказ, убрали ветки, вырыли ямы для кост-

ров, расставили пни, на которые можно сесть. Огонь они разожгли при помощи кремня и фитиля и скоро стали жарить на кострах подстрекленную дичь и собранные плоды. Урдус немножко расслабился, убедившись, что люди выполняют все его указания беспрекословно. Даже Отос и его дружки не проявляли явного неповиновения.

Соню, Хубартиса, Десмоса и других аргосцев разместили в центре площадки. Оков с них не сняли, однако Урдус велел Аллейле и еще одной женщине дать пленникам воды; кроме того, он объявил, что их покормят вслед за тем, как поедят он и его соратники. Вожак надменно взирал на пленников с высоты своего огромного роста.

— Скажи-ка, Хубартис, ведь ты не один преследовал нас? Были еще корабли?

Аргосец гневно вскинул голову и увидел в глазах гиганта насмешку.

— Да, вышел еще один галеас. Почему ты сохранишь нам жизнь?

— И береговым крепостям небось сообщил о побеге? Ты непременно должен был послать им весточку.

— Это неважно. Так почему же ты оставляешь нас в живых? — повторил Хубартис свой вопрос.

— Потому что, если я прав, то на берегу нас наверняка поджидают. Да только пыл их постынет, когда они узнают, что в руках у нас заложники, да к тому же высокого ранга.

— Они все равно уничтожат тебя! Мы не так уж незаменимы.

— Да, пожалуй.— Урдус повернулся к Десмосу: — Значит, ты и есть брат Бетоса, да?

Вельможа не ответил.

— Ты что, оглох? Или тебе в бою отсекли язык?

Десмос по-прежнему молчал. У него горели щеки — это было видно даже при неярком свете костра. Урдус злобно оскалился и резко ударил пленника ногой. Соня рванулась, насколько позволяли оковы.

— Оставь его в покое!

— А, это ты, рыжая,— улыбнулся гигант.— Ты кто ему, жена?

— Ничья я не жена.

Урдус внимательнее присмотрелся к Соне.

— Ведь ты даже не аргосского племени, а сражалась, как тигрица. Что тебе надо среди этих слабаков?

Соня с яростью посмотрела в лицо Урдуса, от гнева у нее на скулах заходили желваки. Гигант злобно сопнулся, но слишком поздно сообразил, что надо держаться подальше от воительницы. Девушка успела сплюнуть вожаку в глаза.

Урдус зарычал, вытер лицо и замахнулся на Соню, но та молниеносно отшатнулась, и удар пришелся по воздуху. Гигант взревел: он заметил, что собравшиеся у костра приспешники видели его промах. Он наклонился к девушке и, схватив за волосы, притянул к себе.

— Подлая тварь!

Воительница со змеиным проворством рванулась вперед, острыми зубами впилась в нижнюю

губу Урдуса и что было сил укусила — брызнула кровь, гигант взвыл от боли.

От костра донесся смех Алейлы.

Урдус стиснул кулаками голову Сони — kostяшки пальцев впились в виски. Девушка начала задыхаться и отпустила губу гиганта. Пиратский вожак отшвырнул пленницу. При этом те, кто был скован с нею одной цепью, тоже попадали наземь. Она выпрямилась и, несмотря на боль, насмешливо уставилась на Урдуса, опущая на губах вкус его крови.

Тот вытер распухшую губу, посмотрел на запачканную кровью ладонь.

— Мерзавка! — снова выкрикнул он и замахнулся. — Дрянь!

Но что-то остановило его — нечто, увиденное в стальных глазах этой рыжеволосой воительницы. Может быть, насмешка; может быть, та же ярость, которую и он, Урдус, часто испытывал к своим врагам; может быть, угроза мести.

— Нет, гадина, сейчас я не стану убивать тебя. Ты умрешь медленно.

Урдус выпрямился, на его губах играла злобная усмешка. Он отвернулся и зашагал к костру, где Бетос жарил дичь. Алейла не могла сдержаться — может быть, потому что рядом молча стоял колдун. Она заговорила, не успев обдумать собственные слова:

— Ну что, сладко она тебя поцеловала?

Разбойники замерли, устремив глаза на вожака. Тот резко повернулся. Атхари почувствовал, как затрепетала и оцепенела от ужаса женщина,

когда гигант стремительно шагнул к ней и остановился, испепеляя недавнюю подругу ненавидящим взглядом.

— А ты и впрямь осмелела,— угрожающе процидил он,— когда сошлась с колдуном. Совсем потеряла рассудок? Теперь, что, будешь кровь пить с ним вместе?

Алейлу била крупная дрожь. Шемит неподвижно стоял рядом, на лице его не отражалось никаких чувств. Неожиданно Урдус взмахнул рукой, ухватил Алейлу за волосы и поволок к пленникам. Женщина завизжала.

Пираты повскакивали с мест, жадно наблюдая за происходящим. Бетос внимательно следил за вожаком. На лице Отоса выступили капли пота, он облизнул губы.

— Ну-ка, пососи крови, красотка! — прорычал гигант и могучим толчком швырнул Алейлу к ногам Сони.

Воительница пораженно вскинула глаза на вожака. Но не успела она шевельнуться, как Урдус уже прижал лицо Алейлы к ее окровавленным губам. Женщина отбивалась, визжала, пытаясь высвободиться, а гигант лишь смеялся и все сильнее прижимал ее голову.

Соня отшатнулась, плюнула на землю и принялась честить Урдуса самыми непристойными словами.

Тот лишь пуще веселился. Он пригнул Алейлу ниже, к самым Сониным ногам, а потом что есть силы швырнул на землю. Та больно ударилась головой, браслет на ее лодыжке сломался, туника

порвалась и обнажила грудь. Хныча и размазывая по лицу слезы, Алейла с трудом поднялась, отбросила сломанный браслет, кое-как поправила одежду и, закрыв лицо руками, убежала, прихрамывая, подальше от горящих на поляне костров.

Пробегая мимо шемита, возмущенная безразличием мага Алейла грубо ударила его по плечу. Колдун смолчал и даже не пошевелился.

Урдус наблюдал за Алейлой, пока она не скрылась в чаще, откуда еще долго доносились ее всхлипывания. Тогда вожак повернулся к одному из приспешников.

— Отдели ее от остальных,— приказал он, указывая на Соню,— и привяжи к дереву. Еды не давать.

Девушка вновь принялась осыпать гиганта бранью. Но тот, не обращая на ее крики ни малейшего внимания, отвернулся и зашагал к костру.

С разбойником, который ревностно приступил к исполнению приказа, воительница бороться не стала. Ее привязали неподалеку от костра; она села, неловко скрючившись на земле. Тем временем остальным пленникам принесли пищу и воду. Девушка отвернулась и постаралась заснуть. Она очень устала, истерзанное тело саднило. Боль от царапин и порезов усилилась, но Соня заставила себя расслабиться, усилием воли заглушая чувство голода.

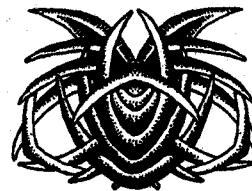
Алейла же через некоторое время вернулась к кострам. От ужина остались только объемки фруктов, и женщина доела их, усевшись в стороне.

Шемит также держался поодаль.

Урдус выделил людей для охраны пленных. Все костры, кроме одного, погасили. Ночь стояла тихая, слышались только легкий шум ветра да звон цикад. Далеко за полночь, когда весь лагерь — за исключением часовых — спал, Атхари взял свой ларец и углубился в лес, двигаясь так тихо, что не потревожил даже птиц.

Вскоре он вышел к озерцу с водопадом. Там он опустил шкатулку на землю. В лунном сиянии колдун стал готовиться к своей странной работе. На берегу он сгребал глину и влажную землю и пригоршнями уносил в пещеру, которая служила Черепу левым глазом.

## Глава шестая



Сава заслышил шаги, Соня мгновенно проснулась. Прижавшись головой к жесткой коре дуба, она внимательно огляделась. Похоже, скоро рассветет: над горизонтом обозначилось слабое свечение, и девушка смогла различить фигуры спящих на поляне. Часовые утратили бдительность. Вчерашний день вымотал их вконец, и теперь они крепко спали, либо привалившись к камням, либо распластавшись на земле. Двигалась только одна фигура.

Отос.

Беззвучно ступая, он подошел к девушке и, приложив палец к губам, опустился на землю. Потом достал из-за пазухи яблоко — свежее, не из тех, что пекли в золе костров, — и поднес к Соняным губам. Не сводя с ссыльного пристального взгляда, та откусила раз, другой и, лишь проглотив последнее семечко, заговорила шепотом:

- Зачем ты это сделал?
- Знал, что ты голодна.

— А тебе не все равно? — Соня не доверяла благим порывам преступников.

Отос усмехнулся. Взгляд его был недобрый и расчетливый.

— Думаю, мы могли бы помочь друг другу.

— В каком смысле?

Отос придвигнулся ближе.

— Тебе нужна свобода. Я видел, как ты умешь работать мечом, и знаю, что ты ненавидишь Урдуза. Мы можем пригодиться друг другу.

— И ты освободишь меня?

— Возможно.

— В обмен на что?

— Не ты одна ненавидишь Урдуза. Здесь сыщется немало таких. Но большинство его поддерживает. Он не допустит, чтобы кто-то действовал самостоятельно, без его указаний. Он опасается аргосцев и хочет на случай нападения иметь на своей стороне как можно больше мечей. Однако я не вижу смысла оставаться с ним.

— Тогда почему бы тебе просто не ударить отсюда?

— Не хочу нарваться на сторожевые отряды. Но если мы освободим тебя и твоих друзей, то могли бы бежать вместе. Ну а попадемся в руки аргосцев — ты объяснишь им, что произошло, или хотя бы станешь сражаться на нашей стороне. Есть, правда, и другой вариант. Мы могли бы...

Соня презрительно усмехнулась.

— Еще не до конца все продумал, да?

— Но я много думал о тебе, — с усмешкой отозвался Отос.

— Пес поганый! — отбросив осторожность, вскричала Соня. — Только для этого я тебе и нужна?

Разбойник широко ухмыльнулся, придвигнулся к Соне и обнял ее, гладя по голове. Однако девушка гневно высвободилась из его рук.

— Дура! — прошептал на ухо Отос. — Разве можно быть такой горячкой, когда скована цепью? Но я могу помочь тебе удрать.

— Чтоб ты сгорел в преисподней!

Преступник вскочил, злобно глядя на девушку.

— Шлюха! Ведь я могу поступить с тобой и по-другому. Не забывай, ты — пленница. Только попробуй плюнуть мне в лицо, как Урдусу, и умрешь в этих кандалах. Так что даю тебе время подумать. Я скоро вернусь.

Отос шагнул, намереваясь уйти, но Соня сумела извернуться и, невзирая на цепи, скользнула по земле, дернув ногодяя за ногу. Тот упал как подкошенный и растянулся во весь рост.

— Пес! — закричала Соня. — Да проклянет тебя Небо на веки вечные! Убирайся прочь, ублюдок!

Ее голос разбудил весь лагерь, даже часовых. Ошеломленный неожиданным падением, Отос с ужасом смотрел на девушку, продолжавшую кричать не переставая!

— Сучий выродок! Убирайся отсюда, или я засуну твое мужское естество тебе же в брюхо! Свинья поганая! Пес!

Гневный рев Урдуза громыхнул над лагерем.

— Что происходит, разрази вас Митра?

Ошалелый насильник не успел еще прийти в себя, а его уже за ноги волокли на суд к подоспев-

шему вожаку. Отос пытался вырваться, но безуспешно.

— Он хотел овладеть мною, этот подонок! — выкрикнула Соня.

— Негодяй! — возмущенно прорычал Урдус. — Поганый ублюдок! Похотливая тварь!

Он гневно встряхнул бывшего приятеля, потом брезгливо оттолкнул. Тот упал на землю, неуклюже перевернулся и откатился к большому камню. Урдус обнажил меч и шагнул к виновнику переполоха.

— Ну что, наказать тебя, как положено за подобное, а? — И выразительным движением острия показал, что имеет в виду.

— Не... не надо, — еле выговорил Отос.

— Тогда пошел вон!

Отос понуро побрел к лагерю. Урдус проводил его взглядом, потом повернулся к Соне, облизнул распухшую, покрасневшую губу и недобро усмехнулся. Взгляды их встретились. В глазах вожака не было ни одобрения, ни любования девушкой — так же, как в глазах Сони не читалось и намека на благодарность; только черная взаимная ненависть. Урдус убрал меч в ножны.

— А ну-ка поднимайтесь! Всем, всем встать! — гаркнул он; потом прошелся вдоль шеренги своих воинов, оглядывая каждого.

— Мы должны подняться по склону, чтобы уйти подальше от берега. Встретим аргосцев — будем драться. А теперь собирайтесь, да поживее.

Преступники безропотно подчинились. Пленных тоже подняли. Пока лагерь готовился к пе-

реходу, Бетос улучил минуту, чтобы поговорить с братом.

— Ты небось всю ночь только и мечтал, как бы удрать отсюда, верно? — мрачно усмехаясь, спросил он.

В глазах Десмоса полыхала ненависть. В бессильной ярости он сжал кулаки.

Бетос протянул правую руку.

— Это видишь? Здесь вершат закон грубая сила и оружие, а не твои бесценные справедливость и правосудие. Смотри. — Он вытянул левую руку, на которой недоставало двух пальцев. — Вот что произошло со мной в первые дни пребывания на Острове. Мне пришлось отстаивать свое право на жизнь в тяжелой борьбе. И тот, кто напал на меня, мертв. Но тебе предстоит лишиться не только пальцев, братец. Я столковался с Урдусом. Теперь ты принадлежишь мне — и только мне!

От этих слов Десмосу стало не по себе.

— Не знаю, как Урдус намерен поступить с остальными пленными, когда мы уйдем отсюда, но твоей жизнью распоряжаюсь я. И клянусь могилой нашей матери: ты сполна заплатишь за каждый проклятый день, что я провел здесь, среди этих подонков и убийц. Ты понял?

Вельможа отвернулся.

— Ты понял или нет, братец?

Бетос плюнул Десмосу в лицо. Тот заморгал, потом ответил мрачным, безжизненным тоном:

— Да, понял, брат.

Тем временем Урдус обратил внимание на исчезновение шемита.

— А где же наш колдун? — спросил он Алейлу.  
— Не знаю. — Голос женщины звучал испуганно; под взглядом вожака она вся сжалась.

— Найди его.

— Найти? — удивилась Алейла; ей стало страшно. — Но я же не знаю, где он! Оставь меня в покое, прошу.

Гигант протянул руку и схватил женщину за плечо. Она пригнулась, ожидая удара. О, боги, когда же это кончится? Как она оказалась в такой переделке? Что натворила?

В этот момент в круг света вошел Атхари; шкатулки в его руках не было.

— Где ты пропадал? — Вожак отпустил женщину.

— Гулял, — весело отозвался шемит. — Да и какое тебе до меня дело?

Урдус зло усмехнулся, но ничего не ответил и отошел в сторону, усмиряя гнев. Этот маг тревожил гиганта больше, чем бы ему хотелось.

— Вперед! Пошли! — закричал он своему воинству.

Подошел Бетос.

— Ты боишься этого шемита? — отведя вожака в сторону, шепотом поинтересовался он; тот лишь хмыкнул в ответ и резко отвернулся.

Погиная плечо, к Атхари приблизилась Алейла.

— Куда ты ходил? — спросила она вполголоса.

— Лепил из глины.

— Из глины? — пораженно повторила она. — Что же ты лепил? Почему не защитил меня от

Урдуса? Я готова отдать тебе все, а ты не захотел мне помочь!

Глаза колдуна вспыхнули странным белесым огнем.

\* \* \*

— Напиши это, — велел Урдус. — Заостри подходящую палочку и напиши.

Бетос кивнул и мрачно засмеялся.

— А ты подбери подходящего человека.

Вожак подошел к пленным. Он перевел взгляд с Десмоса на Хубартиса, потом остановился на молодом офицере со шрамом на лице. Половина бороды была вырвана, на обнаженной груди и ногах виднелись рваные раны.

— Ты, — проговорил Урдус и жестом подозвал трех сообщников. — Взять его!

Глаза молодого воина наполнились страхом. С него сняли кандалы и потащили в сторону.

— Прибейте его к дереву, — скомандовал гигант. — Аргосскими кинжалами.

Взгляд юноши стал безумным от ужаса. Он принялся вырываться, но его крепко держали, а потом привязали к дереву. Двое дюжих разбойников подняли ему руки над головой. Третий достал нож и пригвоздил ладони несчастного к стволу. Воин истошно закричал. Двумя другими ножами ему пригвоздили ноги.

Соня и другие заложники молили прикончить их товарища, только не подвергать бессмысленной пытке:

— Перережьте ему горло!

— Прекратите мучить его, во имя Митры!  
— Не издевайтесь над человеком, трусы поганые!

Бетос торопливо писал что-то на клочке кожи, окуная заостренную палочку в кровь распятого. Потом показал записку Урдусу.

— Здесь говорится: «У нас аргосские пленные. Среди них Хубартис и Десмос. Не преследуйте нас, иначе они умрут, как этот воин», — пояснил Бетос.

Урдус удовлетворенно хмыкнул, положил записку на грудь распятого и приколол длинной щепкой.

Пленных снова выстроили вереницей, и под непрерывные стенания умирающего колонна двинулась вверх по склону холма.

\* \* \*

— Почему бы нам просто не сбежать? — шепнула колдуну Алейла.

Они шагали, чуть поотстав от остальных. Женщина никак не могла понять, почему Атхари остается с Урдусом, зачем помогает ему, ведь он сам признался, что противостоит и ему, и аргосцам. Ей не терпелось узнать о его истинных намерениях.

— Я должен вернуть долг, — ответил шемит.  
— Долг? Какой долг? Урдус? Ты хочешь убить его?

Маг промолчал, только мрачно посмотрел на женщину.

— Тогда убей его — и дело с концом! Давай убежим, Атхари!

— Дитя, — спокойно отозвался он. — Ты просто маленькое, злое, испорченное дитя..

— Но...

— Убить несложно, Алейла, в этом нет ни смысла, ни мудрости. Мне нужны эти люди. Они помогут мне.

— Но для чего они тебе? — Алейла тряхнула черными как смоль волосами.

— Я же сказал, что леплю из глины. Ваятелю нужны их кровь и души.

Женщина покачала головой.

— А я-то надеялась... Думала, мы будем во всем помогать друг другу. Но ты, похоже, попросту дурачишь меня. Должно быть, эта рыжая девка тебе больше по душе, чем я! Я заметила, как ты пялишься на нее...

Неожиданно шемит расхохотался.

— Боги, до чего ты глупа! Воистину, я даже не могу на тебя сердиться! В этот миг мы на перекрестке вселенных, вокруг нас рождаются одни миры и умирают другие, прямо у нее на глазах древние боги сражаются с юными божествами не на жизнь, а на смерть, Огненная Рысь, раскрыв пасть, рычит на Безликую Тьму... А все, что она видит, это свою нелепую младенческую ревность!

— Вот как! — Алейла ни слова не поняла из того, что говорил шемит, кроме того, что он считает ее дурой, и почувствовала себя глубоко оскорбленной. — Воля твоя, колдун. Я убегу в одиночку.

— Мы на пути к преисподней, — пожал плечами Атхари. — С него нельзя сойти ни тебе, ни мне.

Куда бы ты ни бежала, все равно останешься на прежней дороге. Урдус думает, будто ведет людей к свободе, а идет прямо в мою западню. И вскоре железные челюсти капканы сомкнутся.

— Но что же это за лепка из глины? Что ты ваяешь?

— Скоро увидишь.

Около полудня разбойники сделали краткий привал, поели плодов, утолили жажду водой из ручья и двинулись дальше. Выйдя на опушку леса, они увидели водопад. Узкий поток низвергался с утеса и с грохотом падал в небольшое озерцо.

— Ай-а-а! Проклятие!

— Череп! Ведь это Череп! Клянусь Митрой! — завопили шедшие впереди.

Урдус выругался и поспешил вперед.

— О, боги Воды и Огня! — прорычал вожак; в голосе его смешались ужас и гнев. — Мы никуда не ушли! Мы не на материковом берегу, а по-прежнему на проклятом Ос-Альерро!

— Колдовство! — пробормотал Отос. — Тот ветер вчера — мы совсем не продвинулись вперед, вот почему аргосская галея так быстро нас настигла.

— Магия! — выкрикнул гигант, обнажая меч.

Алейла с ужасом смотрела на приближающегося Урдуса. Она повернулась, ища защиты у чародея, но тот непостижимым образом исчез, будто растворился в воздухе.

— Ты, ведьма! — рявкнул вожак; его тряслось от страха и ненависти. — Где он? Говори, или я разрублю тебя на куски!

— Я... я не знаю, — еле выдохнула Алейла и упала на колени. — Он был здесь еще мгновение назад.

Лес по сторонам стоял молчаливый и мрачный. Люди против воли жались друг к другу, ища поддержки и защиты. Шум водопада казался неестественно громким.

— Он исчез, — проговорил Бетос. — Значит, и нам не стоит здесь оставаться.

Урдус вложил меч в ножны, повернулся и оказался лицом к лицу со своим ближайшим помощником.

— Надо что-то решать, разрази гром этого проклятого колдуна! Если это его работа, Бетос, клянусь Небом, я его...

— Сейчас не до того.

— Да, ты прав. — Гигант бросил взгляд на утес, потом рассудительно проговорил: — Там, слева от Черепа, есть подходящая расщелина, по ней можно подняться на вершину и как следует осмотреться. По крайней мере, заметим, когда высадятся аргосцы.

Бетос мотнул головой в сторону пленных.

— А с ними что делать?

— Приведи сюда, — распорядился Урдус угрюмо. — Сторожи их и не спускай глаз. Они — наш единственный шанс уцелеть.

\* \* \*

Цепляясь за острые каменистые выступы и подтягивая пленных на веревках, отряд карабкался по расщелине. Шум водопада оглушал, камни

были скользкими от воды, и потому подъем шел мучительно медленно и стоил немалых трудов.

На вершине им открылась обширная ровная площадка, тянувшаяся на северо-восток и там полого спускавшаяся в поросшую лесом долину. Дальше, насколько знал Урдус, располагалось озеро, на берегах которого обитал клан Безумной Шихур. Вожак выругался. Посмотрев назад, среди прибрежных деревьев он различил сломанные мачты и обвисшие паруса аргосской галеи. Отсюда открывался вид на весь Остров: густые зеленые леса, иногда расступавшиеся, образуя просторные долины.

Гигант терпеливо подождал, пока весь его отряд завершит подъем. Еще днем он велел своим людям рассыпаться цепью, чтобы, если их нагонят аргосцы, он успел вовремя узнать о нападении по крикам тех, на кого нападут в первую очередь. Но тогда он думал, что они на большой земле. Теперь все обстояло иначе. Если аргосцы заметят брошенный корабль...

Урдус задумчиво посмотрел на сотника Хубартиса.

День тем временем клонился к вечеру. Пленников опять разместили в центре лагеря. Возвратившиеся разведчики доложили, что никаких признаков погони не обнаружили. Правда, еще двое пока оставались в лесу, и Урдус уже начал сердиться на их медлительность. Его охватил страх — неумолимый, противный, он змеей шевелился где-то в животе, мало-помалу поднимаясь все выше. Вожаку припомнились недавние надежды бесслед-

но раствориться в аргосских городах. Надежды, которым не суждено было сбыться.

Он перевел взгляд на свое воинство. Люди сидели на корточках или полулежали среди валунов, ели, пили и косились на пленных, особенно на Десмоса. Нет, самого Урдуса приговорил к ссылке на Остров не Десмос, но именно он вынес такой приговор многим из его шайки. Гигант понимал, что неудачное завершение блестящее задуманного побега повергло людей в отчаяние. Они смертельно устали, ближайшее будущее представлялось им неопределенным, и потому неудивительно, что многие из них в последнее время ворчат и ссорятся друг с другом. Пусть уж лучше это недовольство выплеснется в кровавой расправе над королевским судьей.

И тут откуда-то с севера донесся жуткий вопль.

Урдус вскочил и стал всматриваться, пытаясь понять, откуда именно он долетел, однако никаких признаков надвигающейся опасности не заметил. Крик повторился. Встревоженные разбойники столпились вокруг вожака.

— Подождите, — приказал Урдус сердито. — И не сводите глаз с пленных.

Потянулось ожидание. Солнце все ниже клонилось к горизонту, золотя верхушки деревьев. Когда последние лучи светила погасли, из расщелины донесся звук осыпающихся камешков: кто-то двигался к лагерю.

Это был один из разведчиков, Илум, — израненный, залитый кровью, он, однако, сохранил меч. Урдус помог товарищу взобраться на плато.

Позволив Илуму наскоро утолить голод и жажду, вожак приступил к расспросам.

— Ты видел стражу?

Тот покачал головой.

— Только дозор. Троє. Все аргосцы. Засекли их раньше, чем они нас. Устроили засаду, первых двоих убили сразу, но с третьим пришлось повозиться. Он меня ранил,— Улум показал глубокую колотую рану на руке,— и убил Тариса. Потом я его все-таки свалил.

— Мы слышали крики,— сказал Бетос.— Но никаких аргосских кораблей не заметили.

— Заметишь, как же, если они приткнули галею к берегу и замаскировали ветками,— проворчал Отос.

— Наверняка выследят нас! — посетовал кто-то.

— Здесь мы в безопасности,— заверил шайку Урдус.— Да и людей хватит, чтобы защититься. Но раз мы знаем, что стражи близко,— никаких костров. И удвоить количество часовых. Все поняли?

Разбойники согласились.

Сгущилась ночная тьма. Вожак посоветовал своему ближайшему помощнику устроиться на ночлег поближе к Отосу. Тот согласился и лег спать, держа нож под рукой, а часовым наказал быть особенно бдительными.

Когда преступники заснули, пленные в центре площадки шепотом начали обсуждать свою участь.

— Кажется, мне удалось немного растянуть узлы,— заметил Десмос.

Хубартис покачал головой.

— Не стоит выдавать желаемое за действительное, друг мой. Ведь мы не только связаны веревками, но и скованы цепью.

— Веревку действительно нетрудно растянуть,— подала голос Соня.

— А цепи? — спросил кто-то из аргосцев.

— Железные обручи можно разрезать,— напомнила им девушка.— Железо-то мягкое. Раздобыть бы стальной клинок.

— Ну и сколько человек тогда спасутся? — поинтересовался Десмос.

Ответить воительница не успела — рядом послышались шаги. Урдус!

— Заткните пасти! — гневно рявкнул он.— Цепей вам все равно не разорвать.

— Так или иначе, но мы освободимся,— упрямо возразил Хубартис.— Осталось недолго. Мы слышали, о чем говорили твои люди. Так вы решили, будто вышли на большую землю, да? — Он засмеялся.— А вернулись на свой же Остров! Вы надеялись использовать нас, как разменную монету, чтобы купить свою свободу, а теперь вам впору не о воле мечтать, а спасать свои шкуры. И вам очень повезет, если нас сочтут достаточной платой за ваши никчемные жизни.

Урдус сплюнул под ноги пленнику.

— Клянусь, аргосец, если я не смогу выторговать свободу всем нам, ты умрешь первым. Вот за это я ручаюсь.

Казалось, сотник уже был готов отступить, но — к удивлению Сони — Десмос вдруг подался вперед, насколько позволила цепь, и сказал:

— Ты бы лучше подумал, нет ли у тебя иного выхода.

— Ха! — удивился Урдус.— А судья-то, похоже, перетрусил не на шутку! Собственного братца испугался, да?! Ну, правильно делаешь, что боишься: из лап Бетоса еще никого живым не уходил. А уж ради тебя-то он и вовсе расстарается... Столько лет грезил об этой встрече!

— Послушай! — Десмос не обращал внимания на подначивания вожака, захваченный какой-то своей мыслью.— Твой единственный шанс — уплыть с этого Острова на захваченном корабле. Лучше всего до рассвета. Если береговая стража с галеаса еще не заметила тебя, то скоро заметит. Ты не хуже меня это знаешь!

Соня пыталась понять, что задумал Десмос. Может, просто тянет время? Трудно сказать. Впрочем, будущее покажет — главное, при случае правильно ему подыграть. Но вот Хубартис ни о чем не догадывался.

— Ты предатель, Десмос! — взвился он.

Урдус рассмеялся.

— Не бойся, аргосец, этому трусу не удастся ничего у меня выторговать. Я уже все обмозговал. Завтра мы уничтожим стражников, всех до единого. Если все получится, как задумано, я оставлю вас в живых: вы смелые люди, а смельчаков я ценю. Только вот месьюра судью не пощадим. Я, может, и рад бы, да братец уже выпросил его у меня в награду, а я от своего слова не отступаюсь. Так что придется судье на своей шкуре отведать настоящего правосудия!.. Да еще,— он бросил мстительный

взгляд на Соню,— эта зубастая красотка узнает для себя кое-что новое о жизни. Кто знает, может, ей и понравится...— Он плотоядно ухмыльнулся.

— Клянусь Небом! — возмутилась воительница.— Или освободи нас, или убей! Кто дал тебе право измываться над людьми!

Урдус молча повернулся и зашагал прочь.

Соня и Хубартис продолжали потихоньку растягивать веревки на руках и дергать цепи в тщетной надежде освободиться.

\* \* \*

Полусотник Тобис и воины его отряда с печалью взирали на мертвые тела троих аргосцев. Тобис поднял голову, словно принюхиваясь.

— Я был прав,— проговорил он.— Пираты, захватившие галеру Хубартиса, где-то неподалеку.

— Почему ты так уверен? — полюбопытствовал стоявший рядом десятник.— Конечно, мы видели галею, но такие нередко посещают Остров, привозят новых преступников.

Тобис покачал головой.

— Последняя была совсем недавно, мы видели ее, а следующая будет не раньше чем через полторы луны... Так, короткий привал. Всем обедать. И выделите шестерых для похорон погибших.

— А как быть с мертвым разбойником?

— Пусть сгниет.

Пока отряд обедал, Тобис сел отдохнуть и обдумать положение. Он корил себя за эти смерти. Наверное, надо было идти всем вместе, а не высылать троих в дозор.

Да, в лихую переделку он попал: преследовать сбежавших с Ос-Льерро. Тобис знал, что вдогонку им были посланы два корабля. Его отряд приплыл на галеасе, всю ночь боровшемся со встречным ветром, причем ветер странным образом совпал с подводным встречным течением. Кроме того, когда наступил рассвет, выяснилось, что они оказались почти у северной оконечности Острова Заключенных. Далеко на юго-западе с трудом различались очертания галеи, которой командовал Хубартис. Подойдя к ней, они поняли, что корабль после кровопролитного сражения был захвачен разбойниками.

— Наверное, кто-то остался в живых, — предположил Тобис. — Видимо, беглецы сошли на берег, прихватив их в качестве заложников.

— Что будем делать? — спросил командир галеаса.

— Попробуем высадиться и прояснить обстановку, — задумчиво проговорил Тобис. — Может быть, удастся захватить негодяев врасплох.

Но ничего не получилось. И вот теперь полусотник Тобис сидел на полянке посреди лесной чащи. Неподалеку подкреплялись воины его отряда, размышляя, что ждет их дальше.

\*\*\*

Урдус стоял на часах. Среди ночи он вдруг заметил шемита, который поднялся на плато и вошел в лагерь. Вожак приблизился к магу и тихим, угрожающим голосом спросил:

— Куда направляешься?

— А тебе какое дело, Урдус?

— Не смей дерзить мне, предатель! — возмутился гигант. — Отвечай!

— Я не намерен тебе подчиняться.

— Шемитский пес! — крикнул Урдус. Он поднял руку, чтобы ударить Атхари, но взгляд колдуна неожиданно заставил его передумать. Глаза мага светились холодным, потусторонним светом. Гигант опустил руку. — Никто не должен покидать лагерь, — продолжил он уже более миролюбивым тоном. — Куда ты ходил?

— Лепить из глины. Я намерен убить тебя, Урдус. Мне это под силу — точно так же, как вернуть тебя на Ос-Льерро. Я навел чары на тебя и твоих людей. А теперь убью вас всех. Иначе зачем бы я тащился за вами все это время? Ты отправишься прямиком в преисподнюю, Урдус, и я сам поведу тебя — возьму за нос и поведу.

Вожак зарычал и снова угрожающе поднял руку.

Атхари негромко пролаял, как стигийский шакал; рука его метнулась бесшумно и молниеносно, словно нападающая кобра, холодные пальцы коснулись шеи гиганта и сомкнулись на горле.

Урдус оцепенел. Он не мог сдвинуться с места; ему показалось, будто тысячи острых иголок пронзили его тело и полностью парализовали. Он смотрел на коренастую фигуру шемита, чувствуя, как струится по спине холодный пот.

— Советую больше не обижать Алейлу, — невозмутимо произнес Атхари. — С этого момента она принадлежит мне, и потому будет жить в

стороне от мерзких животных, которыми ты правишь.

Урдус хотел было презрительно фыркнуть или сплюнуть, но не смог.

— Вскоре мое колдовство измотает тебя вконец, — продолжал шемит. — Запомни: я намерен убить тебя. Я мог бы покончить с тобой уже сейчас, но пока есть причины подождать с этим. Мне хочется, чтобы ты испытал страх. Могущественный демон, которому я служу, желает насладиться твоим ужасом.

Атхари повернулся и ушел во тьму. Урдус смотрел ему вслед — растерянный и напуганный собственной беспомощностью. Он до сих пор не мог пошевелиться, а ведь маг всего-навсего прикоснулся к нему.

Отойдя подальше от лагерных костров, Атхари остановился и глубоко задумался, затем потянулся вверх — и тихо поднялся в воздух. Пролетев немного, он распростер руки в стороны, поднялся выше и поплыл в теплом воздушном потоке.

Правда, улететь далеко колдун не мог — его силы были не безграничны, хотя и достаточны, чтобы добраться до берега намного скорее, нежели пешком. Паря в воздухе, Атхари замечал всякое живое существо, над которым пролетал. Впереди он виделочныхных птиц — их блестящее оперение то волшебным сиянием вспыхивало в лунном свете, то вновь растворялось в окружающем мраке. Лесная чаща внизу стала еще плотнее. Земля шла под уклон, и маг изменил направление полета.

Наконец он опустился и встал на ноги. Пробравшись сквозь заросли, Атхари вышел на берег. Неподалеку виднелись очертания брошенной аргосской галеи.

Войдя в реку, Атхари засучил правый рукав и по локоть погрузил руку в воду. Он явственно ощутил напор силы с севера — другой корабль, находившийся на расстоянии приблизительно дня пути отсюда. Тяжелый галеас со множеством вооруженных людей. Это с него высадились аргосцы, с которыми разделялись люди Урдуса.

Атхари вздохнул и поднялся на ноги. Он снова воздел руки, ноги его оторвались от земли, и маг взмыл в воздух, направляясь туда, где трудился прошлой ночью.

\* \* \*

Разбудило Алейлу странное предчувствие. Она лежала чуть поодаль от лагеря. Возможно, конечно, ее сон потревожили просто-напросто шаги часового, хотя, когда она села и огляделась по сторонам, то увидела, что ближайшие стражи достаточно далеко — они собрались вместе и о чем-то тихонько разговаривали. И все-таки что-то толкнуло ее. Может быть, это ведьмовское чутье предостерегало от близкой опасности? Не обращая больше внимания на часовых, Алейла встала и зашагала прочь от лагеря.

Вскоре она заметила в темноте человеческую фигуру, и по массивной спине и широченным плечам узнала Урдуса. Он тихо стонал, и женщина, подкравшись сзади, увидела, как он медленно

опустил правую руку — так, словно это потребовало огромных усилий. Вожак даже не обернулся, когда Алейла приблизилась, и это озадачило ее. Она обошла гиганта и осторожно заглянула ему в лицо. Взор вожака был странно застывшим, неживым.

— Что с тобой? — испуганно спросила она.

И сразу же поняла, что вожак не может ответить. Он только снова застонал и попытался шевельнуть рукой. На Алейлу снизошло озарение.

— О боги! — воскликнула она. — Это сотворил с тобой Атхари?

И тогда на нее напал смех. Она понимала, как это разъяряет Урдуса, однако остановиться при всем желании не могла.

— Так это... дело рук... Атхари? — сквозь смех с трудом выдавила женщина. — О боги, какой же ты болван! Ты, верно, решил, что со всяким можешь справиться? Сделать из любого раба? Не тут-то было! Дурак ты был, дураком и останешься! Вот Атхари и напустил на тебя порчу. Да?

Приступ смеха прошел, уступив место злости, и Алейла пустилась на все лады издеваться над Урдусом. Уперев руки в бока, она принялась взад и вперед вышагивать перед вожаком, дразня его.

— Может, откусить тебе губу, а, Урдус? Что скажешь? — прошептала она ему на ухо. — Ах, не хочешь? А ведь надо было бы довершить то, что начала та рыжая! — Женщина отступила и заговорила громче: — А может, приколоть к груди послание тем, кто тебя найдет? Как тому аргосцу? Не желаешь? Нет, пожалуй, лучше я ухвачу тебя

за волосы и швырну на землю — да так, чтобы ты покрепче ударился мордой. Тоже не хочешь? А придется. Урдус Великий, неужели ты допустишь, чтобы женщина таскала тебя за волосы?

Вожак был не в состоянии ответить женщине, хотя гнев просто душил его.

— Нет, — продолжала тем временем Алейла. — Ничего ты не хочешь. Тогда я, пожалуй, вызову из леса змея. Ты не против, Урдус? Я велю змею кусать твои ноги — по шестьдесят раз каждую, — чтобы ты никогда не смог больше ходить, совсем не смог! Змей будет снова и снова кусать тебя, а ты... Как ты его отгонишь?

Урдус молчал и только исходил потом.

— Или попросить старого филина выклевать тебе глаза? Не возражаешь, Урдус? Ну как, позвать филина? Или не надо?

Гигант снова попытался поднять руку, но внутреннее онемение не проходило, и он ничего не мог с этим поделать. Алейла чуть смягчила тон.

— Нет, я просто оставлю тебя здесь одного, а ты постараися представить себе, что еще мог бы сотворить с тобой Атхари, пожелай он этого!

Алейла заглянула Урдусу в глаза, усмехнулась, а потом повернулась и ушла. Вожак прислушался к ее удаляющимся шагам. Когда они совсем стихли, в лагере наступила тишина. Он попытался повернуть голову, но не смог.

Гигант ждал, внутренне сжимаясь, когда временами тело пронизывала почти невыносимая боль. Затем медленно, очень медленно к нему

стали возвращаться ощущения, а правая рука опустилась чуть ниже.

И тут явилась змея — ее пестро-глянцевая кожа блестела в лунном свете. Если бы Урдус мог пошевелиться, он замер бы от испуга.

«Алейла! Так она настоящая ведьма!?

Змея неотвратимо приближалась, ее жирное тело извивалось меж валунов; вот она замерла на миг и высунула жало. Она явно вынюхивала Урдуна. Потом тварь исчезла из поля зрения — наверняка была уже где-то рядом. Наконец скользкий холод коснулся ноги, и Урдуса охватил смертельный ужас. Он ждал, теша себя надеждой, что проклятая змея уползла. Шло время, луна медленно катилась меж звезд, и вожак мало-помалу успокоился.

И тут за спиной послышался какой-то шум — шаги, мужские шаги. Должно быть, часовые.

— Клянусь Митрой! Да это же Урдус!

— А почему он не двигается?

— Урдус, что с тобой?

— Боги! Похоже, с ним что-то неладно! Он не может шевельнуться!

— Эй, сюда, скорее! Унесите его!

— Нет! Уложите на землю!

Урдус хотел было закричать: «Нет! Нет! Не надо укладывать! Здесь где-то прячется змея!» — но не мог вымолвить ни слова. К счастью, жуткой рептилии уже не было. Часовые уложили Урдуса и остались рядом.

— Что же с ним стряслось? — спросил один.

— Это шемит, его проделки! — воскликнул другой.

— Конечно он, кто ж еще!

— Да будет проклято во веки веков его семя!

Крики часовых перебудили весь лагерь. Пронеслась и Соня. Все тело ныло — и от неудобной позы, и от кандалов. Она тряхнула головой и наклонилась вперед. Ей мешали веревки, стягивающие руки и ноги, она никак не могла дотянуться до аргосского меча, лежавшего неподалеку на скатанном одеяле. А ведь где-то в лагере лежит и ее собственный...

О Великая Мать! Зачем она не сопротивлялась колдовским силам, что заставили ее отдать оружие!

\* \* \*

Атхари трудился всю ночь, набирая мягкую глину и влажную землю в свою накидку и раз за разом перетаскивая этот груз в тесную пещеру — левую глазницу Черепа, где лежала его волшебная шкатулка. Маг работал нагишом, его смуглое тело сливалось с ночной тьмой.

Незадолго до рассвета шемит решил, что набрал достаточно. Он искупался в озерце и оделся. Потом поставил перед входом в пещеру невидимый знак, дабы воспрепятствовать любому незваному гостю проникнуть в святилище. Затем Атхари воздел руки, взвился в воздух и сквозь предрассвенный туман направился к лагерю Урдуса.

... На рассвете Тобис и его люди вышли к месту первой стоянки бунтовщиков. Они увидели холодные кости, обгрызанные кости, объедки плодов. И — тело распятого воина.

Военачальник прочитал послание и злобно выругался. Десятник бросил взгляд на восток, в сторону утеса.

— Да,— кивнул Тобис.— Конечно. Именно туда они и направились.

— Будем ждать подкрепления? Может, подспеет подмога со второго галеаса?

— А может быть, и нет. Ведь мы не знаем даже, решил Лобор возвратиться сюда или двинулся дальше. Дымового сигнала тоже не подать — так мы лишь выдадим свое местонахождение.

— Теперь мы хоть знаем, что сотник жив.

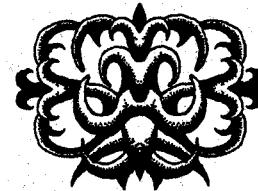
— Мы знаем только, что он был жив, когда писали эту записку,— покачал головой Тобис.— Всем завтракать и отдыхать. Потом мы возьмем утес в осаду. Где карта, десятник?

Тот достал смятый пергамент и протянул командиру.

— Мы обойдем утес вокруг,— водя пальцем, проговорил Тобис.— Штурмовать с этой стороны слишком опасно — они будут поджидать нас. Значит, двинемся в обход и выйдем с другой стороны, там, где спуск не так удобен. К тому же нас прикроет густой лес.

Десятник кивнул.

— Что ж, в обход так в обход.



так, решение было принято. Во главе трех дюжин верных ему людей — ни Отоса, ни горстки его сторонников среди них не было — Урдус принял общаривать лагерь, разыскивая колдуна.

Шемит растянулся на земле, положив голову на корни высокого дерева. Глаза его были полу-прикрыты. Рядом лежала Алейла.

— Встать! — гаркнул вожак, когда разбойники приблизились к этой парочке на несколько шагов.

Атхари широко открыл глаза. Алейла встревожилась, вопросительно посмотрела на гиганта, однако тот даже не удостоил женщину взглядом.

— Я велел тебе встать!

Атхари начал медленно подниматься, он явно тянул время. Урдус все больше разъярялся и, когда маг наконец встал на ноги, рявкнул:

— Убирайся!

Колдун мрачно улыбнулся.

— Уходи,— юже тише повторил Урдус.

За его спиной столпились бородатые воины с обветренными, суровыми лицами. Они злобно смотрели на шемита.

— Уйти? — спросил тот. — Оставить лагерь?

— Убирайся отсюда. Ты перестал быть человеком. И впредь держись от нас подальше.

На мгновение задержав на Урдусе взгляд, Атхари поднял лицо к небу и засмеялся — странным лающим смехом.

— Недоумки! — воскликнул он. — Неужели вы думаете, будто способны избавиться от меня по собственной воле?

Алейлу охватил страх. Соня и другие пленники, сидевшие в центре лагеря, с любопытством наблюдали за происходящим. Отос и его приверженцы, стоявшие чуть поодаль, тоже заинтересовались. Урдус шагнул вперед.

— Уходи, колдун! Мы не желаем тебя видеть. Не хотим, чтобы ты и впредь отравлял нас своим колдовством!

Атхари покачал головой.

— Я никуда не уйду, пока сам того не захочу. Впрочем, я ждал этой просьбы и, может быть, даже соглашусь на нее. Однако сперва ты должен выполнить мои условия.

Вожак недовольно запыхтел, стоявшие позади него воины придвигнулись.

— Мне нужен один человек из пленных.

Урдус отрицательно помотал головой.

— Мне нужна рыжеволосая женщина.

— Ничего ты от меня не получишь, кровосос! — взорвался гигант. — Будь ты хоть трижды

колдун, но сражаться со всеми сразу ты не сможешь. А потому будь доволен уже тем, что я отпускаю тебя с миром.

— Я открою на тебя охоту, Урдус.

— Убирайся!

— Имей в виду: я вернусь. Ты отмечен мною и не сможешь избежать уготованной участи.

— Не запугаешь! — Урдус обнажил меч. — Если вздумаешь прикоснуться ко мне еще раз, предупреждаю: я без раздумий отсеку тебе голову. А мои люди четвертуют тебя и вырвут сердце.

— Я мог бы одним движением уничтожить всех вас, — усмехнулся Атхари.

— Не верю, — возразил гигант. — Ты наполовину колдун, наполовину шарлатан. Может, ты и продал душу демону, но стальной клинок способен тебя убить, а магические силы не могут сохраняться вечно.

— Тогда почему бы тебе не убить меня прямо сейчас? — ровным голосом поинтересовался шемит.

— Я даю тебе шанс уйти с миром, так воспользуйся им! — Рука с мечом начала медленно подниматься — вожак явно терял терпение.

— Мне нужна рыжеволосая, — повторил Атхари. — У нее сильный дух. Я хочу использовать ее для своих целей.

— Нет. Возьми лучше Алейлу — и можешь использовать ее, как вздумается.

Женщина испуганно прижалась к магу. Тот посмотрел на вожака долгим взглядом.

— Тогда вот что я тебе скажу. Твои дни по дороге в преисподнюю сочтены... Твои и твоих

людей. Я не уйду далеко, я буду наблюдать. И я убью тебя, Урдус. Я и никто другой. Ты понял?

— Уходи!

— Понял ты или нет?

— Убирайся! — Урдус шагнул вперед и поднял меч.

Шемит знаком велел Алейле уходить, а потом, бросив на Урдуса мрачный взгляд, повернулся и зашагал за ней следом.

Гигант чуть заметно кивнул. Поняв его знак, Бетос хлопнул по плечу стоявшего рядом лучника. Обтянутая звериной шкурой спина Атхари уже исчезала в зарослях на краю утеса. Лучник шагнул вперед, тщательно прицелился и пустил стрелу с тяжелым боевым наконечником.

Соня вздрогнула, Десмос выругался, Хубартис затаил дыхание, на мгновение даже прекратив неустанные попытки освободиться от пут на руках.

Оперенная стрела ударила Атхари между лопатками. Он споткнулся и пропал из поля зрения. Раздался крик Алейлы.

Вожак удовлетворенно хмыкнул. Его глаза были широко открыты, руки расслаблены, из приоткрывшегося рта стекала на бороду струйка слюны, но он не замечал этого. Стоявший поодаль Отос шепнул своим соратникам:

— Он вконец спятил! Теперь они всех нас перебьют!

Крик Алейлы замер. Там, вдалеке, за деревьями, что-то с шумом упало, и Урдус стал всматриваться в лесную чащу. Неожиданно раздался гневный вой, — все узнали голос Атхари, — а по-

том грохот камнепада, треск сломанных ветвей. Вожак побледнел, на лбу выступили капли пота.

Отос наблюдал за происходящим, затаив дыхание. Урдус и его люди не мигая смотрели туда, где упал Атхари. Ко всеобщим ужасу и смятению среди зарослей появилась белая, окровавленная рука с вздувшимися венами; пальцы ухватились за толстые, обомшелые корни и напряглись, подтягивая тело. Потом появилось плечо, за ним — черные волосы, в которых запутались ветки и сухие листья, затем — глаза. Ужасные глаза, желтые, пышущие пламенем.

— Имир! — надтреснутым голосом выругался Урдус.

Атхари подтянулся, встал на колени на краю скалы, простер вперед руки и завыл по-волчьи. Глаза его метали искры.

— Ублюдки! — выкрикнул он, неловко развернулся, завел руку за спину, нашупал стрелу и ухватился за оперение.

При виде этого разбойники в ужасе отшатнулись. Стрелок опустил лук и замер, не зная, что делать: то ли остаться и посмотреть, чем все закончится, то ли пока не поздно бежать куда глаза глядят, спасаясь от страшного колдуна. Из-за выступа скалы выглянула Алейла: женское любопытство победило страх.

— *Хийа уата на хайтбер!* — громко выкрикнул на непонятном языке маг и резким движением выдернул и отбросил стрелу.

Лучник повернулся и припустил прочь. Разбойники взвыли: падая, стрела превратилась в

летучую змею; окровавленный наконечник стал головой с оскаленной пастью, древко — скользким, гладким телом, а оперение — крыльями.

Оглянувшись на бегу стрелок выставил вперед руки в тщетной попытке защититься, пронзительно завизжал при виде стремительно и неотвратимо надвигающейся жуткой пасти и бросился наутек.

Шемит закружился на месте, не то приплясывая, не то просто стремясь устоять на ногах; подбежавшая Алейла попыталась его поддержать.

Глаза остальных были устремлены на лучника, со всех ног улепетывавшего от летучей змеи. Споткнувшись, тот упал возле костровой ямы, перекатился на спину и закрыл лицо руками. Змея ринулась вниз и ударила несчастного прямо в грудь. Тот забился в агонии, а тварь, снова превратившись в стрелу, пронзила лучнику сердце.

Наступило молчание.

Урдус перевел дыхание. Его люди начали перешептываться.

Тем временем шемит с Алейлой успели скрыться. Бросившийся вслед за ними Бетос обнаружил на камнях у края плато только несколько капель крови.

— Они ушли! — крикнул он остальным. — Догнать?

— Пусть уходят! — Урдус приблизился к лежавшему на земле подле костища телу лучника. — Пусть уходят, — повторил вожак словно про себя. — О Имир!..

\* \* \*

По натуре полусотник Тобис был не слишком храбр — так, обычный средний человек. Он предпочел бы остаться в столице и вести размеренный образ жизни, получая скромную плату писца при дворе, чем рыскать, как сейчас, по лесам в поисках беглых преступников. Он мечтал выйти в отставку и жить в загородном домике, занимаясь садоводством. Военную службу он избрал по воле случая: как-то один из друзей-благожелателей предложил ему занять должность в своем отряде, поскольку оплачивалась она намного щедрее, чем работа писца. А в итоге он оказался в этой отдаленной крепости — в диких местах, на многие лиги удаленных от благ цивилизации.

И теперь он размышлял перед сном о превратностях судьбы.

Хотя в богов Тобис, конечно, верил, однако храмы посещал не слишком рьяно и пребывал в твердом убеждении, что любые приливы и отливы в жизни чаще определяются земными обстоятельствами, нежели божественным провидением. Вот, например, его приятель Арус — красавец, на котором так прекрасно смотрится воинское облачение. Так вот, Тобис не раз замечал, как жена заглядывается на этого Аруса, думая что муж не видит.

Вот уж воистину превратности судьбы.

А тем временем сам Тобис маётся в лесной глуши на Острове Отверженных, где находящемуся под его началом отряду предстоит немину-

емое сражение с шайкой бунтовщиков, возглавляемых этим головорезом Урдусом. Конечно, судьба предоставила ему прекрасную возможность доказать супруге свою любовь — для этого достаточно героически пасть в бою. Но тогда жена окажется в объятиях Аруса, разве не так?

По здравом размышлении полусотник пришел к выводу, что перспектива погибнуть от рук преступников нимало его не устраивает, даже невзирая на посмертную славу...

\* \* \*

Аргосский отряд расположился в густом лесу к востоку от утеса, где обосновалась шайка Урдуза. Полусотник Тобис сверился по солнцу, — дело шло к полудню, — потом он еще раз взглянул на карту, которой их в свое время снабдили столичные военачальники; карта устарела лет на десять. Тобис припомнил другую, не так давно виденную в Мессантии, — там Остров был изображен намного подробнее. Упервшись в лист пергамента невидящим взглядом и отгоняя назойливую мошку, полусотник стал вспоминать замеченные в тот раз детали. Но ничего полезного в голову так и не пришло.

— Итак, двигаемся вперед, — объявил он десятнику Нотосу. — Их лагерь мы обнаружим еще засветло. Если разбойники успеют к тому времени убраться оттуда, мы получим отличный наблюдательный пункт и без труда отыщем, куда они направились.

— Хорошо.

Десятник дал команду, и воины принялись разбирать оружие, готовясь к походному построению.

— Скажи людям, чтобы не шумели, — предупредил Тобис.

Нотос кивнул, обернулся и, сложив руки рупором, закричал:

— Тихо! Чтобы эти псы не услышали нашего приближения!

Голос его разнесся далеко окрест, отразился эхом и медленно замер в лесной чащбе — кое-кто из аргосцев не сдержал иронической усмешки.

Полусотник вздохнул, покачал головой и в который уже раз за эти дни помянул Митру.

\* \* \*

Урдус и три дюжины его сторонников совещались, собравшись у погасшего костра. Перешептываясь, они не забывали зорко следить за пленниками.

Тем временем неподалеку обсуждали положение встревоженные приспешники Отоса.

— Сдается, они задумали всех нас прикончить, — вполголоса сказал один из них. — Боятся, что аргосцы возьмут их в кольцо, а нам не доверяют.

В группе пленников Десмос без устали трудился, пытаясь ослабить путы, однако узлы не поддавались. Тяжко вздохнув, он повернулся к Соне:

— Боюсь, нам всем конец.

Воительница присмотрелась к Урдусу.

— Нет, убивать нас они не собираются, — проговорила она. — Думаю, двинутся дальше. Если



они задумали покинуть Остров, мы нужны им как заложники.

— Эх, если б хоть один из нас смог освободиться, хотя бы один! — посетовал Хубартис.

— Все! Получилось! — торжествующе прошептала Соня; по движениям плеч было ясно, что девушка распутывает за спиной веревки.

У пленников перехватило дыхание.

— Не обращайте внимания, — скомандовал Хубартис. — По-прежнему смотрите на Урдуса.

— Вот незадача! — вдруг выругалась девушка. — Нет. Прокляни их Митра на веки вечные! Взгляни-ка на мою цепь, Хубартис.

— Не решаюсь: они могут заметить.

— Тогда пощупай ее. Хоть это ты можешь?

Хубартис придвинулся к Соне и кончиками пальцев правой руки дотянулся до взмокшего от пота запястья воительницы, провел по цепи.

— Так, одно звено, — прошептал он.

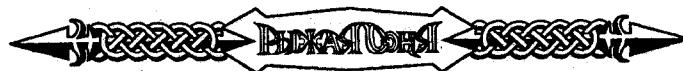
— Понимаешь, они ослабили цепь, а потом, когда перетаскивали меня нынче утром, затянули снова. Проклятие! Как плотно!..

— Осторожней! — предупредил Десмос. — Они встают. Спокойно, Соня!

Пленники внимательно следили за разбойниками. Первым с обнаженным мечом в руках поднялся Урдус — гигант возвышался над сидящими товарищами, словно башня. Он поиском глазами Отоса и жестом подозревал его.

Оглянувшись на своих людей, тот поднялся и сделал несколько шагов по направлению к вожаку.

— Подойди ближе.



— Я не доверяю тебе, — отозвался Отос.

— Мы хотим потолковать с тобой.

— Ну так говори!

— Ладно, — пожал плечами Урдус. — Можете уходить, я вас не держу. Идите своим путем — и ты, и твои люди.

— Чтобы получить стрелу промеж лопаток, как Атхари?

— Нет! — помотал головой вожак. — Нет. Ты помогал нам освободиться и потому имеешь право оставаться в живых. Но доверять тебе я больше не могу — особенно в бою. Так что уходите.

Отос колебался, обдумывая ситуацию, потом сказал:

— Мы хотим забрать с собой четверых пленников.

Урдус помрачнел и взглянул на своих соратников. Большинство отрицательно покачали головами, кое-кто презрительно сплюнул. Гигант повернулся к Отосу.

— Мой ответ — нет.

— Не хочешь поделиться? — рассердился тот. — Но аргосцы зарубят нас, если найдут.

— Ну и что из того?

— А нам пленники нужны в качестве выкупа, — начал было Отос.

— Да, они — выкуп, но не для вас, а для нас, — спокойно ответил вожак.

— Тогда — хоть одного. Эту рыжую, например.

— Уходи, — снова покачал головой Урдус. — Убрайтесь отсюда! И поживее!

\*\*\*

Отказываться от укоренившихся привычек всегда трудно. Еще перед тем как отправиться на Ос-Льерро, Атхари постепенно отдалился от всего, присущего людям, отвык от естественных для человека поступков. За годы обучения магическим искусствам он почти забыл, что существует иной, реальный мир, разучился вести себя в нем. Вот и сейчас — даже легкое прикосновение женщины шемит воспринимал почти как злонамеренное покушение на свою жизнь.

Однако пребывание среди преступников мало-помалу изменило колдуна, в нем возродились угасшие было чувства, он вновь обрел способность ощущать гнев или страх, снова испытывал жажду женской любви.

И ненавидел себя за это.

В пограничных областях оккультных миров человеческие чувства растворялись в беспредельности вселенной. Человеческая душа оказывалась ничтожной пылинкой, вовлеченной в водоворот безмерного океана, который медленно раскачивался в вечных приливах и отливах времени, и душа отбрасывалась на холодный мертвый берег, бесконечно простиравшийся в землях волшебства, землях белого ужаса, несравненно более обширных и ярких, чем теплый, человеческий мир плоти.

Но как объяснить это Алейле? Да и зачем?

Ее грубая чувственность, чисто человеческое понимание мира и эгоизм ничего не значили для Атхари. Но она хотела избежать страданий, ради

чего примкнула к нему, и — в свою очередь — не желала, чтобы страдал Атхари. Всякая зависимость жестока, но кто в этом виноват?

Разве он сам не зависел от своей ненависти к Урдусу? Разве не зависел от неутолимой жажды крови? От своего страшного и таинственного хозяина — Ордру, которому продал душу за возможность возвыситься?

Шемит отвернулся от мира людей, полностью отстранился от всего человеческого, и это отчуждение было куда более опустошительным, чем враждебность разбойников.

Пока колдун, лежа ничком на берегу озера, размышлял обо всем этом, Алейла послушно выполняла его указания, всеми силами стремясь облегчить его муки. Она окунула в воду широкие листья какого-то растения, показанного ей Атхари, а затем протерла ими рану. Прямо под ее пальцами листья начали выделять желтоватую жидкость, которая окрасилась затем в розовый цвет, смешавшись с кровью мага. На глазах ошеломленной Алейлы эта жидкость принялась творить чудо: она проникала вглубь страшной раны, оставленной стрелой, и по мере того как женщина натирала спину чародея все новыми и новыми листьями, боль слабела, рана затягивалась и, наконец на коже не осталось намека на шрам. Алейла остановилась — пораженная и даже немного испуганная.

— Продолжай, — приказал Атхари, — рана еще не зажила.

— Но что это за листья? Залечить такую рану...

— Дело не в листьях,— не сразу ответил шемит.— Дело во мне самом. Я заключил союз с могущественным демоном, и он наделил меня жизненной силой, неведомой простым смертным.

От этих слов по телу женщины пробежал холодок.

— Не понимаю,— шепотом отозвалась она.

— Разумеется,— усмехнулся маг.— Глупая деревенская ведьмочка.— Он вдруг приподнял голову.— Слушай!

— Что такое? — Алейла отодвинулась.— Я ничего не слышу.— Но уже миг спустя воскликнула: — О Митра! Это Урдус?

— Оставайся здесь.

Шемит отвел руку Алейлы, встал и поспешно скрылся в лесу. Через несколько мгновений женщина осталась один на один со своими страхами, и эти страхи не мог заглушить даже грохот водопада. Однако живое воображение Алейлы еще не успело выпестовать из страхов всеобъемлющего ужаса, как Атхари вернулся.

— Что это было?

— Отос и его люди. Очевидно, они убежали, или же Урдус и его шайка прогнали их.

— Но почему?

— По той же причине, по какой он изгнал нас с тобой. Хочет, чтобы рядом остались лишь те, кому он доверяет. Но я ощущаю присутствие в лесу и других людей. Это аргосцы.

Внезапно тишину разорвали громкие крики — отражаясь многократным эхом, они пролетели

над верхушками деревьев и замерли вдали, но вскоре повторились.

— Митра! — ахнула Алейла, заламывая руки.

— Аргосцы! — мрачно усмехнулся Атхари.— Они атаковали воинство Урдуса.

— О боги!

— Пошли.— Атхари протянул женщине руку.

— Ты хочешь вернуться туда?

— Я получу эти жертвы. Получу кровь, столь необходимую мне для работы с глиной. Но не допущу, чтобы Урдуса убили!

Непреодолимый страх, внушаемый колдуном, едва не пересилил зависимость Алейлы от шемита. Она отшатнулась, словно порываясь бежать, но глаза Атхари, излучавшие ослепительный свет, заставили женщину опустить голову, взять протянутую руку и покорно последовать за ним.

\* \* \*

— О боги! — шепотом ругался Тобис, высматривая что-то меж деревьев, служивших прикрытием для его воинов.— Я вижу и разбойников, и заложников!

— Сотник! — не удержался от удивленного восклицания Нотос.

— Прокляни тебя Митра! — прошипел Тобис.— Они же могут услышать! Иди, поторопи людей. Мы должны атаковать!

А там, впереди, широко расставив ноги, стоял Урдус. Услышав неясный шум, он воздел меч:

— К оружию!



Не зная, что сказать, но, осознавая необходимость как-то воодушевить свой отряд, полусотник Тобис выкрикнул первое, что пришло в голову:

— За Аргос!

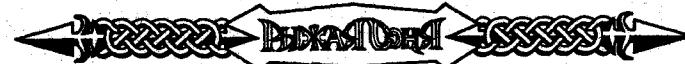
У людей Урдуса подкосились ноги: на них на-двигался строй вооруженных воинов, цепью наступавших с северной стороны плато.

— Вперед, на врага! — прокричал Урдус.

Воздух сотрясался боевыми кличами. Соня дернулась, напружили руки и ноги. Ей не терпелось освободиться — поскорее, прямо сейчас!

Отряды столкнулись. Впереди всех, сжимая в руках мечи, бежали навстречу друг другу Урдус и Тобис; сталь ударила о сталь, взметнув фейерверк ярких искр. За спиной полусотника из леса выходили все новые и новые шеренги аргосцев. Урдус поразился, сколько же воинов пряталось там! Разбойники смело встретили их с оружием в руках, звон мечей слился с воинственными криками и ругательствами, зазвучала яростная музика боя.

Грозно вращая своим огромным мечом, Урдус начал оттеснять полусотника. Бой стал расстекаться по всему склону и распадаться на отдельные схватки: вот двое, поднявшись на валуны, дерутся, как на поединке; в другом месте два аргосца пополам разрубили разбойника, пытавшегося спрятаться за деревом; один из воинов Тобиса споткнулся о корень и упал — ему отсекли голову.



— Пес поганый! — ревел гигант, наступая на Тобиса.— Лучше отзови своих людей, иначе мы перебьем всех пленных!

Вместо ответа полусотник с еще большей ожесточенностью набросился на Урдуса, возглашая свое:

— За Аргос!

Урдус выругался, еле увернувшись от выпада, направленного в живот. Рыча от злости, он снова и снова бросался в бой. И, наконец, изловчившись, обрушил на Тобиса такой удар, что полусотника спасла лишь выработанная долгими тренировками реакция. Отвести своим клинком меч противника Тобис не смог, но все-таки он заставил его чуть-чуть повернуться, отчего шлем оказался не разрублен, а лишь промят. Тем не менее Тобиса оглушило, и он рухнул наземь.

— Вот так! — торжествующе заорал Урдус, воодушевляя соратников.— Режьте их! Убивайте! Вспарывайте животы!

Он выбрался из самой гущи боя, ненадолго присоединился к товарищам, сражавшимся на фланге, потом подбежал к пленникам. Соня заметила, что глаза вожака горят азартом боя, а рыжая борода в пене.

— Я поклялся: свобода для нас или смерть для вас! — провозгласил Урдус, воздев меч.— И теперь, во имя боевого топора Имира, вы умрете!

Клинок Урдуса описал длинную красную дугу, и голова черноволосого молодого аргосца, пролетев несколько шагов, упала на землю. Обезглавленное тело повалилось набок, обдав кровью стол-

явших рядом. Остальные пленники отчаянными усилиями пытались сбросить путы.

— Трус! — выкрикнул человек, сидевший рядом с убитым. — Тупоголовый мясник! Дай мне меч, и я...

Меч Урдуса снова опустился, и голос смолк.

Соня вдруг почувствовала, что звено цепи поддается — еще усилие, и она будет свободна!

Урдус продолжал свое кровавое дело, с размаху всадив меч в грудь следующего пленника.

Хубартис ругался и сыпал проклятиями, не умолкая.

Но воительница была уже на свободе. Не тратя времени, она метнулась туда, где давно уже за-приметила меч, но, едва успев схватить его, тут же упала: онемевшие за время плена ноги отказались ей служить.

— Соня! Сзади! — предостерегающе крикнул Хубартис.

Однако девушка поднялась на колени и сама заметила опасность, исходившую вовсе не от вернувшегося в бой Урдуса — к ней подбирался один из его псов. При виде чудесным образом освободившейся пленницы он чуть замешкался от неожиданности, и Соня, сидя на корточках, отбила своим клинком его меч и ударила — прямо в сердце. Разбойник завалился набок.

Воительница, преодолев минутную слабость, кинулась к остальным пленникам.

Тем временем сражение переместилось ближе к лагерю. Аргосцы теснили разбойников, и те были слишком озабочены спасением собственных

жизней, чтобы обращать внимание на Соню. Крики, стоны, ругань, лязг мечей, вопли умирающих. Девушка видела, как один за другим упали бездыханными трое из отряда Тобиса.

— Скорей! — взмолился Хубартис.

Соня быстро перерезала веревку, которой был связан сотник, потом начала разгибать мечом звенья цепи.

— Быстрей! — торопил Десмос. — Увидят ведь!

Но разбойники слишком увлеклись сражением и совсем забыли о пленниках, а Соня продолжала вызволять их. Вот уже и Хубартис на свободе. Он вскочил, бросился к груде оружия, выбрал меч.

Рядом раздался громкий вопль: один из разбойников убил аргосца и теперь направлялся к Соне. Она только-только успела разорвать цепь на кандалах Десмоса и теперь повернулась, готовясь к нападению.

Девушка дралась, словно бешеная тигрица: за два дня вынужденного безделья силы ее удешевились, а ненависть переполнила душу. Воительница ударила разбойника мечом по голове, стальное лезвие скользнуло по костям, пират упал, обливаясь кровью, и умер, даже не успев закричать.

За это время Десмос сумел освободиться. Не раздумывая, он подполз и схватил первый попавшийся меч, в котором сразу узнал Сонино оружие. Он окликнул девушку.

Та, поняв, кивнула, и Десмос бросил воительнице ее меч, а она — тот, которым сражалась

сама. Так обмениваться клинками аргосец научился еще в юности, когда занимался фехтованием.

В этот миг к нему вернулись былые навыки. Десмос схватил оружие. Соня хотела было рвануться вперед, но судья опередил ее, и девушка не стала мешать.

— Бетос! — выкрикнул вельможа.

Брат Десмоса обрушил клинок на голову одного из аргосских воинов.

— Эй, Бетос! Обернись ко мне!

Кривая усмешка появилась на запятнанном кровью лице разбойника. Он взмахнул мечом и бросился на брата. Тем временем Соня лихорадочно принялась освобождать пленников, вручая каждому меч.

— Давай лучше в бой! — сказал один из них. — А я пока освобожу остальных! Ну же, вперед!

Соня кивнула, повернулась и увидела, что Урдус дерется с успевшим прийти в себя полусотником. Воительница бросилась к ним.

\* \* \*

Скрытые зарослями, Атхари и Алейла сидели на берегу озерца и наблюдали за ходом сражения.

— Не двигайся, — пробормотал шемит, — и молчи.

Женщина не на шутку испугалась. Кодун глубоко задумался, ушел в себя, и она не решалась потревожить его.

— Нет, Урдус, ты не умрешь! — Слова мага, смотревшего на гигантскую фигуру вожака, сра-

жающегогося в самой гуще побоища, прозвучали как заклинание. — Нет, не сейчас, ибо я, только я, буду твоим палачом! Удар меча не убьет тебя, Урдус! Я сохранию тебя для казни, для моей мучительной и страшной магии!

Атхари снова сосредоточился. Теперь гигант сражался с полусотником и подоспевшей Соней — меч его мелькал с поразительной ловкостью. Но безупречно точные движения девушки отражали каждый удар, любой выпад.

Сражение постепенно затихало. Одни бунтовщики бежали с поля боя, по пятам преследуемые аргосцами. Другие бросились под прикрытие скал, к южной стороне утеса — как раз туда, где спрятались колдун с Алейлой. Они ворвались в заросли, круша все на пути. Отряд Тобиса — за ними. Сперва слышались удары мечей, потом — вопли и стоны раненых, которые обрывались, когда аргосцы добивали очередного беглеца. Воины теснили разбойников к ручью; падая под ударами, те валились в воду, и трупы несло к водопаду.

Вожак сумел освободиться в последний момент — его меч легко ранил Тобиса и отвел удар Сони. Полусотник столкнулся с девушкой, и этого мгновения Урдусу хватило, чтобы выскользнуть на свободу.

— Все в лес! — крикнул он.

В живых осталось не больше двух дюжин. По одному, по двое разбойники прорывались сквозь щепь аргосцев и уходили за вожаком в лес. Преследовать их Тобис не разрешил.

— Пусть уходят! — крикнул он.— Выследим потом. Через день сюда прибудут подкрепления и хорошенько все прочешут! Ни один не уйдет от расплаты!

Он переключил внимание на пленников. Из них уцелели сотник Хубартис, судья Десмос, Соня и еще шестеро.

Те, из отряда Тобиса, кто поначалу бросились следом за беглецами, вернулись обратно, вытирая на ходу окровавленные клинки. Все были измучены до предела. Они уселись на землю, стараясь устроиться подальше от изувеченных трупов, над которыми уже роились мухи.

— Вот вы, трое, оттащите трупы к водопаду и сбросьте в поток,— распорядился полусотник.— Слава богам, воды здесь хватает.— Он повернулся к Хубартису.— Вверх по течению вода прозрачная и свежая, но если эти псы захотят освежиться, пусть лакают внизу кровавое месиво.

Десмос тяжело опустился на бревно. Он был ранен в правый бок, но и сам нанес брату удар по лицу. Бетос вместе с остальными скрылся в лесу.

— Отлично сражался,— похвалила Соня, усаживаясь рядом; она потянулась к фляге с водой, предложенной одним из аргосцев.

Десмос ничего не ответил.

После того как трупы разбойников побросали в ручей, полусотник приказал заняться ранеными. Когда были перевязаны раны Хубартиса, командиры принялись обсуждать положение. Сотник по-военному четко изложил все, что произошло с момента отплытия из крепости.

— К этому времени Лобор уже должен был подойти к берегу,— предположил Тобис.— Уверен, мы увидим его паруса сегодня, в крайнем случае — завтра утром. Но нужно ли нам подкрепление? Мы выследили разбойников, крепко их проручили, и пока они слоняются близ берега, прикончить их удастся без особого труда.

— Конечно,— согласился Хубартис.— Хватит нянчиться с ними. Эти псы недостойны топтать землю. Смерть им!

— Верно, сотник. Перевешаем ублюдков на деревьях! Клянусь Митрой, как мы тревожились за всех вас! Думали, никого не найдем в живых...

— Все обошлось, разрази меня гром! Мы уцелели! Чего не скажешь о тех шакалах, за спиной! — И он весело рассмеялся.

А Тобис по совершенно непонятной причине вдруг подумал о своей жене. Нет, он не погиб от рук Урдуса, но ведь гигант еще бродит на свободе.

\* \* \*

Двигаясь быстро и бесшумно, колдун с Алейлой обогнули утес и зашагали к пещере — одному из глаз Черепа.

— Ты не боишься? — спросила Алейла.

— Кого, аргосцев? — Шемит покачал головой.— Они мне безразличны. Мне нужен только Урдус и рыжеволосая воительница, осененная Огненной Тенью.

Они с аргосским графом намеренно заманили ее на Ос-Льерро — Атхари нужна была ее кровь. Магическим путем он заранее отыскал эту жен-

щину, ибо почувствовал скрытую в ней огромную силу духа, какой хватило бы на дюжину обычных человек, и, отбывая на Остров Заключенных, просил своего покровителя любым путем отправить воительницу за ним следом. Тогда он еще не мог предположить, что добудет достаточно крови и душ погибших, чтобы закончить свое творение и освободить демона. Теперь он мог и не убивать Соню. И без того смертей было немало, а скоро будет еще больше. Однако он чуял опасность, таящуюся в этой неукротимой воительнице. Она могла помешать ему. А значит, участь ее была предрешена...

Маг с Алейлой двинулись дальше и вскоре вышли к озерцу. Стоя на берегу, они наблюдали, как плавают на поверхности тела — и разбойников, и аргосцев. Они то останавливались, зацепившись за корягу или наткнувшись на камень, то уходили под воду, то выныривали вновь. Из ран струилась кровь. Некоторые мертвецы смотрели в небо невидящими глазами, на их лицах застыло выражение невыносимого страдания. Однако ни безоблачное небо, ни густой лес, ни отражение солнца на воде — ничто не давало ответа на их немую мольбу.

Маг засмеялся. Алейла вздрогнула от странного лающего смеха. Даже Соня, сотник и Десмос услышали на плато его дальний отзвук. Атхари смеялся — зло, жестоко, словно демон, довольный тем, как воплотился в реальность его замысел.

Когда смех колдуна перешел в гулкий, высокий вой, Алейла отшатнулась от него. Запроки-

нув голову, шемит выл, брызгая слюной. Солнечные лучи падали на его загорелое лицо.

Алейле чуть не стало дурно. Ей пришла на память старая аргосская пословица: «Когда смеется преисподняя — даже боги трясутся от страха»...

\* \* \*

Наступили сумерки.

В лесной чаще шемит скользил между деревьями, словно хищник, высматривающий добычу. Его фигуру высвечивали луна и полуночные звезды, вокруг витал аромат увядающих цветов.

Алейлу он оставил в пещере. Женщина протестовала, но вскоре ей надоело ругаться и кричать. Атхари же говорил с ней убедительно, даже утешал и успокаивал, как только мог. Использовал он и магические приемы.

Кончилось тем, что женщина осталась. Колдун запер вход в пещеру невидимым замком и ушел.

Теперь он пробирался через лес, направляясь к брошенной у берега аргосской галее.

Там расположились Отос и горстка его сторонников. Уйдя из отряда Урдуза, они вернулись сюда и до конца дня пытались починить разбитый корабль. Сделать это оказалось почти невозможно: мачты были сломаны, паруса порваны, снастей недоставало, в корпусе зияли пробоины, лодки пропали неизвестно куда. Проще было сжечь эти останки, чем пытаться восстановить их. Но Отос был убежден: единственный шанс на

спасение — поставить на воду галею и как можно скорее уплыть прочь.

Солнце закатилось за горизонт, свет угас, но люди Отоса продолжали работать. Один из них принялся жаловаться, что не может больше работать без отдыха, отошел в сторонку, прилег на палубе и вскоре заснул. Отос осыпал его проклятиями. Однако вскоре отказался работать еще один, потом сразу двое.

— Тогда уходите отсюда, и чтобы я вас больше не видел! — заорал разбойник. — Но если Урдус или аргосцы нападут, то винить будете самих себя!

— Пока что мы никого не видели, — огрызнулся один из разбойников. — Клянусь Митрой, если мы не отдохнем хоть немного, нам не удастся ни починить корабль, ни отразить нападение. Дай нам хотя бы перевести дух.

Все, кроме Отоса, улеглись. Он же привалился к штурвалу и уставился в темные волны, освещаемые лунным сиянием.

И никто не услышал приближения Атхари, который тихо погрузился по плечи в воду. Никто не уловил присутствия колдуна, когда он вошел в узенькую протоку, отделявшую корабль от берега. Никто не пошевелился, не окликнул, никто даже не перестал храпеть, когда маг приблизился к борту и скользнул через планшир. Никто из усталых разбойников не проснулся, когда колдун бесшумно, словно насекомое, прополз на носовую палубу и осмотрел серебрящийся в лунном свете палубный настил.

Подул легкий ветерок. Мелкие волны тихо плескали в борта. Чуть постанивали на ветру снасти, поскрипывали доски обшивки, а ветер чуть раскачивал галею.

Лунный свет угас, когда темные тучи заслонили белый диск ночного светила. Море погрузилось во тьму, покернели и берег, и лес.

Бесшумным призраком Атхари прошел по кораблю; ноги его едва касались палубы.

Один из разбойников спал, растянувшись у основания трапа, спал, изнуренный трудным днем и тяжелой работой.

Он забыл и о жестоком сражении, и о планах побега. Тень Атхари скользнула по его лицу, но он не шевельнулся. Ему снились звезды, чьи-то освещенные неземным сиянием лица и прекрасные цветы. Чары Атхари повергли его в еще более глубокий сон.

Тень колдуна переместилась в сторону. Он наклонился и задержал дыхание, чтобы не потревожить спящего.

Словно клещи, руки мага вцепились в лицо воина: большой палец уперся в щеку, остальные охватили лоб, глаза и губы. Атхари дернулся.

Спящий содрогнулся, тело его обмякло. Он не издал ни стона, ни хрипа. Желтые глаза чародея загорелись ярче прежнего. Вокруг ладони шемита возникло красноватое свечение, взвилось облачко кроваво-алого тумана. Мертвец на глазах бледнел, пока не стал совсем белым. Когда красное облачко всосалось полностью, колдун поднял руку и двинулся дальше.

На средней палубе спало два человека. Тень Атхари переместилась на них, он прижал руки к следующему лицу.

Отос спал, тяжело навалившись на штурвал. Он все-таки уснул против своей воли и не слышал, как Атхари приблизился к нему, но луна наконец выскользнула из-под темных туч, и тень шемита упала на ярко освещенную палубу. Отос ощутил это, резко очнулся от сна и обернулся.

Он увидел фосфоресцирующие глаза на похожем на маску лице.

— Атхари!

— Отос! — Голос шемита был тихим, он почти шептал.

— Что ты здесь делаешь? Зачем ты?..

Отос отпрянул и выхватил меч. Он сделал выпад.

Но свечение глаз колдуна сыграло над ним злую шутку. Меч прошел мимо.

Атхари схватил Отоса за запястье, разбойник почувствовал сверхъестественный холод, рука сразу онемела и повисла как плеть, меч выпал из нее.

Другой рукой Атхари схватил Отоса за лицо, удерживал так одно мгновение, потом начал выкачивать кровь. Послышался сосущий звук, легкое шипение, появилось облачко алого тумана. Отос попытался было закричать, но красная тьма окутала его.

Колдун исчез.

\* \* \*

Когда рано утром на следующий день Лобор и его люди причалили к берегу на галеасе «Харсбул», они первым делом решили осмотреть поврежденный корабль.

Осмотр проводил молодой человек, помощник капитана. Он первым испытал тот ужас, который позднее охватил всех при виде семи обескровленных трупов на палубе.

— Упыри! — прошептал он сквозь зубы. По его телу прошел холод, на лице и руках выступил холодный пот.— Упыри!

\* \* \*

— Должно быть, это Лобор,— согласился Хубартис, занявший наблюдательную площадку на верхушке высокого дерева, возвышавшегося над плато.— Корабль точно аргосский. Трудно рассмотреть хорошенко из-за проклятых веток...

Он спустился, обдирая коленки о шершавый ствол.

— Если Урдус и его присные видели судно, они разбегутся по всему острову.

— Надо бы поскорее выследить их,— предложил Тобис.

Хубартис кивнул.

— Лучше нам разделиться,— приказал он.— Тобис, возьми половину людей и веди их в южном направлении. Как можно быстрее. Держись берега. Если нарветесь на разбойников, пусти в небо горящую стрелу.

— Но так мы себя выдадим!

— Сейчас это уже не имеет значения. Они и без того знают, что мы здесь. Возможно, знают, что-то про Лобора. Мы изловим их так или иначе. Сейчас главное — действовать быстро. И внимательно посматривайте по сторонам: они могут выставить дозорных по всему лесу.

— Да, сотник.

Тобис махнул своим воинам, они построились и двинулись в лес. Когда отряд скрылся в чащбе, Хубартис взял лук у одного из стрелков, поджег наконечник дымовой стрелы и пустил ее в небо, затем вернул оружие хозяину и стал ждать.

Вскоре в небе появилась другая стрела. Она пролетела широкой дугой над гладью океана.

— Все в порядке, — кивнул Хубартис. — Пора двигаться. Лобор знает, что это мы.

\* \* \*

— Горящая стрела, — проговорил Бетос, глядя на дымный след в небе.

— Еще одна, — недовольно добавил другой разбойник. — Нам надо побыстрее уходить в глубь Острова, Урдус.

Но главарь не обратил внимания на его слова. Он сел на бревно, уперев локти в колени, и стал думать. Разбойники в нерешительности застыли рядом. Будут они сражаться вместе или разберутся и станут ловить удачу в лесу? Как знать? Может, попробовать уплыть на поврежденном корабле? Нет, уже слишком поздно.

— Имир! — Урдус вытер пот с лица и пожаловался.

Из глубины леса неожиданно подул прохладный ветер, вдалеке громыхнул гром. Буря. На руку им эта непогода или во вред? Резкое изменение погоды показалось вожаку странным, даже противоестественным. Лицо и ладони вновь стали влажными от пота.

К нему приблизился Бетос.

— Урдус, что с тобой?

Тот поднял широко открытые глаза. Губы его пересохли.

— До чего же ты бледный! — Бетос прижал ладонь ко лбу главаря. — Весь горишь.

Но гигант только выругался и оттолкнул приятеля. Тот поглядел на остальных. Один из разбойников участливо спросил:

— У тебя что, лихорадка, Урдус?

Вожак заворчал и встал во весь рост. Он действительно сильно побледнел, его била дрожь.

— Пойдем дальше, — объявил он. — Будем держаться вместе. Вы двое, — указал он, — внимательно глядите по сторонам. Держите луки наготове. Пойдем вдоль берега.

— Вдоль берега?

— Вот именно! — громко сказал Урдус. — Это наш единственный шанс. Иначе придется сидеть здесь до тех пор, пока они не выловят нас. Мы будем держаться берега и выйдем кружным путем. Еще остается надежда разжиться лодкой после того, как стемнеет. Действовать будем осторожно. Они ничего и не заметят.

Его товарищи согласно кивнули.

— Ладно, пойдем, — тихо проговорил Бетос.

— Вот и хорошо, в путь!

Главарь повернулся и зашагал на север, все больше углубляясь в лес. Снова послышался раскат грома, по-прежнему вдалеке, но уже чуть ближе к ним.

В хвосте отряда Урдуса брел Бетос с несколькими приятелями, они многозначительно переглядывались и шепотом передавали одно пугающее слово: «Лихорадка».

\* \* \*

С наступлением утра пошел дождь.

Началась буря. Дождь, похоже, зарядил на весь день.

Атхари сидел у входа в пещеру и вглядывался в туман. Рядом устроилась Алейла. Она ждала, что будет дальше.

— Сейчас начнем,— объявил шемит.— От дождя земля размокнет, и работать станет легко. Ты поможешь мне.

— В колдовстве?

Атхари кивнул. Он встал, посматривая на дождь и прислушиваясь к отдаленному грому, поглядел на вспышки молний за верхушками деревьев. Алейла поднялась на ноги, подошла к колдуну сзади, обняла его за плечи. Маг не отстранился.

— Не скажешь, что это за лепка из глины?

Колдун обернулся, и женщина убрала руки.

— Пошли,— сказал он.

Он повел женщину в глубь пещеры, которая расширялась, образуя просторное помещение. У одной стены лежала шкатулка колдуна и боль-

шая груда глины и земли. Атхари наклонился и начал укладывать глину на полу пещеры. Он распределил комья глины, где-то добавил, где-то поправил ровнее, выложил края.

Алейла опустилась на колени, чтобы помочь ему, но маг отоспал ее:

— Я сам все сделаю, а ты пойди и принеси мне сырой земли.

Женщина встала, не отрывая взгляда от груды грязи на полу, отступила на шаг. Только сейчас она заметила, что Атхари выложил из глины нечто напоминающее человека, только очень большого.

— Так это оно и есть?

Маг вытер пот со лба, добавил немного глины.

— Ты когда-нибудь слышала про Офалуса?

Алейла сосредоточенно наморщила лоб, стараясь вспомнить.

— Ну, есть такая легенда...

— Нет, это не легенда. Колдовское существо.— Атхари улыбнулся, продолжая лепить.— Существо, сделанное из глины и одушевленное магией. Его зовут Офалус.— Атхари произнес это имя с удовольствием.— Колдуны в древности умели создавать Офалусов, когда в них возникала потребность. Офалусы были для них слугами, телохранителями, простыми воинами. Это старинное искусство не было утрачено. И теперь я использую это умение для служения своему хозяину.— Атхари встал, вытер испачканные руки.— Офалус должен иметь душу, чтобы ожить,— продолжал он.— Это может быть душа обычного человека. В пре-

жние времена для этого использовали пленников или рабов. Но я задумал нечто иное. Когда тело будет полностью готово, мой демон-покровитель zajмет его. Тогда древнее проклятие утратит над ним силу, и он может пересечь воду и вырваться с Острова. Это я дам ему свободу! А в обмен...— Колдун запнулся и зло покосился на женщину, словно опасаясь, что сказал слишком многое, однако она, по своему обыкновению, едва слушала его, поглощенная своими мыслями.

Неподалеку сверкнула молния, прогремел гром.

— Принеси еще глины и земли! — скомандовал он.— И как можно больше! Это будет величайший из когда-либо сотворенных Офалусов!

Алейла подошла к выходу из пещеры и выглянула наружу. Все вокруг стало серым, дождь не прекращался. Солнца совсем не было видно, в небе висели тяжелые темные тучи.

— Иди же!

Женщина ступила на мягкую мокрую землю на берегу ручья. Ее босые ноги по щиколотку утопали в грязи. Она сняла платье и осталась нагишом, с удовольствием подставив голое тело струям теплого дождя и легкого ветерка.

Она начала копать, набирая в расстеленные одежды комья глины и мокрой земли, которая пузырилась, сочилась влагой и дрожала, точно живая. Алейла поднесла комок к лицу, понюхала, лизнула кончиком языка. Земля была сладкой на вкус. Женщина размазала землю по своей груди, чтобы испытать ее ласковое прикосновение, на-

клонилась вперед, упираясь в нее коленями и бедрами. Земля казалась женщине возлюбленным, нежно обнимающим ее.

Потом Алейла откинула голову назад, подставляя лицо дождю, и легла на мокрую землю. Она смеялась, ерзала, широко раздвинув ноги, полностью отдаваясь сладостным объятиям. Наконец, она вжалась в теплую, влажную землю и замерла от счастья.

Снова громыхнул гром, вспыхнула молния. Алейла рассмеялась.

Она услышала, как Атхари звал ее из пещеры. Его голос был хриплым и еле слышен за раскатами и шумом дождя.

Ведьма снова засмеялась, позабыв обо всем.

\* \* \*

— Странная ты женщина,— сказал Хубартис Соне, когда они пробирались по мокрому лесу к берегу.— Никак в толк не возьму, каким ветром тебя занесло сюда.

— Ничего странного нет, я всего лишь наемница. Мне заплатили, чтобы отправиться на этот Остров — и вот я здесь. Хотя, по правде, у меня и в мыслях не было, что все так обернется.

— Что ты хочешь сказать?

— Человек, который меня нанял, заявил, будто хочет помочь своему приятелю-магу. Якобы тот поплыл на Ос-Льерро, чтобы раздобыть какую-то безделушку, и попал в беду. Однако до сих пор я видела здесь всего одного колдуна — этого трехлягшего шемита... Бр-р, как вспомню о нем, мороз

по коже!.. Вот уж кто явно в помощи не нуждался! Да я и пальцем не шевельнула бы ради него.

— Вот как? — Хубартис, воспитанный в лучших воинских традициях Аргоса, никогда не понимал наемников. А уж таких, что сами позволяли себе решать, выполнять задание или нет, и подавно. Хотя, конечно, колдун этот и впрямь редкостная тварь. Словно и не человек вовсе! И все же... — И что же ты намерена делать теперь?

Они шагали впереди отряда. Десмос немного отстал. Он слышал, что они беседуют, хотя не разбирал слов, и при этом испытывал странную ревность. Он понимал, что ему никогда не покорить Соню. Но в то же время у него не проходило ощущение зависимости от нее. В этом было нечто болезненное. Стоило кому-то хоть ненадолго отнять у него Соню, Десмос не находил себе места.

«Но ведь я не свободен, я никогда и не был свободен, кто-то всегда стоял надо мной и руководил моими поступками. Всяческие дела, обстоятельства, безличные силы направляли мои действия, и если уходило одно, его место тут же занимало другое», — с тоской подумал вельможа.

Откуда ты пришла в этот мир, Соня? Кто ты, странная женщина с мечом в руке? Где научилась драться? Почему ты стала такой?

— Я пока не решила, — говорила тем временем Соня Хубартису. — Возможно, колдун обманул нас всех, включая своего покровителя. Но меня не оставляет чувство, что все это было задумано заранее, и меня заманили в ловушку. А этого я не прощу никому!

— Однако я не заметил, чтобы шемит особо интересовался тобой. Может, здесь какая-то ошибка? — рассудительно возразил сотник.

Девушка пожала плечами. Спорить бессмысленно, но про себя она уже решила, что вытрясет правду из графа Галиано — вместе с его жалкой продажной душонкой. Вот только вернуться бы скорее в Аргос!

Они вышли на берег неподалеку от «Харсбула» и разбитой галеи Хубартиса. Лобор со своими людьми радостно приветствовал их.

— Поднимайтесь в лодку, — пригласил аргосец. — Потом мы пересядем на «Харсбул», и там вы сможете обсохнуть, поесть горячего и перевязать раны.

Хубартис покачал головой.

— Только зря потеряем время.

— Я выслал лодки в обоих направлениях, — ответил Лобор. — Они отправят по два-три человека в лес и отыщут следы бежавших преступников. Не бойтесь, далеко им не уйти. Мы непременно их поймаем, клянусь Митрой! Даже не спорьте со мной. Поднимайтесь на борт хотя бы ненадолго!

Хубартис улыбнулся, его люди засмеялись. Соня и Десмос были очень довольны этим предложением.

Когда они забрались в ялик, Лобор заметил:

— Мы обнаружили тела на разбитом корабле.

— Трупы?

— Мертвцы без всяких следов ранений, совершенно обескровленные. Мои люди заговорили об упирях.

Хубартис покачал головой. Соня услышала их разговор и придвинулась ближе.

— Кажется, я их знаю, — заметила она. — Как выглядели эти трупы?

Лобор описал их, и догадка девушки подтвердилась: Отос и его шайка отщепенцев.

— Это работа Атхари, — нахмурилась воительница.

Мужчины удивленно посмотрели на нее.

— Это шемит. Колдун, — объяснила она Лобору. — Мы видели, как он наводит чары. Ему зачем-то нужна человеческая кровь.

— О, боги!

Соня невесело засмеялась. Да, поездка на Остлерро явно не грозила перерasti в увеселительную прогулку.

\* \* \*

Человек быстро продвигался по лесу, прокальзывал мимо преграждавших путь кустарников, перепрыгивал через толстые корни с ловкостью горного козла. Затененные чащи перемежались открытыми пространствами, ярко освещенными солнцем. Годы жизни на диком Острове, необходимость постоянно от кого-то прятаться, тайком охотиться выработали в нем навыки лесного зверя.

Приблизившись к лагерю Урдуса, он зачиркал как птица.

Гигант поднял руку, и его отряд остановился. Из-за куста выбежал воин и, задыхаясь, направился к вожаку.

— Аргосцы! — вскричал он. — Они вышли на наш след.

— Лучники, — обратился к своим людям Урдус, — каждый, имеющий лук, приготовиться! Поглезайте на деревья. Мы устроим им засаду. Никому не стрелять, пока не увидите их всех! Понятно?

Преступники кивнули.

— Тогда вперед!

Стрелки быстро, как белки, опираясь на ветви и используя веревочные узлы и лианы, взобрались на деревья. Урдус тоже залез на толстый дуб, но при этом он дважды сползнул вниз из-за головокружения. В ушах у него стоял звон, во рту пересохло. Он выругался, решив, что лихорадка, видимо, крепко скрутила его. Но потом отбросил эту неприятную мысль. Верно, его медлительность и потеря ориентации объясняется просто усталостью и голодом.

Или же это проделки колдуна.

То есть Атхари.

Кто знает, на какие злодеяния способен шемит?

Тяжело дыша, Урдус уселся на развилке широкой, длинной ветви. Он поудобнее поставил лук, приготовил стрелу и стал ждать.

\* \* \*

Полусотник Тобис услышал чириканье птицы еще издалека. Сначала он удивился. Ему много раз приходилось слышать птиц в этом лесу, так что странно, почему столь естественный звук привлек его внимание.

Но мысль о птицах в лесу породила воспоминания о Мессанитии, об отцовском поместье недалеко от города. Там они с женой не раз проводили прекрасные дни, еще до свадьбы.

Тобис снова выругался: что за напасть такая привела его в этот богами забытый лес!

Внезапно он подумал, что его люди что-то уж слишком расслабились и расшумелись.

Один начал посвистывать, другой громко расхоттался. Тобис сердито сжал губы и повернулся, чтобы отругать подчиненных.

Как вдруг зачирикала еще одна птичка.

Солнечные лучи были прямо в глаза, и в столбе света мелькнула тень. Тобис услыхал звук, и в этот момент ощутил резкий удар в спину. Опустив глаза, полусотник увидел, что из груди у него торчит наконечник стрелы.

Время текло невероятно медленно. Тобис заметил, как первые капли крови вытекли из раны и упали на мох под деревьями.

И вот тогда появилась боль.

Сперва тупая, ноющая, она разрасталась, быстро распространяясь по всему телу. Словно зверек, суетливо бегающий в поисках укрытия. Боль жгла огнем, перемещаясь от груди к голове и ногам. Она задержалась в легких, подползла к горлу, и Тобис закричал высоким, захлебывающимся голосом.

Его крик эхом разнесся по всему лесу. Полусотник слышал, как всполошились его товарищи, слышал свист стрел, которые обрушились на его отряд, слышал вопли раненых...

Тобис свалился лицом вперед. Откуда-то издалека донесся крик:

— Стрелу! Пустите стрелу!

«Да,— подумал аргосец, рассердившись, что не сделал это раньше.— Надо было прежде всего подать сигнал! И тогда бы Хубартис узнал, где мы!»

Но он не видел, как по небу широкой дугой пролетела стрела, выпущенная умирающим лучником. Он видел только небольшой кусочек земли и сухой лист с тремя каплями воды. Этот лист был так близко, что едва не касался зрачков Тобиса.

Но вот листок покернел. Две капли упали на землю. Воин больше не слышал щебетанья птиц. Он ощутил запах земли. Вновь вспомнилось отцовское поместье...

Тобис закашлялся, ему стало душно. Он увидел жену, отраженную в капле воды. Она улыбалась ему, как тогда, еще до свадьбы. Он снова почувствовал удушье, изо рта стала капать кровь, боль усилилась и душила его. Последняя капля воды потемнела, расплылась.

Тобис попытался пошевелиться — но не смог. Он застонал.

— Все в тумане.

Бледная и несчастная, жена оплакивала его.

— Все в тумане. Темно...

\* \* \*

Дымовая стрела взлетела над деревьями, скрывавшими Урдуза и его отряд, прочертив дугу на облачном небе, и кометой устремилась вниз, к земле.

Соня первой увидела сигнал.

— Заметь место,— крикнул Хубартис.

— Быстрее,— заторопил Лобор гребцов.— Поворачивайте, дети змеи, поворачивайте! Гребите быстрей!

Десмос взглянул на Соню, в его глазах светилось возбуждение. В этот миг аргосский вельможа совершенно забыл обо всех своих страхах и сомнениях. Все осталось в прошлом, ничто не имело значения, кроме грядущего боя и возможности отомстить!

Воительница, лучше чем кто бы то ни было понимавшая чувства, что владели сейчас ее спутником, кивнула. Ведь они вместе прошли и плен, и унижение в лапах разбойников, и страх. Товарищи гибли у них на глазах, но тогда они ничем не в силах были им помочь.

Теперь другое дело! Рука Сони крепче сжимала оружие, ей не терпелось броситься в гущу сражения.

И еще одна мысль не давала девушки покоя. Возможно, ей удастся отыскать этого проклятого богами шемитского мага, Атхари. Вот кому она с удовольствием задаст пару вопросов. До сих пор у Сони толком не было времени поразмыслить над поручением, данным ей в Мессантии графом Галиано, поручением, которое обернулось настоящей ловушкой... Но воительница дала себе зарок, что останется на Ос-Льерро, пока не получит ответа на все мучающие ее вопросы.

Даже если ради этого ей придется освежевать колдуна живьем. Она была на это готова!

\* \* \*

Наступил вечер.

Атхари закончил свой труд при свете факелов. Гигантская фигура, похожая на человека, лежала на полу пещеры. Огромная, наполовину вылепленная голова росла прямо от плеч без всякого намека на шею. Небольшие углубления только намечали глаза и рот: ведь Офалусу они вовсе не нужны.

По лицу мага градом катился пот. Он стоял над своим детищем, сушил глину, испуская пламя из ладоней, на его теле играли блики огня, словно отражения пламени преисподней.

Алейла лежала на подстилке из соломы. Она осталась обнаженной. Ее одежда, вымытая дождем, сохла на камнях, нагретых костром в глубине пещеры.

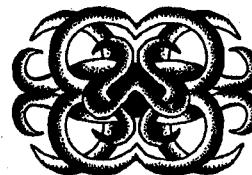
Она не издавала ни звука.

Атхари взглянул на Алейлу и оскалил зубы, ноздри колдуна раздувались. Женщина засмеялась и протянула к нему руки.

Колдун приблизился. Ведьма села и обняла его, Атхари ответил на эту ласку, поцеловав ее. От Алейлы пахло землей, как от Офалуса. Маг погладил женщину по волосам, она облизнула губы.

Затем откинулась, отдавая себя ласкам шемита. Тот целовал ей шею, глаза, наконец впился в губы. Его руки порывисто сжимали грудь Алейлы. Он целовал ей живот, волосы, и женщина с возбужденным смехом поднесла пальцы Атхари ко рту и с жадностью облизала их...

Офалус лежал рядом, занимая чуть ли не всю пещеру. Он еще не был оживлен. Под колеблющимся светом факелов, казалось, что внушительная масса чуть шевелится и подрагивает, как человек во сне.



**В**

аступила ночь. При свете шипящих факелов воины разглядывали плато. Трупы аргосцев были повсюду, и в теле каждого торчала смертоносная стрела. Жужжанье вездесущих насекомых перекрывало шум ветра, шуршащего в листве. Мошка уже вовсю облепила мертвцев, скапливаясь тучами на открытых ранах, в раскрытых ртах покойников.

— Это Урдус,— произнес Десмос негромко.

Никто не ответил ему. Соня выругалась, сжимая рукоять меча.

— Похороните их,— приказал Хубартис.— Прямо сейчас.

Аргосцы принялись копать землю. Хубартис приказал воинам убрать валуны и камни. Ночь, тяжелая, грязная, затянутая сырым туманом, казалась нескончаемой. С неба сыпался мелкий дождь, заливавший все вокруг, факелы то и дело с шипением гасли.



Десмос и Соня помогали копать могилы для погибших. Когда факелы почти погасли и вышла бледная, едва заметная луна, трупы Тобиса и его отряда лежали в земле. Их засыпали сверху камнями. Никаких помет на могилах делать не стали. Хубартис лично провел церемонию погребения по митрианскому обряду, ибо жреца с ними не было.

Сердце Десмоса разрывалось от противоречивых чувств: он жаждал крови, желал отомстить брату, и в то же время страдал от воспоминаний о произошедшей бойне. Как он мог воздавать хвалу Митре и всевидящим богам, когда его сердце сжигала черная жажда мести?

Дождь продолжал моросят, скалы и земля блестели от воды, под ногами хлюпала жидкая грязь.

— Мы знаем, что жизнь — это непрерывный бой,— торжественным тоном говорил между тем Хубартис.— Но мы также знаем, о Митра, что твой меч пронзил сердца этих людей и принес им спасение. Мир постоянно меняется: день — ночь и снова день, только лик Митры остается незыблем. Эти храбрые воины сменили дневную обитель на ночную и да пребудут навечно в бесконечной тьме. Отныне им суждено принадлежать Вечности. Отныне и во веки веков!

— Да пребудут они в Вечности во веки веков! — повторил нестройный хор.

— О, Боги, жизнь — нескончаемый бой, но сила человеческого духа преодолевает трепет смерти, срывает маску мрака с вечности, превращает страх в любовь. На этом стоит вера в Митру



Всевидящего, чей меч — это сердце мужа, чья сила — это преданность истинно верующего.

— Сила у того, кто верит!

— Отправляйтесь же с миром, павшие, и пусть души ваши вознесутся до небес. Раскройте глаза для лика Митры и тогда узрите то, что в один прекрасный день познаем мы все.

— Живите вовеки!..

Когда церемония закончилась, Хубартис сказал своим людям:

— Теперь поворачиваем и пойдем на север, там мы поймаем Урдуса и его поганых псов.

— Зачем? — возразил Десмос, покачав головой.— Они наверняка не пойдут в ту сторону, откуда ожидают нападения.

— Нет, на север,— настойчиво повторил Хубартис.— Смотрите сами.— Он поднял факел, сделал несколько шагов вперед и показал Десмосу едва заметные следы на влажной почве.— Судя по всему, они решили вернуться на вершину скалы, туда, где держали нас в заложниках. Возможно, Урдус надеется заманить нас в чащу, а затем обойти стороной и захватить лодку с поврежденного галеаса.

— Но не получится ли так, что наше приближение только отпугнет его и вынудит уйти вглубь острова? — предостерег Десмос.

— Я отвечаю за свои слова!

Эти доводы убедили не всех. Однако Соня поддержала сотника:

— Я согласна с Хубартисом. Нам нельзя терять время. Отряд Лобора может присмотреть за

поврежденным кораблем. Если Урдус снова сбежит в лес, мы скоро поймаем его. Но обходить нас он будет с единственной целью: завладеть галерой, уж поверьте мне! Он знает, что мы непременно поймаем его, если он останется на Ос-Льерро.

Предположение Сони казалось вполне логичным.

— Значит, пойдем обратно на север,— приказал Хубартис.— И держите щиты наготове. Вы заметили, откуда летели стрелы?

Соня кивнула и показала вверх. Десмос тоже поднял глаза.

— Вот именно, сверху,— обратился он к воинам отряда.— Урдус и его псы сидели на деревьях, когда Тобис с отрядом проходили под ветвями, поэтому они и попали в западню. Так что держите ухо востро!

Крепко запомнив слова сотника, аргосцы, усталые и испуганные, двинулись на северо-восток, по направлению к утесу, так зловеще напоминавшему череп. Многим из них это казалось дурным предзнаменованием...

\* \* \*

Урдус видел во сне, будто убегает от какого-то жуткого страшилища, вроде дракона, змея или гигантского питона. У змея были глаза шемитского колдуна, выпученные и немигающие. Гигант закричал от ужаса, обрушивая проклятия на Атхари. Змей неотвратимо преследовал вожака, шипел, раскрывая пасть, быстро скользил за ним по

пятам, сбивая по пути деревья, отшвыривая камни, за которыми пытался укрыться Урдус.

Тогда вожак вытащил меч, развернулся и встал на пути твари. Но когда он пронзил шкуру гигантского питона острым лезвием, ни крови, ни сукровицы не вытекло из раны, а появилось облако кроваво-красного тумана, которое змей собрал в шкатулку на спине. Две человеческие руки закрыли ларец...

— Ташите еще одежду,— велел Бетос. Кто-то из воинов снял с себя плащ и укутал Урдуса, трясущегося в лихорадке под грудой тряпья.

Бетос присел на корточки перед Урдусом и провел рукой по горячemu лицу вожака. Пальцы стали липкими от пота. Кто-то приблизился и спросил без обиняков:

— Он умирает?

— Не думаю.— Бетос вытер слону из уголков губ Урдуса.

— А пока мы торчим здесь, аргосцы идут по нашему следу.

— Говорю тебе — он останется жив!

— Но может и умреть.

Бетос встал, повернулся и, не сдерживая ярости, выкрикнул:

— Ты что, хочешь, чтобы мы оставили его здесь на поругание этим псам? Давай выясним, сколько еще человек согласны оставить Урдуса аргосцам?

— Мы могли бы убить его, чтобы избавить от страданий.

Рука Бетоса непроизвольно схватилась за меч.

— А я мог бы тебя самого убить, поганый пес! Как можно бросить вожака, который сражался за нашу свободу?!

— Мы не свободны, совсем не свободны. А ты просто болван, Бетос. Тряпка! Урдус первым посмеялся бы над тобой.

А сам Урдус пребывал все в том же сне. Он весь горел, змей, громко шипя и извиваясь, мчался за ним, раскрывал зубастую, пылающую пламенем пасть. Человек испуганно оглянулся, но увидел только жуткие глаза твари, неотрывно глядящие на него. У Урдуса перехватило дыхание. Огромные челюсти змея раскрылись и вожака охватило невыносимое зловоние; он побежал еще быстрее, но скрыться от чудовища оказалось невозможно: жуткие челюсти того и гляди грозили сомкнуться у него на горле. Гигант рванулся из последних сил, обернулся, выхватил меч, но за спиной не оказалось ничего, только страх, почти осязаемый, повисший в плотном воздухе, пропитанном липким, ядовитым зловонием, исходившим от мокрых листьев и мха.

Над узорчатыми кронами деревьев равнодушно светила луна.

— Успокаивается,—тихо проговорил Бетос.

Беглецы пошептались между собой.

— Положите его на носилки,—предложил кто-то.—Мы могли бы связать пару ветвей, натянуть на них свои плащи и нести Урдуса. Все же лучше двигаться, хотя бы и медленно, но уйти отсюда, а не ждать, пока аргосцы изловят нас и поотрубают головы.

Бетос обдумал это предложение. В это момент чья-то рука грубо схватила его за шею и пригнула вниз. Он отшвырнул нападавшего, встал и увидел дикие, напуганные глаза.

— Хочешь на свободу? — осклабился разбойник.—Или решил погибнуть в этом поганом лесу, как все остальные?

Луна сияла высоко в небе, ее свет пробивался сквозь густые заросли и освещал лица преступников. Бетос оглядел каждого.

— Ну?

— Мы согласны,—ответило сразу несколько голосов.

— Самое страшное позади.

— Если понесем Урдуса на носилках, ему хуже не станет.

— А мы уж сами о себе позаботимся.

Бетосу пришлось согласиться с вполне разумным решением отряда.

— Ладно, пусть будет по-вашему.

Преступники тяжко вздохнули. Некоторые стали нарезать ветки и собирать их в пучки, потом связали вместе свои туники и приладили их за рукава к шестам. На это сооружение поместили Урдуса, и четверо взялись нести носилки. Бетос шагал рядом и время от времени вытирал платком пот со лба вожака.

\* \* \*

Атхари молча стоял над могилой аргосцев, глаза его светились желтым огнем в темноте. Нет, смертным не укрыться от него; ни лесная чащоба,

ни горка земли не обманут колдуна, он чуял, что смерть где-то рядом.

Жизнь — совсем другое дело. Еще до того, как Атхари попал на Ос-Льерро, он знал, чувствовал, что человеческое постепенно уходит из него, и на его место постепенно приходит магия. Теперь жизнь показалась ему чуждой, отвратительной, любые ее наслаждения мыслились порочными и недостойными — даже радость от общения с женщиной. Порой он спохватывался и ему становилось страшно при мысли о том, во что превратился за эти дни, но спохватывался он все реже и реже...

Вот и сейчас, отбросив тревожные мысли, Атхари сел и раскрыл свою шкатулку. Внутри тускло светился красный туман.

— Я принесу тебе еще одну жертву, о могущественный Ордру, — пробормотал Атхари. — Еще немного кровавого снадобья... *Ниа ка нокомсис, ианту ретлаик...*

Красноватый туман, похожий на облачко огненных искр, засветился над влажной поверхностью земли, покрывавшей свежие могилы воинов. Огонь медленно разгорался.

— *Инту накара, нопис Ордру анока...*

Узкий язык пламени взметнулся вверх, раздвоился в воздухе и стал стекать в шкатулку колдуна в виде кроваво-красного тумана. Свечение усилилось, теперь шкатулка походила на жерло раскаленной печи. Когда последние нити красной паутины вытянулись из могилы, они ушли в ларец и свечение стало матовым, Атхари закрыл

шкатулку, и лес мгновенно стал еще чернее, чем прежде — точно внутри гробницы.

Но для Атхари все выглядело совсем иначе: его желтые глаза видели в темноте даже лучше, чем днем. Сунув кровавый ларец под мышку, он легко поднялся в воздух и полетел на север, к Черепу.

Маг медленно опустился возле узкого водопада и вошел в пещеру.

Алейла еще спала. Атхари остановился над ней, наклонился, потом слегка прижал ладонь к ее лицу.

Он едва касался ее, погружая в транс.

— Ты поможешь мне, Алейла, — прошептал колдун. — Пришло время оказать мне услугу. Офалус закончен, осталось только вдохнуть в него душу. Значит, моя месть близка к исполнению. Но ты должна помочь мне.

Будто в ответ на невысказанное пожелание Атхари, ко входу в пещеру подлетел воробышок, привлеченный первыми лучами рассвета. Он опустился на землю и запрыгал, наклонив головку набок, внимательно поглядывая на колдуна и на спящую женщину.

Атхари улыбнулся.

— Иди к птичке, — прошептал он Алейле. — Она поделится с тобой своей душой. Иди же к птичке.

Он сделал несколько пассов над погруженным в транс телом, словно собирая что-то в ладони, затем поднял правую руку к воробью и будто выпустил что-то из пальцев. Птичка зачирикала

и упала на землю, потом затрепетала крыльями и поднялась.

Атхари снова улыбнулся.

— Ты поняла меня, Алейла?

Воробей опять зачирикал, полетал по пещере и опустился на спящую женщину.

— Лети вперед, — велел ей Атхари. — Лети и найди Урдуса. Запомни, где он находится и возвращайся сюда. Потом все мне расскажешь. Я буду знать, где этот человек. Я должен быть готов к встречи с ним.

Воробей прочирикал что-то в ответ и вылетел из пещеры навстречу рассвету. Атхари подошел к выходу из пещеры; к тому времени, когда он поднял глаза, птица уже скрылась в лесной чаще.

\* \* \*

Первые лучи восходящего солнца упала на расположившийся на лесной опушке отряд аргосцев. Усталые воины спали, все, кроме часовых, пристально вглядывавшихся в предрассветную мглу, и Соня с Десмосом, устроившихся на поваленном стволе чуть поодаль от остальных.

Им не спалось. Только они двое, соединенные странной прихотью судьбы, помнили тот прекрасный солнечный день — боги, как давно это было! — добродушный смех капитана Тио, вельмож, прогуливавшихся по палубе корабля, разговоры, беззаботное веселье... Теперь все, кроме них двоих, были мертвы, их останки покоялись на дне моря. И кровь убитых вызывала к отмщению.

— Я должен убить его, — проговорил Десмос мрачно, после долгого молчания.

— Своего брата?

— Да. — Судья сжал руки и поднес к губам. — Знаешь, о чем я думаю? При дворе в Мессантии, на празднествах часто выступали сказители, пели древние баллады. Там говорилось о мести и долге, о смерти, чести и торжестве справедливости. Я никогда не принимал их всерьез, как и все остальные. Но, знаешь, в этих песнях — все правда. Только теперь я начал это понимать.

Десмос надолго замолчал, задумавшись.

— Ты заметила, Соня, как ненавидят нас эти преступники. Я видел это в их глазах! Но ведь именно я несу ответственность за их несчастную судьбу, за то, что обрек их влачить жалкое существование на Острове, словно диких зверей. Это безумие!

Девушка не отрывала взгляда от лица вельможи.

— Если я пройду через все это, — продолжал он, глядя как восходящее солнце желтым бутоном расцветает за пеленой моросящего дождя, — если пройду через это, то уже не смогу вернуться к прежней жизни.

— Отчего же? Чувство вины? Страх?

— Нет. Помнишь, однажды ты говорила о том, что есть время размышлять и время действовать? Так вот сейчас время действовать наступило! Я никогда не предполагал, что смогу так измениться — но это случилось. Словно я чи ала прекрасные стихи, но видел лишь их форму, красоту,

изящное переплетение словес... а теперь мне впервые открылся их подлинный смысл, я обрел способность видеть изнутри то, на что раньше смотрел лишь извне. Я был холодным, отстраненным наблюдателем, но теперь это случилось, и я больше не могу оставаться в стороне. Не знаю, понимаешь ли ты меня? Я путано выражаюсь...

— Нет, почему же.— Соня вспомнила, как в единый миг нечто похожее произошло с ней самой, в тот страшный день, когда погибла ее семья. Старая жизнь умерла, не оставив ничего, даже воспоминаний — точно все это было с кем-то другим, не с ней. И все сделалось *иным*.— Такая же разница, как держать яблоко в руке — и надкусить его, да?

Королевский судья кивнул. Эта поразительная девушка в одной короткой фразе выразила то, что никак не давалось ему самому.

— Я не могу вернуться к прежним занятиям. Я изменился. Даже когда мы хоронили тех несчастных, я не мог повторять за Хубартисом слова погребального гимна. А ведь было время, когда благочестивые речи сами лились у меня с языка, я даже не давал себе труда задуматься над их смыслом. Точно так же, как я был абсолютно убежден в собственной правоте, в справедливости королевского правосудия, словом во всем, что окружало меня в той жизни. Сейчас же у меня такое ощущение, будто это было лишь во сне. Я ни в чем больше не уверен, ничего не знаю наверняка. Мир расплывается перед глазами, земля уходит из-под ног...

— Это пройдет. Сейчас ты устал, измучен переживаниями, но поверь мне, Десмос, пройдет время, и все станет по-прежнему. Конечно, ты изменишься, но не настолько, как это кажется сейчас. Треволнения этих дней понемногу забудутся, раны заживут, превратятся в шрамы, наконец, просто в морщинки...

— Но пережитое навсегда останется в моей душе. Я приду к смерти другим человеком. Однако наши приключения еще не закончены...— Он посмотрел на девушку твердым взглядом, и она увидела, что это глаза совсем другого человека, не того Десмоса, которого она знала на борту «Нироса».— Полагаю, мы едва ли еще когда-нибудь встретимся с тобой, Рыжая Соня?

— Боюсь, что так. Надеюсь, тебя не обидят мои слова, но я не слишком люблю Аргос. Зингарцы, ваши соседи, за своей напыщенностью и чванством сохранили толику былого воинского духа. Аргосцы не таковы. Прости, но вы стали народом торгаши, погрязли в роскоши и безумствах, вы ничуть не лучше аквилонцев, клянусь!

— Неправда! — Десмос был уязвлен.— Разве воины, которых ты видишь вокруг, — он показал на спящих, — не достойны уважения? Разве они плохо сражались, защищая наши жизни?!

Соня пожала плечами.

— Они прекрасные люди, не спорю. В отдаленных крепостях войска еще хранят боевой дух. Но разве ты, положа руку на сердце, сможешь сказать то же самое о столичной гвардии? О при-

дворных, обо всех остальных, кто никогда не держал в руках меча и не желает этого...

— Да простит тебя Митра, Соня, но разве способность владеть оружием — главное в человеке?!

Раздосадованная непониманием вещей, которые представлялись ей очевидными, воительница нахмурилась.

— Ты говоришь, что изменился, Десмос, но, видимо, недостаточно. Разве ты не знаешь, что творится вокруг. Пикты набирают силу. Они воюют в Аквилонии и Зингаре, подбираются уже и к вашим пограничным крепостям. Чем встретит их Аргос, когда они окажутся на пороге? Стихами и сказаниями менестрелей? Золотом и шелками? Очень скоро это случится — тогда вспомни мои слова!

Но королевский судья лишь отмахнулся недоверчиво.

— Ты преувеличиваешь опасность. Пикты — дикари. На их стороне было преимущество внезапности, но в долгой войне они вымогаются, завязнут на просторах Аквилонии и Зингары. Никакой угрозы для Аргоса нет!

— Ты пытаешься уверить себя в этом, как и тысячи твоих соплеменников. Но я *была* там, я видела собственными глазами мощь этих «дикарей», их нечеловеческую злобу и одержимость. Рядом с ними шайка Урдуса — это малолетки, играющие в войну на заднем дворе, пока нянька не позовет их обедать.

Десмос видел ее неподдельную тревогу и, хотя не мог заставить себя принять правоту слов ры-



жеволосой воительницы, ощутил слабый укол страха.

— Что же ты предлагаешь, Соня? Что мы должны делать?

Девушка пожала плечами.

— Сражаться. Отбросить прочь все иные заботы, взять в руки оружие — и готовиться к схватке. Время действовать, Десмос! *Действовать!*

Восхищенный ее горячностью, вельможа покачал головой.

— О, юность! Как я завидую твоей убежденности! В тебе есть сила, Соня, великая сила. Но пойми, ты смотришь на мир, словно через прорезь воинского шлема. Должно быть, ты пережила много горя, и это ожесточило тебя. Мне кажется, в душе ты не желаешь мира и покоя, ты грезишь сражениями... Возможно, чтобы доказать что-то себе самой.

— Возможно... — Соня устало вздохнула, чувствуя, что продолжать разговор бесполезно. Десмос был прекрасным человеком, честным, умным, порядочным... Но он ничуть не отличался от тысяч других людей, наивно убежденных, что стоит им покрепче зажмуриться, и смертельная угроза отступит сама собой. Не в первый раз приходилось ей вести такие речи, и каждый раз она отступала в досаде и печали, не в силах никому ничего доказать. На миг ее охватило дурное предчувствие, предвестье близкой смерти... Не для себя, нет — но для всех остальных... Сама она не верила, что сможет когда-нибудь умереть.

Она дружески коснулась руки Десмоса.

— Не будем спорить. Я восславлю всех богов, если правым окажешься ты. Но сейчас, перед боем, не стоит думать об этом. У нас есть дела поважнее.

Придворный кивнул.

— Ты права. День предстоит не из легких. Смотри, Хубартис начал будить своих парней. Пойдем, попробуем раздобыть чего-нибудь на завтрак...

\* \* \*

Урдус пробудился и с облегчением обнаружил, что лихорадка отступила. Он потряс головой, стараясь отогнать остатки ночных кошмаров. Заметив, что он шевельнулся, к вожаку тут же подошел Бетос. Он принес больному воды и спелых плодов — мясо у них уже давно кончилось.

— У тебя была страшная лихорадка, — сообщил главарю беспалый.

— Счастье для меня, что ты был рядом. Я всегда знал, что ты не подведешь.

— Парни тревожились, что нападут аргосцы. Хвала богам, все обошлось, а теперь, когда ты пошел на поправку, они и вовсе приободряются!

— Мне снились странные сны.

— Неудивительно.

— Во сне меня терзал шемит, он играл со мной. Где мы находимся?

— Неподалеку от утеса, Урдус.

— Вот и хорошо. Мы можем на время затаиться тут. Скажи людям, пусть запасутся пищей и водой... Вряд ли потом у нас будет на это время.

Внезапно, едва не задев лицо крылом, мимо него скользнула крохотная птаха. Урдус нахмурился, следя за ней глазами.

— Что за наглая тварь? Летучая мышь?

— Нет, Урдус, просто птица, — рассеянно усмехнулся Бетос. — Вот она, смотри.

Воробей уселся на нижнюю веточку и, склонив головку набок, зачирикал.

Один из преступников натянул тетиву лука, вложил стрелу и прицелился, но вожак покачал головой.

— Убери свой лук, не трать стрелу зря. Пусть птаха живет.

— Но, Урдус...

В это миг воробей взлетел, направился на север и вскоре скрылся из виду.

— Пошли, — скомандовал Урдус, с трудом поднимаясь на ноги. Одной рукой он ухватился за ствол дерева, чтобы не потерять равновесие. Бетос поспешил взять его за другую руку, но гигант оттолкнул его. — Со мной все в порядке. Я буду опираться на меч.

— Не север! Мы укроемся в подходящем месте и отдохнем немного. Потом, с наступлением темноты, спустимся к морю и попробуем раздобыть лодку.

\* \* \*

Атхари, скрестив ноги, сидел на полу пещеры как вдруг с порога послышалось звонкое чирканье. Воробей опустился на грудь спящей Алейлы.

Маг загадочно улыбнулся и провел руками над трепещущей птахой. Воробей отчаянно захлопал крыльями, пролетел несколько кругов по пещере и взвился в воздух.

Женщина села на постели и слабо улыбнулась.

— Я... я видела сон,— произнесла она задумчиво,— будто лечу по воздуху, как птица. Я даже клевала насекомых... Потом увидела Урдуса и Бетоса недалеко отсюда. Как раз за рощей, там, к югу.

Атхари засмеялся, и Алейла подозрительно поглядела на колдуна.

— Что ты сделал со мной?

Но шемит только мрачно усмехнулся и вышел из пещеры набрать плодов для завтрака...

\* \* \*

Солнечные лучи осветили жуткий оскал Черепа. Колонны света чуть колебались, и капли тумана оседали на камнях, поблескивая, точно самоцветы. Тишину нарушало лишь согласное жужжение насекомых, чириканье птиц вдалеке и шум водопада, рвавшегося вниз со скалы.

Две маленькие землеройки торопливо шмыгнули в лес при первых звуках шагов, нарушивших их покой. Тяжелая поступь становилась все громче. Потом послышался шум раздвигаемых ветвей, и на открытое место вышли Урдус и его отряд.

Гигант шагал медленно, сутулился и с трудом волочил ноги: лихорадка еще не полностью оставила его. За вожаком шагал Бетос и другие

воины. Урдус остановился у края поляны и принююхался, затем перевел взгляд на жуткий, похожий на череп утес. Нет, никого поблизости нет. Совсем никого. Но почему же тогда у него не проходит ощущение, что за ним наблюдают? Конечно же, они здесь в полной безопасности...

— Вот ты и пришел.

Шемит! Все настороженно обернулись, тщетно пытаясь понять, откуда доносится голос.

— Итак, ты вернулся ко мне, Урдус.

Гигант поднял голову. Пещера, левая глазница черепа.

Из пещеры медленно появилась фигура Атхари. По-прежнему закутанный в звериные шкуры, с всклокоченными волосами и горящими жутким огнем глазами, он казался исчадием преисподней. За спиной его трепетала белая тень... Алейла.

Вожак шагнул вперед и поднял меч.

— Выходи на бой, Урдус! — воскликнул Атхари, вскидывая руку.— Но только ты один.

Урдус вскинул голову.

— Чего ты хочешь?

Преступники глухо заворчали, точно стая диких псов, но вожак жестом приказал им молчать.

— Твоей смерти, приятель,— насмешливо отозвался маг.— Я давно сказал тебе об этом. И теперь время пришло.

Гигант ослабился, но не ответил шемиту.

— Послушай,— прошептал за его спиной Бетос,— эта твоя лихорадка... Может, это проклятый

чернокнижник наслал на тебя хворь? Может, он и сейчас колдует...

— Молчать! — прорычал Урдус. — Если и так, сам видишь, его магия меня не взяла, я жив и здоров по-прежнему. И со мной меч, а это посильнее любого колдовства!

Атхари неожиданно засмеялся. Дневное светило, словно в ответ на этот смех, уронило на землю яркие золотистые блики, в верхушках деревьев зашелестел легкий ветерок.

— Ну же, Урдус, давай! — дразнил вожака шемит.

Из пещеры вышла Алейла и встала у мага за спиной.

Гигант зло усмехнулся.

— Я не один, со мной мои друзья!

Атхари только пожал плечами.

— Как тебе будет угодно. Пусть наблюдают. Мне все равно.

— Это ловушка! — вскричал Урдус.

Колдун снова засмеялся.

— А ты оглянись по сторонам. У тебя за спиной целое войско, а ты тренишь перед одним-единственным человеком. Или и впрямь не веришь, что в силах справиться со мной. Может, меч не так уж крепок в твоей руке? — Атхари презрительно покачал головой. — И этот человек заявляет, будто освободил всех нас из заточения на Острове? Ты ненавидишь меня и боишься, Урдус. Ты жаждешь моей крови. Вот я и предлагаю тебе такую возможность, прежде чем всех вас перебьют аргосцы.

Гигант плонул на землю. Он шагнул вперед, подав знак своим людям, стоявшим в нескольких шагах позади него, затем вышел на ровное место, обнажил меч и двинулся наверх, к утесу; его сообщники следовали по пятам.

Через несколько мгновений Урдус переступил край левой глазницы Черепа и оказался в нескольких шагах от входа в пещеру. Остальные разбойники столпились на широкой площадке слева.

Гигант шагнул вперед.

Алейла укрылась в дальнем конце пещеры и прижалась к стене, но Атхари по-прежнему стоял в самом центре, уверенный и решительный. Несколько факелов, закрепленных на стенах, тускло освещали просторный каменный зал.

А за спиной Атхари возле стены... Что за мерзость? Огромная куча грязи и глины?..

Урдус указал на нее мечом.

— Ты об этом? — поднял бровь колдун. — Мое творение. Будущий слуга Ордру, его новое тело. Я напоил его душами твоих товарищей и кровью аргосцев. Дело лишь за тобой — и мой повелитель сможет торжествовать победу!

Урдус сделал шаг вперед, осторожно, подозревая какой-то подвох.

— Я даю тебе шанс убить меня. Так воспользуйся им!

Гигант удивленно посмотрел на противника.

— Ты не доверяешь мне?

— А с чего я должен тебе доверять?

Атхари засмеялся.

— Вот уж никак не думал, что ты окажешься таким болваном! Ну, давай же! Убей меня! Я не стану сопротивляться!

Урдус ничего не мог понять. Он перевел взгляд на Алейлу, потом — на мага.

— Недоумок! — сплюнул Атхари. — Проклятый недоумок! Ты подверг меня пыткам в надежде выведать мою тайну — и ничего не узнал. Потом хотел освободить своих людей, но не смог даже бежать с Острова! Затем завел своих людей в ловушку, не сумел даже увести их от аргосцев. И даже женщину свою тебе удержать не удалось. Я забрал ее себе! Знаешь, что она делала? Что я **заставил ее сделать?**..

Лицо Урдуса пошло красными пятнами, меч в руке задрожал.

Алейла, предчувствуя что-то ужасное, застонала от страха.

— Жалкий болван! — выкрикнул шемит. — Ты был болен, Урдус? Тебя била лихорадка? В ночных кошмарах ты убегал от гигантского змея, но он настигал тебя и грозил удушить в своих липких объятиях, разве не так?

— Молчи, — рявкнул Урдус.

— А может, тебя напугала моя птичка? Было такое? Прилетала ли к тебе птичка нынче утром, сразу как ты проснулся? Спела ли она тебе свою песенку?

— Замолчи! — прорычал Урдус и ринулся на Атхари с мечом.

Алейла вскрикнула. Разбойники с воплями бросились на помощь вожаку.

— Будь ты проклят! — взвизгнул Атхари, вскидывая руки. — Так убей же меня по собственной воле! Ибо этого желает мой повелитель, и я не могу противиться ему!

Урдус что есть силы опустил меч.

Голова Атхари завалилась набок, брызнула кровь. Тело колдуна, разрубленное почти надвое, рухнуло на каменный пол в огромную лужу крови.

Алейла уже не кричала, она выла и визжала от ужаса, она отвернулась, не в силах выдержать этот кошмар, и стала ногтями раздирать себе лицо. Спутники Урдуса застыли в безмолвном оцепенении.

Гигант задыхался. Он наклонился над своим врагом, с его меча стекали капли крови, кровь была и на руках, и на лице вожака. Он молча глядел на распростертое тело шемита.

Все было кончено.

— Подойди сюда, Алейла! — гневно выкрикнул Урдус.

— Нет! Нет! — Женщина дрожала от страха.

Послышалось странное шипение...

Урдус оглянулся. Его товарищи стояли, уставившись в одну точку.

Факелы на стенах начали гаснуть, будто их задувал невесть откуда взявшийся промозглый ветер.

Чем-то мертвяще-холодным повеяло из глубины пещеры, странное гнилостно-зеленое сияние разрасталось, словно сочилось из влажных камней, освещая груду глины на полу.



*Мой раб исполнил задуманное,— послышался зловещий шепот.— Мы с ним станем едины в новом теле... Его магия и моя сила...*

Лежащее на земле тело колдуна содрогнулось в конвульсиях, кровь запульсировала, точно живая, стремительно изливаясь из раны, сочась из всех пор кожи, и собралась в горящий алым пламенем сгусток. Шипение усилилось.

— Алейла! — снова крикнул Урдус.

Женщина упала на колени, прямо в мокрую грязь. Кровь Атхари светилась, медленно обволакивая глиняную фигуру на полу пещеры. Грязь с жадным чавканьем поглощала горячую жидкость. Зеленое свечение делалось все ярче.

Внезапно закричал Бетос.

Глиняная фигура шевельнулась. Сияние вспыхнуло, обяяв ее целиком, и исчезло.

— Имир всемогущий! — ахнул Урдус. У него перехватило дыхание.

Алейла вскрикнула и лишилась чувств.

— Имир! — завопил вожак, когда снова обрел дар речи.— Да ведь она живая!

Глина шевелилась, застыла, формировалась на глазах. Сначала из груды земли выросла нога, потом рука, затем вторая рука и нога. Фигура походила на человеческую, только раза в три крупнее. Существо вздрагивало, приподнималось, разминало мускулы. Вот одна рука хлопнула по каменному полу пещеры, и огромная скала содрогнулась.

Медленно поднималась голова с гигантским ртом и неглубокими впадинами там, где у человека должны быть глаза.



Один из воинов Урдуса от ужаса потерял равновесие и свалился сверху, разбив голову о подножие скалы. Шум водопада заглушил его отчаянный вопль.

У чудовища дернулась нога, ладонь вновь ударила об пол. Оно попыталось встать, снова опустилось на землю. С тела капала жидккая глина. Со второй попытки существо село, а после короткой передышки встало на ноги.

Сначала оно не двигалось, но лишь стояло чуть ссутулясь, касаясь спиной стены пещеры. Потом колossalная голова медленно повернулась, туловище содрогнулось, нога шагнула раз, другой. Спина чудовища задевала потолок пещеры, левый бок был измазан глиной, но под слоем грязи виднелась кожа с зеленоватым отливом.

Существо двинулось вперед.

Люди Урдуса закричали, сгрудившись на самом краю площадки, и начали в панике толкать друг друга. Несколько человек сорвались с утеса вниз.

Но вожак, взревев от ярости, поднял свой огромный меч и ударил чудовище.

\* \* \*

— Прислушайся! — шепнула Соня Хубартису.

Хубартис и его люди затаили дыхание, некоторые взяли мечи на изготовку.

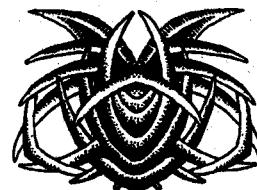
Соня нахмурилась, потом тряхнула головой.

— Что за странные звуки?

— Какой-то зверь,— предположил Десмос.

— Шум идет от Черепа,— заметил Хубартис.  
 — Тише! — снова воскликнула Соня.— Вы слышали крики?  
 — Это люди Урдуса? — спросил судья.  
 — Похоже на то. Клянусь Великой Матерью, там не обошлось без Атхари! Скорее туда!  
 Люди бросились через лес, прорубая себе путь топорами и мечами.

## Глава девятая



**А**тхари! — крикнул Урдус.— Выходи, ведь это ты в другом обличье! — Он стоял, расставив ноги, с мечом в руке, вне себя от душившей его ярости и безумного страха.— Выходи, Атхари! Я знаю, что это — ты!

Офалус надвигался медленно, но неотвратимо. Его огромное тело слегка вздрагивало, с трудом переваливаясь с ноги на ногу. Глиняный гигант едва сохранял равновесие, чуть покачивался, опираясь руками о стены пещеры. Не глядя, он разтоптал соломенный тюфяк колдуна, наступил на мх с водой, раздавил ставшую ненужной шкатулку из кедра с бронзовыми застежками. Урдус заметил, что внутри шкатулки не осталось и следа красного тумана. Вожак поглядел на монстра, и понял, что теперь в жилах этого существа — кровь и души всех убитых.

Чудовище двигалось совершенно безмолвно. Вожак ожидал, что тварь вот-вот начнет реветь, подобно дикому зверю, но Офалус шел, не произ-

нося ни звука; исполненный огромной силы, за-девая стены пещеры, он неумолимо приближался к воинам Урдуса.

Человек нанес удар. Длинный, острый, много-кратно проверенный в сражениях меч вонзился в ногу чудовища, но... не оставил ни раны, ни ма-лайшего следа. Глина просто сомкнулась по линии разреза.

Урдус зло выругался и ударил еще раз, и сно-ва меч только погрузился в глину, свободно вы-шел наружу, не причинив никакого вреда чудо-вищу. Вот теперь вожаку стало по-настоящему страшно.

Он начал отступать ко входу в пещеру.

Теперь, выйдя на открытое пространство, Офа-лус зашагал быстрее. Урдус ощутил ветерок за спиной: значит, он уже вышел из тесной пещеры.

Глиняный колосс двинулся к вожаку.

Урдус сопротивлялся изо всех сил: он размахи-вал мечом, наносил удары во всех направлениях, колол, резал, рубил. В плотную приблизившись к монстру, человек ощутил ужасную вонь. То был не просто запах мокрой земли. То был запах смер-ти, крови, страха...

Вожак сражался так отчаянно, как никогда прежде, но все было бесполезно. Огромная туша нависла над ним, подобно башне, и не успел он отскочить, как громадная глиняная рука схвати-ла его, стиснула изо всех сил, прижала... Урдус заорал, стал отпихиваться, но не смог вырваться. Несмотря на всю свою силу, он оказался беспомо-щен против чудовища.

Человек вопил не переставая, ему казалось, что он задохнется: монстр прижал его к груди, мокрая глина забивала рот и ноздри, мешая дышать.

Но удушение было бы слишком легкой смер-тью, Атхари задумал нечто более ужасное для своего заклятого врага.

Вонь от Офалуса становилась невыносимой. Урдус напрягся изо всех сил, но вырваться из объятий чудовища ему не удалось. Не сдаваясь, вожак по самую рукоять погрузил меч в тело твари — но рука вместе с клинком пронзила вну-тренности монстра, почти не встречая сопротив-ления, но и не нанося тому никакого ощутимого вреда. Человек молотил кулаками по безжизнен-ной туще, но кулаки только вминались в тело, упругая глина засасывала их.

Офалус с жадностью всасывал Урдуса в себя.

Вожак ощутил, как глина постепенно погло-щает его плоть, втягивает и растворяет в себе. Он отчаянно взвыл. А Офалус неуклюже перевали-вался из стороны в сторону, продолжая двигаться вперед.

Урдус увяз в глине, намертво прилипнув к животу чудовища. Последние силы уходили на то, чтобы высвободить голову и получить воз-можность дышать... Вожак кричал не переставая, судорожно молотя по глиняному чреву еще сво-бодной правой рукой, как вдруг ладонь прилипла к глине, а уже через мгновение плоть была погло-щена, и Урдус с ужасом взорвался на то, что оста-лось от его руки: голая кость без кожи и мышц.

Офалус неумолимо шел вперед, а прилипший к его животу, точно муха к паутине, человек истошно вопил, скулил, выл от бессилия и боли, содрогаясь в предсмертных конвульсиях. На краткий миг из глиняного тела показалась рука Урдуса — белая кость — и снова исчезла в чреве чудовища.

Урдус вскрикнул в последний раз. А потом рот его заполнился кисловатой горечью сырой земли, и магически ожившая глина с жадностью поглотила его щеки, язык, растворила глаза, разъела мышцы и наконец уничтожила все тело целиком...

\* \* \*

— О, прах и пепел! — шепотом выругалась Соня.

За ее спиной Десмос, Хубартис и остальные аргосцы замерли, потеряв дар речи от ужаса. Сверху им были отлично видны оставшиеся в живых спутники Урдуса, в испуге сгрудившиеся у озера. Не отрываясь, они смотрели на глиняного колосса, что появился из левой глазницы Чепела.

Монстр словно принюхивался, он размахивал руками, похлопывал себя по животу, как бы приминяя что-то внутри. Даже мертвый, Урдус все еще бунтовал: из тела Офалуса то и дело показывались наполовину растворенные кости вожака.

— О боги! — ужаснулся Десмос и поспешил отвернуться.

— Но что это? Что? Как такое может быть? — поразился Хубартис.

Соня провела рукой по волосам, поглядела вниз, снова наверх. Она явно пыталась что-то припомнить.

— Это Офалус! — воскликнула она наконец.

— Как-как?

— Офалус! Эта такая древняя легенда, бытующая у шемитов, легенда о глиняном великане. Магия способна оживить его. О, Великая Мать! Должно быть, это работа Атхари!

— Смотрите! — Дрожащей рукой Десмос указал вперед.

Люди Урдуса закричали и бросились назад, столпившись у южного берега пруда. Офалус начал спускаться с утеса. Он передвигался медленно, неловко, с трудом сохраняя равновесие, придерживаясь рукой за выступы скалы. Кустарник хрустел под огромными ножищами, сыпались мелкие камни.

Бетос сорвался с места, побежал, споткнулся и упал, выронив меч из рук, и, поднимаясь, увидел аргосцев.

— Братья, вы только взгляните!

— Взять их! — приказал Хубартис.

Однако отряд не двинулся с места.

— Взять их! — повторил сотник разгневанно. — Будь проклято это чудовище — перед вами бунтовщики, убийцы! Никакой пощады! Лучники, к бою!

Воины торопливо вышли вперед, приладили стрелы, натянули тетивы. Первая стрела взлетела

в воздух — и сразу нашла цель. За ней устремились другие.

— Вперед! — вскричал Бетос. — Бейте поганых псов! Бейте!

Но перепуганные насмерть разбойники даже не могли достойно сопротивляться. Несколько человек ринулись бежать. Аргосцы окружили остальных, отрезая им путь к отступлению. Зазвенели мечи, завязался кровавый бой. Преступники метались в отчаянии, падая под точными ударами аргосцев. А Офалус неумолимо надвигался на людей.

Раздался душераздирающий крик:

— Пощадите, оставьте в живых!

Хубартис отдавал приказы, наблюдая сверху за ходом боя. Десмос стоял рядом с ним.

— Пленных не брать! Никакой пощады! — крикнул сотник. — Убейте их всех!

Соню судьба преступников не интересовала, она видела, что через несколько мгновений с ними будет покончено. Сейчас ее тревожило другое...

Она взяла у кого-то лук и прицелилась в Офалуса. Быстро пустила одну стрелу, за ней вторую, третью.

Все попали в цель, все погрузились в эту гору глины. Даже оперение засосало. Но никакого вреда стрелы не нанесли: ни раны, ни следа не осталось на теле чудовища.

— Проклятье! — выругалась она в сердцах и, опустив лук, повернулась к Хубартису. — Мы непременно должны уничтожить его!

— Да, — мрачно согласился сотник. — И сделаем это!

— Смотрите! — простонал Десмос.

Офалус добрался до подножия скалы. С жуткой неотвратимостью он надвигался на сражающихся воинов. Вот перед ним оказался труп одного из преступников. Чуть помедлив, Офалус подступил к нему вплотную, затем опустил на него огромную ногу. Что-то омерзительно хрустнуло — и труп начал растворяться. Плоть отваливалась от костей, потом и кости втянулись внутрь чудовища.

Десмос опустился на колени, его тошнило от этого отвратительного зрелища.

Но Соня бросилась вперед. Хубартис пытался остановить ее, однако девушка не обратила внимания на его крики. Она широким кругом обогнала чудовище, приблизилась к подножию скалы и полезла наверх.

Офалус повернулся, видимо ощущив ее присутствие.

Соня быстро и уверенно поднималась на скалу. Мелкие камешки посыпались из-под ног, прямо на спину чудовища, и мгновенно исчезли, поглощенные всеядной глиной. Тем временем воительница добралась до небольшого выступа чуть ниже пещеры и посмотрела вниз. Глиняный гигант находился прямо под ней. Развернувшись, он начал карабкаться по утесу следом за девушкой, разом бросив другую добычу. Должно быть, и во чреве Офалуса Атхари не забыл о своих жутких замыслах... Соня растерянно огляделась:

если бы только она могла вызвать камнепад и завалить это чудовище...

Пещера колдуна оказалась совсем рядом. У входа стояла бледная и растерянная Алейла, она дрожала, как лист на ветру.

— Алейла! Алейла! — позвала Соня.

Но та словно и не слышала. Взглянув вниз, рыжеволосая воительница увидела, что Офалус оставил попытки добраться до нее и вновь направился к сражающимся воинам. Соня быстро перебралась по узкому карнизу ко входу в пещеру.

Алейла по-прежнему не замечала Соню. Та подбежала к женщине и встремнула ее за плечи.

— Скажи мне, что происходит? Как можно уничтожить это чудовище?

Алейла обернулась. Глаза женщины были темными и пустыми, лицо застыло, словно маска. Может быть, она потеряла разум? Соня с размаху дала Алейле пощечину.

— Отвечай, слышишь! Это устроил Атхари? Черноволосая женщина хихикнула.

— Атхари? Да, Атхари...

— Как его уничтожить? Отвечай мне! Его можно убить мечом?

— Нет, нет... Его нельзя убить. Он сожрал Урдуса... — Алейла поежилась и вдруг снова рассмеялась. По ее щекам текли слезы. — Атхари научил меня летать...

— Алейла!

— Я видела Урдуса, я летала, как птичка, а Атхари лепил из глины человека. Знаешь, что он

сделал? У него была шкатулка с кровяным туманом, и он...

Соня еще раз ударила Алейлу по лицу, грубо и сильно. Похоже, на этот раз женщина пришла в себя. Она осмысленно взглянула на Соню, и глаза ее наполнились слезами. Алейла опустилась на колени и застонала.

Соня стояла над ней с мечом в руке, разгневанная и жаждущая мести.

— Алейла! Как уничтожить этого истукана?

— Ничто, ничто не может его уничтожить! — прошептала женщина. — Атхари сотворил это тело для Ордру, своего повелителя. На демоне было заклятие, чтобы он не мог пересечь воду. Но теперь они с Атхари соединились... Шемит говорил мне — теперь чары рухнули. Он бессмертен! И свободен!

— Магия! Ты можешь убить его магией?

Женщина засмеялась горьким смехом и закашлялась.

— Откуда?! Я всего лишь деревенская ведьма. Разве мне под силу такое колдовство?!

Соня выругалась от беспомощности, схватила Алейлу за волосы и посмотрела ей в глаза.

— Отвечай — как его убить! Или я сброшу тебя вниз!

— Не знаю!

— Отвечай!

— Нельзя его убить, никак нельзя! — заверещала Алейла, рванувшись что было сил, так что в руке у Сони остался лишь клок ее длинных волос.

— Атхари, Атхари! Спаси меня! Сделай меня птицей!

Соня ахнула: Алейла вдруг метнулась вперед, к карнизу, подпрыгнула... Воительница пыталась удержать ее, но слишком поздно... Черноволосая женщина рухнула вниз, тело ее ударилось о камни, отлетело, ударилось еще и еще — и наконец замерло, бездыханное, у самого берега.

Офалус обернулся на шум и, вновь позабыв о сражающихся воинах, заковял к трупу Алейлы.

А на площадке Хубартис и Десмос продолжали вести бой. Преступники дрались из последних сил, стараясь дорого продать свои жизни. Теперь, когда Урдуса не стало, в бой их вел Бетос. Он был весь изранен, но даже не чувствовал боли. Вот слева упал, обливаясь кровью, один из разбойников, рядом рухнул аргосец, на мгновение в рядах сражавшихся образовалась брешь, и Бетос, не раздумывая, рванулся в ту сторону. Он знал, что бой проигран, и внезапно желание спасти свою шкуру сделалось таким сильным, что заставило его позабыть обо всем. Он хотел лишь одного — бежать.

Вдруг что-то ударило Бетоса в спину, и его отбросило на землю. Кажется, в него швырнули камнем... Преступник больно ударился головой, меч выпал у него из рук. Он пополз вперед, пытаясь скорее дотянуться до оружия — но тут чья-то нога наступила на клинок и отшвырнула его в сторону.

Бетос поднял голову.

Над ним стоял Десмос. Он возвышался над поверженным братом, точно демон мщения, и

ослепительный солнечный свет заливал его фигуру.

— Десмос? Сохрани мне жизнь, умоляю. Десмос, пощади! — Бетос зарыдал.

— Брат, — шепотом ответил тот. — Но ведь ты бы убил меня, правда?

— Спаси меня, Десмос!

Вокруг них раздавались крики и стоны.

— Ты не пожелал спасти меня.

— О боги! Митра! Ну почему мы должны сражаться друг с другом?

— Ты желал мне смерти, Бетос. Медленной, мучительной смерти. И ты не пощадил бы меня!

— Нет, не надо! — Бетос хватал брата за ноги, униженно моля о пощаде. — Не убивай!

— А ты оставил бы мне жизнь? Нет, брат, и если я сейчас отпущу тебя с миром, ты не раздумывая вцепишься мне в горло. Да, я сослал тебя на этот остров, и ты проклял меня. Но теперь ты научил меня ненависти. Мы больше не братья, мы — два демона, терзающие друг друга в преисподней. Когда-то я сослал тебя сюда во имя правосудия. Но теперь я буду честен перед собой. И убью тебя во имя мести!

— Нет! — дико взвыл Бетос. Он бросился на брата, выхватив кинжал из-под рубахи.

Десмос отпрянул и, ни мгновения не колеблясь, нанес удар мечом. Удар пришелся прямо в шею, голова Бетоса отлетела в сторону и покатилась по земле, забрызгав кровью сапоги Десмоса, а тело рухнуло в грязь.

И тогда Десмос закричал.

Он отступил на шаг, выронил меч и упал на колени перед обезглавленным трупом брата. Ему показалось, он ощущал последние удары сердца. Тёплая кровь толчками выплескивалась из горла, и он собирал ее в ладони...

Десмос зарыдал, повторяя имя брата. Он исполнил свой обет.

\* \* \*

Соня с ужасом наблюдала за происходящим, а в это время Офалус приблизился к утесу, наступил на труп Алейлы и принялся жадно поглощать ее.

Издав истошный предсмертный крик, пал последний из приспешников Урдуса. Его разрубил надвое меч аргосца.

— Хубартис! — позвала Соня.

Тот поглядел вверх на выступ с левой стороны Черепа.

— Спускайся оттуда!

Десмос тоже посмотрел наверх. Он встал на ноги, вытер испачканные кровью руки о рубашку и штаны.

— Хубартис! — закричала Соня. — Прикажи своим людям отойти назад! Назад!

— Что ты собираешься делать?

Девушка не ответила.

Орудя мечом, как заступом, она начала поддвигать большие валуны к краю выступа, под которым стоял Офалус.

— Помогите ей! — крикнул Хубартис своим воинам. — Поднимитесь наверх и помогите!

Семеро аргосцев, наименее уставших после сражения, осторожно обошли Офалуса и стали подниматься по левой стороне Черепа. Монстр, поглотив труп Алейлы, повернулся и полез вслед за воинами.

Соня торопливо прошла к краю, сбрасывая камни вниз. Аргосцы пришли ей на помощь, и валуны покатились по склону беспрерывным потоком. Лавина камней неслась к подножию скалы, поднимая тучи пыли.

Хубартис внимательно наблюдал за происходящим. Офалус пропал из виду. Неужели получится?..

— Нет, ничего не выйдет, — покачал головой Десмос.

— Почему?

— Чувствую...

С вершины скалы донесся крик: один из воинов поскользнулся и сорвался вниз. Соня с аргосцами принялись спускаться. Когда они оказались внизу, облако пыли рассеялось.

Офалус стоял по грудь в куче камней. Он поднимал валуны и с легкостью отбрасывал в сторону, расчищая себе путь.

Соня с досадой выругалась.

— Ничего не получилось, — печально проговорил Хубартис. — Он умеет поглощать даже камни!

— У меня возникла другая мысль...

— Трупы! — догадался Десмос.

Соня кивнула и вытерла пот с лица.

— Именно так. Мы заманим его в ловушку. Послушайте! Это страшилище обрело жизнь по-

средством магии. Но ведь не только магическая, но и природная сила способна отнять у него жизнь. Ведь Офалус сделан из глины, так? И неважно, насколько он сильный и большой. Понимаете?

— Что же может повредить ему? Огонь, вода, земля, ветер... — начал перечислять стихии Десмос.

Соня кивнула.

— Разложим трупы, как приманку. Сотник, пусть твои люди положат их один за другим до самого водопада. Если мы сумеем подвести чудовище к воде и столкнуть его туда, то...

— Но как? Как мы подтолкнем его?

— Не знаю! — сердито воскликнула Соня. — Пока не знаю! Может, потом что-нибудь придумаем...

— Эй, сотник, оно освободилось! — послышался голос одного из аргосцев.

Да, Офалус разбросал камни и снова шагал к ним.

— Соберите трупы, — приказал Хубартис, — всех, всех мертвецов, да поживее! Разложите их один за другим на расстоянии нескольких шагов вокруг пруда и дальше в сторону водопада! Скорее!

Воины поспешили выполнить команду. Кто-то из них подтащил к воде обезглавленное тело Бетоса.

Десмос увидел это, Хубартис тоже и с сочувствием покосился на вельможу, но тот думал уже о другом.

— А если попробовать сжечь его? — предложил он. — Давайте соберем стрелы с горючими наконечниками...

— Думаешь, он боится огня? — не поверила Соня.

— Как знать? — пожал плечами Десмос. — Он сделан из земли и глины. Может быть, достаточно сильное пламя высушит глину и чудовище просто растрескается?

— Подожгите лес! — предложил Хубартис.

— Но это опасно, — предостерегла девушка.

— Только большой огонь способен уничтожить чудовище, — настаивал сотник. — Истукан просто высохнет и...

— Нам лучше бы поскорее уйти отсюда!

Офалус медленно двинулся вперед. Вот он приблизился к первому трупу, остановился, наступил на него и начал пожирать. Соня, как завороженная, не могла отвести глаз от ужасного зрелища и лишь шептала проклятия.

— Великая Мать! Как же его уничтожить? — Потом повернулась и крикнула: — Хубартис! Сюда!

Из леса появился отряд аргосцев во главе с Лобором, воины с суеверным ужасом взорвались на глиняного колосса. Хубартис подбежал к ним.

— Что это? — пораженно спросил Лобор. — Что, вообще, здесь происходит? Митра! Вы только взгляните!

— Этого монстра сотворил колдун, — поспешил объяснить сотник. — Порождение магии! Надеюсь уничтожить его огнем.

— Бегом в лагерь! — приказал Лобор своим людям. — У нас есть масло, большой запас, оно нам пригодится! — Он потер руки. — Давайте, шевелитесь!

Они перешли вброд мелководье ручья, вытекавшего с восточного края озера. Несмотря на надежды Соня, Офалус не растворился в воде, хотя приблизился к самому водопаду.

— Он становится больше, или мне только так кажется? — спросила Соня, пытаясь перекричать шум падающей воды.

Десмос откинулся со лба мокрые волосы.

— Ты права! Смотрите, он увеличивается в размерах с каждым поглощенным трупом!

Монстр остановился у очередного мертвеца, предпоследнего в веренице. Он сделался настолько громоздким и неповоротливым, что едва мог двигаться, но упрямо шел вперед, круша все на своем пути. Наконец он приблизился к высокому каменному уступу на северном берегу. В этом месте вода обрушивалась вниз из расщелины Чепра. У подножия водопада в воздухе висела небольшая веселая радуга.

За спиной Сони и Десмоса, на залитой солнцем площадке, стояли Хубартис, Лобор и его люди. Воины были начеку, одни уже натянули тетивы луков, другие держали огромные меха, наполненные маслом.

— Остался всего один мертвец! — крикнула Соня.

Но Офалус остановился всего в нескольких шагах от водопада, явно не намереваясь двигаться дальше. Чудовище, тупое и неуклюжее на вид, явно обладало зачатками разума и, похоже, разгадало план людей.

— Проклятие! — выругалась Соня.

— Приготовьте стрелы! — приказал Хубартис. Десмос двинулся вперед.

— Поджигай!

Соня оглянулась на сотника.

— Десмос, не надо... Остановите его!

— Поджигай! — снова крикнул Хубартис и ринулся в атаку.

— Десмос!

Вельможа бросился через площадку к Офалусу. Чудовище, казалось, почувствовало приближение врага. Десмос поскользнулся на мокрых камнях, но быстро поднялся и побежал дальше.

— Назад! — крикнул Хубартис.

Соня напряглась, ей хотелось броситься следом, но что это даст? Разве она может сделать то, что нужно, лучше Десмоса?

Тем временем судья наклонился, сорвал длинную ветку, мгновенно ободрал с нее листья и сунул заостренный конец в окровавленную рану последнего трупа на краю водопада.

Офалус медленно повернулся к нему.

— Атхари! — крикнул Десмос. — Выходи на бой! Ну, давай же, ублюдок!

Он метнул обагренную кровью ветку, как копье. Ветка вонзилась в глиняное тело чудовища и мгновенно была втянута внутрь.

— У меня есть еще! — крикнул Десмос. — Слышишь, глиняный урод, есть еще!

Он метнул второе копье, тоже смоченное кровью, потом — третье. Офалус заглатывал их и постепенно продвигался вперед. Огромная туша чу-

довища заслонила солнце, на его фоне Десмос, стоявший у подножия скалы, казался едва ли не карликом. Разгоряченный боем, он метнул последнее копье и рухнул в озеро, потеряв равновесие.

— О, Десмос! — вырвался крик у Сони.

Один из лучников, испугавшись за вельможу, поспешил выпустить стрелу. Она взмыла в воздух, тлевший наконечник разгорелся в полную силу, и стрела вонзилась в Офалуса. Но чудовище втянуло стрелу в себя, как ни в чем не было. Огонь не причинил ему ни малейшего вреда.

Десмос попытался встать, выбраться на берег, но скользкие камни не позволяли подняться на ноги. Он ухватился за мертвца, и труп соскользнул в воду, еще больше мешая аргосцу. Он отчаянно забарахтался, поднимая тучи брызг.

Офалус двинулся к нему.

Омерзительная вонь от глиняной твари захлестнула вельможу, ему стало трудно дышать. А колосс был уже совсем близко, тянул к человеку свои жадные руки...

— Огонь! — что есть мочи заорал Десмос.— Огонь! Жгите его!

\*\*\*

В воздух взвились полчища стрел. Они ударялись в Офалуса с резким звуком, большинство немедленно всасывались в тело глиняного истукана, но некоторые чудом продолжали гореть. Торопливо, но с опаской, аргосцы принялись об-

ливать колосса маслом. Горючая жидкость вспыхнула, окутав чудовище огненным покрывалом. Тот встряхнулся, точно огромный пес, разбрзгивая капли горящего масла повсюду: на сухие ветки, валежник, мох... И вскоре в небо взметнулись языки пламени, деревья занялись огнем, черный дым, пахнущий кровью и тленом, затянул все вокруг. Офалус воздел руки к небесам и зашатался, с трудом удерживаясь на коротких массивных ногах.

Раздался ужасающий треск: это высыхала и лопалась глиняная корка, покрывавшая тело истукана. Осколки посыпались на землю.

Подбежав к Десмосу, Соня принялась вытаскивать его на берег, но ноги соскальзывали с мокрых камней и несколько раз девушка едва не рухнула в озеро. Аргосец, отчаянно закашлившийся в клубах вонючего черного дыма, не мог найти в себе сил, чтобы вылезти из воды. А огонь, охвативший кустарник на побережье, подступал все ближе, грозя отрезать людям путь к отступлению.

— Отпусти меня! — крикнул Десмос.— Соня, отпусти! Я смогу доплыть! Не губи себя!

— Держись, Десмос! Держись за меня! У тебя вся одежда промокла, она утянет тебя на дно. Сам ты не выберешься!

— Еще, еще масла! — кричал тем временем Хубартис. Его люди бросились в лес, где оставались меха с маслом. Но языки пламени уже проникли и в чащу, пожар бушевал повсюду. Казалось, враждебная магия разносит огонь, ведь сам

бы он не мог распространиться так быстро. Хубартис начал опасаться, что скоро сгорит весь лес.

— Все! Довольно!

Лобор с двумя воинами поспешил на помощь Соне. Прикрывая лица плащами, расчищая путь с помощью клинков, аргосцы сумели подобраться к самому берегу.

— Не двигайтесь! — крикнул Лобор Соне с Десмосом, швыряя им веревку. — Во имя Митры, хватайтесь и держитесь что есть силы!

— Я стараюсь! — Воительнице стоило огромных трудов удерживать руку утопающего. А тому никак не удавалось подтянуться, чтобы схватиться за свою спасительницу. Сила течения в этом месте была слишком велика, и Десмоса неудержимо утягивало прочь.

Хватка девушки на миг ослабла. Аргосец начал тонуть.

— Спасайтесь! — выкрикнул он. — Забудьте обо мне и бегите прочь!

— Я вытащу тебя, Десмос, я не допущу, чтобы ты погиб!

Лобор подскочил к Соне и обмотал веревку вокруг ее пояса.

— Давай за ним! — рявкнул он. — Живее! Я удержу тебя.

Не раздумывая ни мгновения, девушка ринулась в воду. Несколько мощных гребков — и вот она уже настигла захлебывающегося вельможу. Тот с отчаянием утопающего ухватился за протянутую руку. Но теперь Соня не могла плыть. Течение уносило их все дальше, под грохочущую

лавину низвергающегося водопада. Что же ты медлишь, Лобор?!

Но тут веревка тую натянулась.

— Тяните! — крикнул Лобор своим воинам. — Сильнее тяните! Давайте, живее, вытаскивайте их!

Веревка терлась о скалу. Соня почувствовала, как ее несет к берегу, как камни впиваются ей в тело, царапают кожу.

— Десмос! Держись крепче!

Их вытянули, медленно, с большим трудом, но все же вытащили из воды. Соня рухнула на плоский камень рядом с Десмосом. Все тело ныло, в горле першило от дыма, глаза слезились. И все же она заставила себя подняться и подошла к Лобору, пристально наблюдавшему за охваченным пламенем Офалусом.

— Огонь не гаснет? — спросила она Лобора.

— Увы, гаснет понемногу, а истукан еще жив.

Чудовище мерно взмахивало руками — казалось, оно проделывает магические пассы. Пламя, охватившее его, угасло, когда кончилось масло, зато в лесу пожар разгорался все сильнее.

— Так скоро весь остров сгорит, — заметил Десмос.

— Зато этой глиняной твари хоть бы что! — Соня сплюнула. Но отступать перед противником, сколь бы могущественным и неуязвимым тот ни казался, было не в ее привычках. Она посмотрела на веревку, которой обвязывал ее Лобор, сняла ее с пояса и задумчиво покрутила в руках. — Пошли со мной! — крикнула она аргосцам. — Надо покончить с этим ублюдком!

Неожиданно подал голос Хубартис:

— А какой в этом смысл? Пусть себе остается на Ос-Льерро! Кому он тут повредит, этот глиняный болван?

Но рыжеволосая воительница упрямо тряхнула головой.

— Нет, сотник, ты ничего не понял! Шемит для того и сотворил этого истукана, чтобы не оставаться на Ос-Льерро. У него не было иного способа вытащить отсюда своего демона-покровителя, кроме как поместить его в тело, неуязвимое для наложенного на него заклятья. Если мы не остановим его, он найдет возможность перебраться на материк. А там демон вырвется на свободу... И, клянусь, даже пикты покажутся сущими детьми перед этой кровожадной тварью. Тогда нам будет с ним не справиться. Это наш единственный шанс!

Они обошли горящие деревья стороной и вышли за спину Офалусу. Подойдя к краю площадки, Соня смерила глазами высоту ближайшего дерева и забросила веревку на верхнюю ветвь, так что конец ее доставал до земли.

— Найдите бревно! — велела она аргосцам. — Можно валун, что угодно. Мы соорудим таран и столкнем монстра в воду!

Поблизости как раз нашлось подходящее дерево, поваленное бурей. Лобор с двумя воинами подтащили его к Соне и обвязали свободным концом веревки. Девушка быстро сделала еще одну петлю и укрепила ее на втором конце бревна.

— Всем отойти назад! — крикнула она. — А теперь толкайте! Раскачивайте таран! Да посильнее!

Пять человек толкнули бревно вперед, отошли назад, снова подтолкнули и стали направлять таран на Офалуса.

— Все! Хватит! — крикнул Десмос.

Соня отскочила назад и вытащила меч.

— Качните еще! — приказала она.

Бревно пролетело вперед, потом назад, и Соня ударила мечом по веревке.

Таран стремительно взлетел в воздух, описал дугу и комлем мощно ударили по скале.

Офалус повернулся на звук.

Бревно с грохотом опрокинуло скалу, колоссальный камень развернулся и ударили по глиняному чудовищу с невероятной силой. Истукан рухнул на землю.

— Упал! Упал! — радостно закричала Соня. — Будь ты проклят, Атхари, упал!

Но вот он зашевелился, начал искать точку опоры. Потом, ко всеобщему ужасу, в огромной голове открылась щель, и Офалус громовым голосом взвыл:

— Аркату!

Люди ахнули от ужаса. Земля содрогнулась, словно сама земная твердь принимала участие в судьбе и гибели Офалуса. В этот же миг лесной пожар вспыхнул с новой силой, будто раздуваемый сверхъестественным образом.

Бревно с грохотом упало вниз и раскололось. То же самое произошло и с Офалусом: сначала отвалилась голова, но руки еще продолжали шевелиться, и огромные ноги дергались в полыхающем пламени.



Соня бросилась вперед, следом за ней все остальные. Хубартис кликнул своих людей.

Раздался мощный всплеск: это нога Офалуса упала в пруд, потом рука, и вот все глиняное существо целиком исчезло под водой, подняв такое облако брызг, что подножие водопада пропало из виду.

Соня наблюдала за гибелью монстра вместе со всеми. Наблюдала и ждала. Прошло несколько мгновений, но чудовище так и не всплыло на поверхность.

— Мы победили! — торжествующе вскричала Соня.

Однако лесной пожар набирал силу. Поднявшийся ветер гнал пламя во все стороны, языки его уже достигали площадки, где собирались потрясенные аргосцы.

— Смотрите! — крикнул Десмос. — Огонь совсем близко!

— Быстро уходим отсюда! — приказал Хубартис. — Все, все уходим! Вперед к кораблю, и как можно скорее!

\* \* \*

Далеко на севере, на широких водных просторах, появилось яркое алое пятно: это пожар уничтожал лес на острове Ос-Льеरро. Соня и Десмос наблюдали за огненной стихией с палубы «Харсбула».

Казалось, горел весь остров целиком, и будет гореть всю ночь, весь следующий день и еще день, и еще ночь.



Все, кто принимал участие в недавних событиях, столпились у поручней и наблюдали за гибелью острова. Однако корабль стремительно шел к аргосским берегам, удаляясь от проклятого Ос-Льеरро, и вскоре на горизонте осталась лишь красная точка. Огненный алтарь, на котором в жертву кровавым древним богам было принесено все живое...

С Офалусом было покончено навсегда. А демон Ордру, если и уцелел — Соня не знала, способно ли пламя уничтожить его, — то, по крайней мере, можно было надеяться, что новый освободитель приплывет к нему очень и очень нескоро.

— Полагаю, — обратился Хубартис к своему товарищу по оружию, — теперь мы можем вернуться в крепость. Все кончено.

— Хотел бы я знать это наверняка, — пробормотал Лобор. — Но объяснения, которые нам придется давать при дворе, пугают меня не меньше, чем любое сражение!

Десмос сжал кулаки.

— Боги, а как же остальные обитатели острова? — тихо проговорил он.

Они с Соней не сводили глаз с горизонта. А потом, не говоря ни слова, разошлись по каютам. Долгий, крепкий сон, свежая одежда и сытный обед после всех переживаний, смертельных опасностей и лишений были необходимы им сильнее всего.

Наступила ночь и вышла полная луна. Ее серебряный диск тихо катился по пурпурному не-

бу, заливая мертвенным светом призрачные тени облака. «Харсбул» шел под парусами на север, к берегам Аргоса.

Десмоса мучили кошмары, он дважды просыпался от страха весь в поту, вскрикивал и глядел на свои руки, словно ожидал увидеть на них кровь убиенного брата.

А Соня спала крепким, полноценным сном воина, принимающего как должное все безумства и жестокости этого мира, сном человека, умеющего справляться с любыми опасностями и радоваться всякой передышке на трудном, полном опасностей пути...

\* \* \*

Утомленные воины вкушали заслуженный отдох, и сотник Хубартис от души завидовал товарищам: их сражение было позади, его же — только начиналось. На широком пергаменте ему предстояло изложить все подробности прошедшего для начальства в Мессантии.

Он работал до самого рассвета: подробное описание событий каждого дня, полный список всех принимавших участие в боях, с обязательным указанием имени, воинского звания, должностных обязанностей. Количество убитых в каждом сражении, обстоятельства смерти каждого ссыльного, подробности пожара, уничтожившего Остров. Сколько погибло преступников? Все, конечно. Никаких сомнений не может быть...

На отдельном листе предстояло записать замечания его товарищей, с изложением всех сопут-

ствующих обстоятельств, относящихся к делу, с непременным указанием имени, наложением печати, а также...

Хубартис опустил перо в чернильницу, написал еще пару строк, потом вычеркнул написанное и начал снова. И еще раз.

Исписанные листы пергамента громоздились у него на столе. Как, какими словами передать весь этот кошмар? Как описать невероятное, сверхъестественное происшествие? Сопутствующие обстоятельства...

Ха! Он мог бы записать все, что случилось, на отдельном листке, а потом, в Мессантии, решить, подавать это начальству или же порвать. А эти «обстоятельства» изложить устно кому-то из вышестоящих. Пусть сами решают, давать ход этому безумию или нет...

От усталости сотник вовсю начал клевать носом. Лампа догорела, перо выпало у него из рук, мерное покачивание галеры усыпило храброго воина. Он настолько устал, что спал без всяких сновидений.

\* \* \*

Соня согласилась вернуться в Мессантию на борту «Харсбула» вместе с Десмосом и Хубартисом, хотя и сказала им обоим, когда корабль наконец вошел в мессантинскую гавань:

— Я не пойду с вами во дворец, и не пытайтесь меня уговорить. Скажите им, что я погибла или бежала с корабля. Скажите им это. Я отказываюсь подвергаться допросу.

Хубартис растерялся от этих слов, он не знал, как ему поступить. Но перед настойчивостью Сони ему пришлось отступить. Однако Десмос не терял надежды заставить ее переменить свое решение.

— Ты напрасно упрямишься! Видят боги, я понимаю, что тебе не хочется объясняться с нашими чиновниками — да ты и не обязана это делать! У тебя были свои причины побывать на Ос-Льерро, и я не спрашиваю тебя о них, мне довольно и того немногого, что ты сама пожелала рассказать. Но почему не отправиться со мной? Немного отдохнуть в нормальной обстановке, пожить спокойной жизнью... Сколько можно бродяжничать с мечом в руке, каждое мгновение ожидая нападения?!

Соня пристально посмотрела на собеседника.

— Хочешь соблазнить меня прелестями столичной жизни, Десмос? Не пытайся! Я отведала ее сполна — и она меня не прельщает. К тому же я не хозяйка своей судьбы, у меня есть обязательства перед другими людьми.

— А, — припомнил вельможа, — ты говорила, кто-то нанял тебя, чтобы отправиться на Ос-Льерро? Но разве этот человек живет не в Мессантии?

Соня засмеялась. Непонятно почему, но королевский судья был готов пуститься на любую хитрость, лишь бы подольше удержать ее рядом с собой. Подобное внимание льстило, но оно было Соне совершенно ни к чему. Если Десмос питает какие-то надежды, увы, его ждет разочарование. Однако упоминание об аргосском нанимателе

всколыхнуло в душе недобрые чувства. Странно, за всеми треволнениями последних дней она едва не забыла о графе Галиано, а ведь это он стоял за всей этой историей! Она не может вернуться в Логово Белой Волчицы, пока не узнает все до конца!

— Хорошо, — произнесла она медленно. — Признаю твою правоту, Десмос, и благодарю за любезное приглашение. Мне и впрямь не помешает отдохнуть несколько дней перед дорогой. Однако, прости, но не в твоем доме. Я не привыкла злоупотреблять гостеприимством друзей. Лучше сниму комнату на постоялом дворе. Но мы обязательно встретимся...

\* \* \*

Перед тем как сойти на берег, Рыжая Соня дружески распрошлась со всеми воинами. Теперь их связывали общие воспоминания, пролитая кровь... Это было истинное братство, которое не забывается. Так она и сказала им.

— Возможно, нам еще доведется встретиться! — Лобор дружески обнял ее за плечи. — Проклятые пикты подбираются все ближе к границам Аргоса! Нам пригодились бы такие бойцы, как ты!

Хоть кто-то в этой стране верил, что угроза реальна! Хотя Соня дорого отдала бы за то, чтобы опасения ее никогда не подтвердились.

— Да будет меч твой острый, а рука твердой! — пожелала она воину. — И да будут боги милосердны к тебе в битве!

На берег Соня сошла вместе с Десмосом и Хубартисом, но сотник вскоре поспешил распрошаться: ему не терпелось разделаться со всеми формальностями во дворце и скорее вернуться в свою крепость. Галера должна была ждать его у причала.

— Да хранит тебя Митра, красавица! — пожелал ей воин. — Мы все в неоплатном долгу перед тобой!

— Благодарю тебя, Хубартис. Да снизойдет на тебя благословение богов!

Сотник бросил на нее долгий взгляд, словно намереваясь сказать еще что-то, но вдруг развернулся и решительно зашагал прочь. Вскоре он уже скрылся в толпе.

— Бедняга! — вздохнула Соня, глядя ему вслед.

Десмос в недоумении воззрился на воительницу.

— Ты жалеешь его? Почему?

— Разве ты не понимаешь? Он прекрасный человек, сильный, свободный. Ты же видел его в деле... И мне от души больно видеть его сейчас, какой он стал приниженный и жалкий в предвкушении свидания с вашими дворцовыми холуями. Ему бы вести в бой отряд вольных бойцов — а вместо этого он тащится, как покорный пес, лизать сапоги всевозможным придворным советникам, ни на медную монету не смыслящим в военном деле. Ты не хуже моего знаешь, через что ему предстоит пройти. Они начнут терзать его, донимать распросами, жарить, как поросенка на вертеле. Весь его героизм они превратят в пшик, назовут ненуж-

ной бравадой и недостойным поведением. Постараются принизить его заслуги, докажут, что он нарушил множество правил и предписаний, принял неправильные решения, и еще невесть что. А ведь он сильный, самостоятельный человек. Так почему же — проклятье! — он позволяет, чтобы его унижали эти лизоблюды, почему он подчиняется чьей-то чужой воле? Нет, я этого не понимаю! После всего, что он сделал, почему он по собственному желанию возвращается в мир, который постарается высосать из него всю кровь, низвести до собственного жалкого уровня? Почему? Зачем мужчина соглашается, чтобы его допрашивали, чтобы им командовали, вынуждали писать нелепые отчеты, даже подвергали наказаниям?

— Ты действительно так ненавидишь городскую жизнь, Соня? — добродушно улыбнулся Десмос.

— Что? Города? Нет, я люблю города. И в городе можно чувствовать себя свободным, если сам желаешь этого.

— Но ведь жизнь невозможна без установленных законов и ограничений.

— Вот этого я никогда не могла понять.

— Но тем не менее ты сама знаешь, что такое долг, правила и порядок. Иначе ты не смогла бы сражаться!

— Я сама себе устанавливаю законы, Десмос. Но никому другому не позволю этого делать.

— Пошли прогуляемся, — предложил он. — У меня есть немного свободного времени. Раз уж ты не хочешь стать гостьей в моем доме...

Они шли по залитой солнцем мощеной улице.

— Между прочим, у Хубартиса есть архивы при дворе,— продолжал Десмос.— Так что его не будут особо терзать расспросами. Он сумеет настоять на своем и не даст сбить себя с толку. Так что, возможно, жалости достоин совсем не он...

— Вот как? — Соня подняла бровь.— А кто же тогда?

Вельможа повел плечами.

— Ты не хочешь признавать этого, но жизнь обычных людей имеет куда больше преимуществ, чем такое ненадежное, подверженное всяческим превратностям существование, подобное твоему. Не слишком ли высокую цену ты платишь за так называемую свободу?

На лице воительницы отразилась досада.

— Никакая цена не может быть слишком высока за то, чтобы жить так, как тебе хочется, и самому быть хозяином своей судьбы. Вы все давно забыли, что это такое — свобода. Неудивительно, что никто не желает ее!

Смущенный ее горячностью, Десмос примиряюще поднял руки.

— Не будем ссориться. Мне не хотелось бы потерять тебя так глупо после всех пережитых испытаний. Поверь, я слишком уважаю тебя...

Выразительный взгляд его карих глаз говорил не только об уважении... но Соня предпочла не обращать на это внимания. Сейчас ее занимали совсем другие мысли. А любовь... Что ж, Десмос забудет ее через пару лун, полюбит кого-то еще,

а потом еще и еще. Так всегда бывает. Любовь — самая зыбкая и ненадежная ценность в этом мире. Уж Соне ли этого не знать!

Поболтав еще немного ни о чем, они расстроились посреди улицы, у входа на постоянный двор, где Соня намеревалась остановиться, пока не завершит все дела в Мессантии. Они с Десмосом договорились, что он зайдет к ней попрощаться через пару дней на закате солнца. Девушка обещала ждать.

\* \* \*

Два дня пролетели незаметно в постоянных и не слишком приятных хлопотах. Когда Десмос появился на пороге обеденной залы, где они условились встретиться с Соней, он не сразу заметил ее в шумной разномастной толпе.

— Как ты можешь здесь находиться? Весь этот шум, грязь...— Вельможа брезгливо отодвинулся от какого-то моряка в распахнутой до пупа рубахе, оравшего разухабистую песню. Соня равнодушно пожала плечами.

— В Логове, где я живу обычно, ничего подобного нет. Там все тихо, уединенно... и очень серьезно. Иногда мне не хватает всего этого. Впрочем, едва ли ты меня поймешь.

Как никогда остро Десмос ощутил, какая пропасть разделяет его, холеного придворного, и эту независимую, отважную девушку. На миг в нем вспыхнула зависть, желание бросить все и последовать за ней — куда бы ни завела его эта дорога... Но он тут же опомнился. Еще два дня назад, под

воздействием всего пережитого на Ос-Льерро, возможно, он и был способен на нечто подобное, но теперь привычная жизнь брала верх. Он вновь превратился в преисполненного достоинства королевского судью, каким был всегда, и в жизни его не осталось места безумию. Может, оно и к лучшему, что Рыжая Соня уезжает...

— Ну, как твои дела? — спросил он ее, жестом показывая служанке, чтобы им принесли выпить.— Встретилась со всеми, с кем хотела?

Девушка покачала головой.

— Прах и пепел! В том-то и беда, что нет. Этот ублюдок Галиано — пропал! Я явилась к нему вчера утром, мне сказали: уехал и неизвестно, когда вернется. Я пыталась подкупить слуг, чтобы узнать, куда сбежала эта крыса, но они то ли слишком боятся его, то ли действительно ничего не знают...— Она в задумчивости сделала глоток вина.— По правде сказать, я не знаю, что и делать. Мне необходимо отыскать его!

— Галиано? — Десмос был удивлен.— Ты говоришь о *графе* Галиано?

— Да, а что в этом особенного?

Королевский судья поджал губы.

— Опасный человек. Мы давно подозревали его в связях с чернокнижниками, но этот лис слишком хитер, чтобы его уличить.

Соня задумчиво кивнула.

— Хитер, это точно. Даже меня, сказать по правде, он обвел вокруг пальца. Заставил сунуться в ловушку, а я даже ничего не заподозрила.— Губы Сони суроно скались.— Но пусть не надеет-

ся — ему это с рук не сойдет! Клянусь Великой Матерью, я отыщу его хоть под землей, хоть на дне морском! Он ответит за всех погибших на Ос-Льерро!

И такая яростная уверенность была в ее словах, что на миг вельможа почувствовал облегчение — значит гнев воительницы направлен не на него. Ему бы не хотелось иметь ее своим врагом!

— Что касается того, где искать Галиано,— заметил он мягко,— то, возможно, на дно моря тебе нырять не придется. Скорее всего, он отправился в Пуантен. Там у него родня, он часто бывает у них. Нет...— Он поднял руку, заметив, что Соня уже готова вскочить и тут же отправиться за графом в погоню.— Погоди! Он подданный Аргоса, в конце концов! Королевское правосудие тоже на что-то существует, и ты не имеешь права...

Соня зло рассмеялась.

— Вот, так всегда! Каждый мужчина, который встречается мне на пути, рано или поздно принимается указывать, как себя вести, что делать, на что я имею и не имею право. Нет, Десмос. Я уважаю тебя. Ты умный, справедливый человек. Но ты мне не закон! Как и для тебя не было закона, когда ты собственными руками зарубил Бетоса, своего брата.— При этом напоминании кровь отхлынула от лица вельможи, но Соня, не обращая внимания на то, какую боль причинили ее слова, неумолимо продолжала: — Нет. Нет. Я сказала тебе и готова повторять снова и снова: я сама себе закон и правосудие. Галиано обманул



меня, послал на верную смерть, вместе с десятками других ни в чем не повинных людей. И он ответит за это. И не перед каким-то там королевским судом, который можно подкупить, улестить, запугать. Нет, он ответит перед судом богов!

Потрясенный, Десмос долго не мог вымолвить ни слова, а затем поднял взор на разгневанную воительницу.

— Ты так легко судишь о богах, Рыжая Соня. Но имеешь ли ты право говорить от их имени?

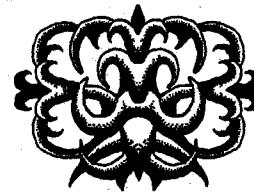
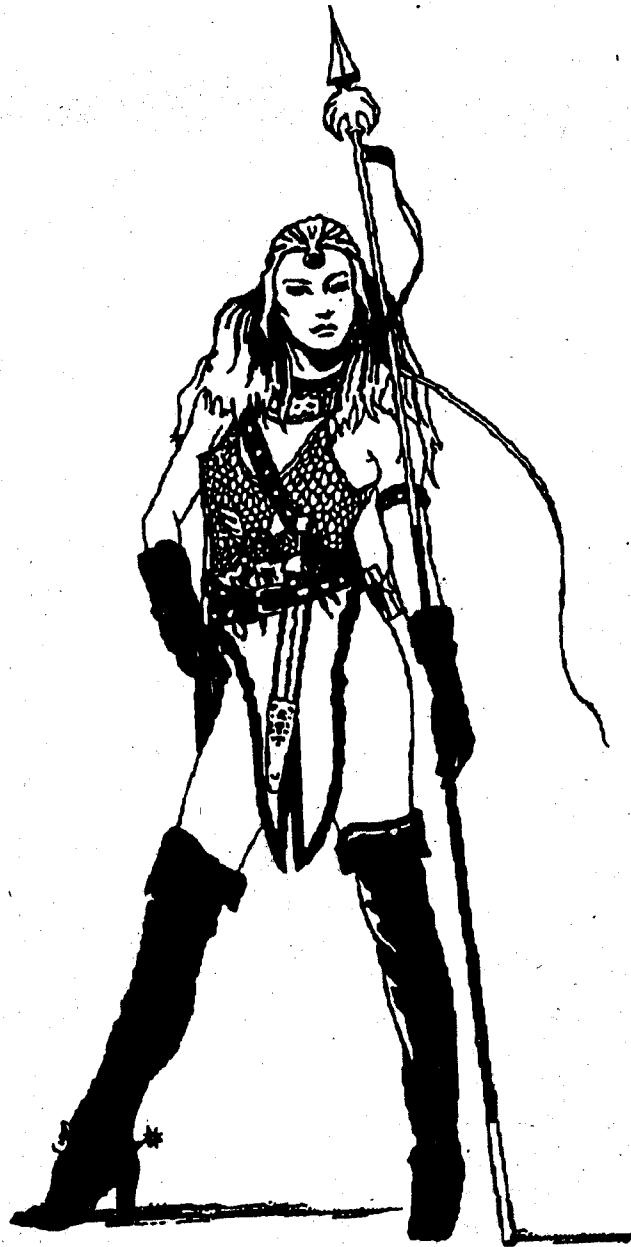
Долгое молчание было ему ответом. И королевскому судье показалось, что на миг глаза девушки вспыхнули странным янтарным огнем, когда с уст ее наконец сорвалось единственное короткое слово:

— Да.

\*\*\*

Этот остров располагался к югу от побережья Аргоса, в нескольких днях пути от Мессантии. Когда-то он имел название, но люди давно позабыли его, и все прибрежные жители называли его Ос-Льерро, то есть Проклятый Остров, или еще короче — просто Остров. К нему не приставали торговые суда, и военные галеасы теперь тоже не приближались к нему. На Ос-Льерро больше не было жителей — ни постоянных, ни ссыльных преступников. Вообще ни единой живой души. Только обугленные головешки, да почерневшие от копоти камни, следы смерти и разрушения...





лу-ушай! — Голос звучал глухо, будто кричавшему пытались заткнуть рот подушкой. Перед рассветом туман сгустился настолько, что пламя факелов поникло. Они почти ничего не освещали, лишь заставляя туман опалово светиться. Время от времени в этом свечении вспыхивали и тут же гасли маленькие разноцветные радуги. О палубу то и дело ударялись капли, это стекала вниз влага, осевшая на парусах и канатах. Настоящему моряку всегда тревожно в тумане, если, конечно, он не последний дурак. Капитан Реф дураком вовсе не был и потому принял все меры, чтобы избежать возможных опасностей. Паруса убрали, и корабль дрейфовал, почти не двигаясь с места, ожидая, пока наступит утро. Четыре матроса были посланы наблюдателями на нос, корму и оба борта «Шалуны», большой купеческий караки, шедшей из Мессантии в Кордаву с грузом вин, тканей, изделий из железа, а также двумя дюжинами пассажиров. Наблюда-

тели надеялись главным образом на слух, а не на зрение, почти бесполезное в этой густой, молочно-белой пелене.

— Слу-ушай! — снова выкрикнул капитан, и четыре голоса вразнобой отзывались ему:

— Слушаю!

В этих местах действительно не мешало держать ухо востро: по правому борту где-то совсем недалеко прятались во тьме Барахские острова: место, которое издавна облюбовали для своей стоянки пираты, бороздившие Западное море на узких, быстроходных галерах. Может, лучше погасить факелы? Капитан Реф оглянулся на корму. Пожалуй, в этом нет необходимости: до кормовой надстройки десятка два шагов, не больше, а их свет, поглощенный туманом, почти не виден. Капитан подошел к борту, облокотился на ограждение, сплюнул волны, невидимо разбивавшиеся о доски обшивки. Когда он наклонил голову, с капюшона накидки на руки упало несколько капель влаги: ткань отсырела в эту холодную и туманную ночь. Осень, подумал капитан. Скоро начнет штормить. Вернусь в Мессантию и поставлю «Шалунью» в док до весны. Надо почистить днище от водорослей, проверить обшивку. Наверняка часть ее придется поменять: корабль уже не такой новый. Капитан принялся высчитывать, во сколько может обойтись ремонт корпуса и к кому из подрядчиков выгоднее обратиться. Внезапно раздался оклик матроса, наблюдавшего за правым бортом:

— Э-хой, слышу весла!

Капитан направился к вахтенному. Теперь он и сам услышал протяжный скрип уключин, мерный плеск многочисленных весел, шипение воды, разрезаемой носом чужого корабля. Уходить не имело смысла, сейчас самым важным было избежать столкновения, крушения, гибели...

— Эй, отворачивай! Бери влево! Отворачивай! — заорал капитан что было сил. Из туманной тьмы донесся стук весел — их вынимали из воды и укладывали вдоль борта, но на оклик так никто и не ответил. А в следующий момент капитан и дозорные увидели, как темнота возле правого борта стала сгущаться, принимая очертания гигантской головы, увенчанной гребнем. Чудовищная зубастая пасть, глаза, блестящие, точно осколки зеркал... Митра благодатный, да это же просто носовое украшение корабля! Но это кто угодно, только не бараханцы... Драконъ морда беззвучно и медленно двигалась вдоль самого борта «Шалуны». Казалось, она презрительно косится на растерянных и испуганных мессантийцев с высоты в полтора человеческих роста. Голова дракона слегка покачивалась в такт плеску волн. Напрягая зрение, капитан различил низкий, локти на полтора ниже, чем у «Шалуны», борт, какие-то округлые предметы, расположенные вдоль него, точно драконъ чешуя. Щиты? А туман возле чужого борта уже сгущался во что-то высокое, темное, причудливой формы. Мачта? Нет, форма другая. Вдруг капитан в ужасе подался назад: в свете факела он разглядел грозно воздетую над ними когтистую лапу. Лапа была исполинских

размеров, вполне под стать драконьей голове. Раздался глухой звук, точно топором ударили по канату, лапа качнулась и устремилась вниз, к палубе «Шалуны».

— А-а-а! — раздался крик кого-то из вахтенных, а мигом позже железные когти с оглушительным грохотом опустились на палубу, пробивая ее насеквоздь, разбрасывая вокруг обломки досок.

Капитана отшвырнуло к мачте. Падая, он сломал себе шею и уже не увидел, как на палубу его корабля ворвались яростно ревущие коренастые фигуры в рогатых шлемах, в кольчугах поверх кожаных и меховых одеяний, с короткими, тяжелыми мечами в руках.

— Ваниры! — истошный вопль кого-то из матросов тут же потонул в хриплом реве нападающих, в звуках глухих ударов, в топоте ног и тяжелом свистящем дыхании...

\* \* \*

До утра оба корабля покачивались на волнах борт о борт, намертво сцепленные вместе абордажным трапом — длинным мостиком, который можно было подымать вертикально, а затем обрушивать с борта пиратского корабля на палубу его жертв. Мостик был снабжен железными коваными когтями в руку длиной. Эти когти врубались в доски чужой палубы, крепко соединяя корабль-охотник и его жертву. «Морской Дракон» имел два таких мостика. Они располагались симметрично с правого и левого борта, позади увен-

чанного драконьей головой носа и казались лапами морского чудовища: корабельный плотник специально придал им такую форму. Сейчас правая лапа корабля-дракона была воздета к небу, а левая, опущенная, держала в своих железных когтях добычу.

Владел кораблем Грейп из Йомса, по прозвищу Крысиный Нос, — крепкий детина, в драке стоявший по крайней мере двоих бойцов. Кроме того, он был очень хитер, проницателен и воистину неистощим на воинские выдумки. Нос его сильно выдавался вперед, подбородок же, наоборот, был скошен назад, чего не могла скрыть даже окладистая белокурая борода. Бойцы, сражавшиеся под его знаменем, говорили: «Грейп своим крысиным носом чует опасность за целую лигу. А уж добычу — лиг за пять, не меньше!» Команду «Морского Дракона» составляли ваниры с северного побережья, из округа Йомс, по большей части люди знающие что почем, опытные и в морском деле, и в бою. Все они были земляками, а многие даже родственниками, так что на врага шли плечом к плечу. Мало кто мог устоять против их удара, тем более что в команде имелись еще и двое бересайков, наводивших непреодолимый ужас на врагов. Во время боя эти люди приходили в яростное исступление, выли, как дикие звери, беснуясь, грызли край своих щитов. Двигались бересайки с неописуемой ловкостью и скоростью.

Остаток ночи ушел на то, чтобы опустошить трюм захваченного корабля. Воины с веселыми возгласами и шутками таскали тюки с дорогим

вендийским шелком и тонким сукном из Турана, с грохотом катили по палубе бочонки с вином. У нескольких бочонков тут же были выбиты днища, и ароматная влага, драгоценное вино из Офира, которое даже аристократы не могли позволить себе пить часто, вино, имеющее запах и цвет лепестков роз, моментально исчезло в луженых ванирских глотках. Пираты черпали вино из бочонков своими рогатыми шлемами, пили его, жадно глотая и обливаясь, как привыкли пить свое кислое пиво.

Когда солнце, выглянув из-за горизонта, разогнало своими лучами туман и осветило морскую гладь, разграбление корабля продолжилось. Из капитанской каюты вытащили одежду, сундучок с судовой казной, морские карты, из камбуза — котлы, кастрюли и сковороды. Пираты не оставили без внимания пилы, молотки и луженые гвозди, не поддающиеся ржавчине. Быстро опустошили провиантский склад... Когда же ваниры принялись таскать паруса и канаты из парусной кладовой, расположенной на носу судна, случилось одно странное происшествие. Нефф и Орефф, два брата-погодка, ухватили большой тюк парусины, лежавший возле дальней переборки и уже собирались тащить его к выходу, как вдруг из-за тюка выскочил человек. Видимо, он спрятался там во время ночной резни. Нефф и Орефф в изумлении разжали руки и выпрямились. Потолок парусной кладовой был очень низок, а оба брата — детины весьма рослые, и потому они чувствительно ударились макушка-

ми о доски. Человек не стал дожидаться, пока братья опомнятся и схватят его. Мгновенно перепрыгнув через тюк, он змеей скользнул между ними и устремился на палубу. Яростно взревев, братья кинулись вслед за ним.

— Держи! Держи южанина! Кишки ему выпустить!

Сотня человек гонялась по тесной палубе за одним-единственным, но незнакомец оказался так быстр и увертлив, что схватить его никак не удавалось. Однако долго это продолжаться, разумеется, не могло. Деваться беглецу было некуда, разве что за борт, в холодную осеннюю воду. Похоже, он и сам понимал это. Взбежав на кормовую надстройку и успев пнуть прямо в лицо первого из преследователей, так что тот кубарем покатился с лестницы вниз, беглец перемахнул через ограждение и прыгнул в сторону мачты. Его гибкое тело мелькнуло над головами изумленных ваниров. Следовало ожидать, что прыгун расшибется о доски палубы, но этого не произошло. Каким-то чудом он сумел ухватиться за канат и повиснуть на нем. В следующий момент смельчак уже карабкался на самую верхушку мачты, проявляя поистине кошачью ловкость. Ваниры, пораженные увиденным, молчали, и лишь тот воин, что получил удар в лицо, ругался себе под нос да сплевывал на палубу сгустки крови.

— Эй, долго будет продолжаться этот балаган? — раздался зычный, точно боевая труба, голос Грейпа Крысиного Носа. Капитан неторопли-

во прошагал по абордажному мостику и остановился неподалеку от мачты.

— И кто же это прячется от нас на мачте? — сказал капитан и, перейдя на зингарский, прокричал:

— Эгей, ты сам слезешь, или мне взять в руки лук? Клянусь морскими демонами, больше одной стрелы мне не потребуется!

Сидевший на мачте хранил молчание. Грейп повторил свою фразу на аргосском, затем — на ломаном шемитском. Незнакомец не отвечал.

— Стигиец он, что ли? — проворчал капитан. — Эй, позовите-ка сюда старого Орма, пусть он попробует поговорить с южанином.

— Да чего с ним говорить, с этим сыном кабана и собаки? — прорычал воин с разбитым лицом. — Убить его, и все тут! Дайте же мне лук!

— Нет! — твердо ответил Грейп. — Он мне понравился. Настоящий храбрец! Жаль, что это не ванир, а то бы я с ним подружился.

— Кто тебе сказал, что я не ванир? — раздался с мачты звонкий голос, говоривший на одном из наречий южного Ванахейма, впрочем, вполне понятном для ушей уроженцев Йомса.

— Смотрите-ка, наша птичка зачирикала! — обрадовался Грейп. — Эй, слезай наконец вниз, не тронем!

— Обещаешь? — спросил незнакомец.

— Обещаю, не будь я Грейп, сын Гурна!

Несколько мгновениями позже смельчак спустился с мачты на палубу. Взглянув в лицо своего пленника, Грейп вдруг захотел.

— А ну-ка, сними свою шапку!

Человек, стоявший возле мачты, потянул завязки и сдернул с головы морскую шляпу с широкими, ниспадающими на плечи полями. Ваниры изумленно загомонили: это оказалась девушка, статная и гибкая. Рыжие волосы в беспорядке рассыпались по плечам, прядями свисали на лицо, чуть тронутое веснушками. Глаза были большие, зеленые и немного диковатые. Ярко-красные губы упрямо сжаты. На вид девушке исполнилось лет пятнадцать-шестнадцать, может чуть больше.

— А ведь ты и верно ванирка! — внимательно взглянувшись ей в лицо, провозгласил Грейп. — Похоже, ты из рыжих ванов, что живут в горах на границе с Киммерией. Только, знаешь ли, у ванирской девушек нет обычая ходить в мужской одежде!

— Хороша бы я была, если бы полезла на мачту в юбке, — хмуро откликнулась незнакомка.

— Девушкам из Ванахейма не приличествует и лазать по мачтам, — поучительно продолжал Грейп. — Они известны своей скромностью, благонравием, так же как мужчины из Ванахейма — храбростью и неукротимостью в бою.

— А как же тогда Ронда? — спросила девушка, и предводитель не нашелся, что ответить.

— Эге, ты знаешь песнь о Ронде? — раздался звучный голос. — Теперь и я уверился в том, что ты действительно родом из Ванахейма... А ну-ка, пропустите...

Воины расступились, освободив путь высокому, осанистому старику с серебристо-белой бородой,

дой и такого же цвета волосами, ниспадавшими на плечи. В отличие от остальных, он был облачен в светлые льняные одежды, на нем не было ни кольчуги, ни шлема, оружия у него тоже не было.

— Как тебя зовут, дитя? — Серо-стальные глаза старика внимательно смотрели на девушку.

— Соня, — ответила девушка.

— Это не наше имя! — выкрикнул один из воинов, тот самый, что получил удар в лицо. — Эта рыжая стерва выучила где-то наш язык и теперь морочит нам головы! За борт ее! За борт южанку!

Толпа всколыхнулась, зароптала, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы ропот не перекрыл еще один голос: скрежещущий, жуткий, как карканье гигантского ворона:

— Эй, Гронни, ты хочешь воевать с женщинами? Трус, ты даже для этого не годишься! Ублюдок, сын собаки! Иоу-у, ты сегодня уже получил пинка от женщины, так, может, теперь хочешь отведать доброго мужского тумака? Ар-р!

Вокруг выкрикивавшего эти слова тут же образовалось пустое пространство: воины шарахнулись от него во все стороны. Лицо странного человека было искажено, ноздри свирепо раздувались, а в глазах плескалось безумие.

— Эй, Корк, успокойся! — поспешил вмешаться капитан Грейп. — Конечно же, Гронни — дурак. Но не стоит убивать дурака, достаточно посмеяться над ним. Корк, смейся! Смейся вместе со мной! Ха-ха-ха-ха!

Рокочущий смех капитана разнесся далеко над волнами. Корк вздрогнул и растерянно огляделся. Казалось, он забыл, где находится и что с ним происходит. Потом он тоже засмеялся: вначале неуверенно, а затем все громче и громче. К этому смеху присоединился еще один ванир, затем — еще, и вскоре хотела уже вся команда. Тем временем стариk приблизился к девушке.

— Кажется, удариив Гронни, ты приобрела себе врага, — сказал он. — Но зато у тебя появился и могучий защитник — Корк.

— На вид он не очень-то могучий, — пожала плечами девушка. — Правда, ваши воины явно опасаются его.

— И не случайно, — ответил стариk. — Ведь Корк — бересайк.

— Воин-безумец?

— И это ты тоже знаешь. Ты назвала свое имя...

— Соня.

— Ну а меня зовут Орм. Однако Гронни прав: Соня — не ванирское имя.

— Я выросла в Туране.

— Понятно. А откуда ты знаешь песнь о Ронде?

— От матери... Она много рассказывала мне о родных местах.

— Понятно. Соня, Соня... Может, Сана? Жену Улфа-воителя звали Саной.

— ...Хей! — кричал тем временем Грейп. — Вы что-то разленились! А ну, быстрее забирайте, что еще осталось ценного на этой груде старых до-

сок и возвращайтесь на борт «Дракона»! Живо, живо!

\* \* \*

«Дум-м!.. Дум-м!.. Дум-м!.. Дум-м!..» Мерные, гулкие удары барабана разносились над морем, задавая ритм гребцам. Барабан представлял собой огромный медный котел, верх которого был затянут бычьей шкурой. Бить по ней полагалось увесистой дубинкой. В такт барабанному бою подымались и опускались весла. Тридцать два гребца — по шестнадцать с каждого борта — наклонялись вперед и выпрямлялись, ворочая тяжелые весла, наклонялись и выпрямлялись... Перед барабанщиком стояли большие песочные часы, отмерявшие время работы гребцов. Когда последние песчинки пересыпались из верхней части стеклянного сосуда в нижнюю, барабанщик перевернул его и отдал команду, по которой гребцы встали со своих скамей и поменялись местами. При работе с веслами больше устает та рука, которая находится дальше от борта. Чтобы нагрузка была равномерной, гребцы время от времени меняли борт. Барабанщик возобновил удары. И снова весла подымались и опускались, двигая вперед корабль. Х-ха... Х-ха... Х-ха... Х-ха... — слышалось тяжелое дыхание гребцов. Это была нелегкая работа. Гребцы вытирали потные лбы и все чаще поглядывали на струйку песка, отмерявшую время. Когда верхняя часть сосуда из толстого зеленоватого стекла опускается, за весла сидят другая смена. Но песоксыпался так мед-

ленно... Бил барабан, шипели волны, разрезаемые носом корабля. «Морской Дракон», мерно ударяя по воде веслами-плавниками, неутомимо двигался на юго-восток. Глаза «Дракона», сделанные из двух овальных зеркал, отражали подымающееся солнце.

Капитан Грейп внимательно осматривал горизонт. Вдруг он насторожился и, прищурив глаза, уставился в какую-то точку, заинтересовавшую его.

— Саня! — позвал он. — Саня!.. Эй, где эта девчонка?

Соня находилась на носу корабля. Она стояла под драконьей головой, ухватившись за ее «шею», и неотрывно смотрела в темную воду, колеблемую медленной пологой зыби. Девушку настолько поглотило это занятие, что она, казалось, не замечала ничего и никого вокруг. Грейп подошел к ней, хлопнул по плечу... и едва успел увернуться от крепкого кулака, удар которого был нацелен ему в лицо.

— Тише ты, рыжая кошка!

— А чего ты пугаешь? Подкрался...

— Так ты, значит, с перепугу ударила? — улыбнулся Грейп. — Молодец. Это говорит в тебе ванирская кровь. Южанин, испугавшись, пытается убежать, а ванир — ударить. Но я хочу поговорить с тобой не об этом. Видишь, во-он там, по левому борту, виднеется горная вершина. Можешь ли ты сказать, что это за земля?

— Могу, — ответила девушка. — Это один из островов Барахского архипелага.

— Барахского..? — задумчиво протянул капитан.— Не на нем ли расположены стоянки пиратов?

— Верно. Сама я там не была, но слышала много рассказов об этих местах. Люди говорят, что на Барахских островах пираты выстроили целые города — с верфями, доками, тавернами и игорными домами. А бухты и проливы защищены так хорошо, что даже зингарский флот не рискует входить в них. Пиратские города существуют уже много сотен лет. Они упомянуты еще в легендах о Конане...

— Угу,— кивнул капитан, внимательно разглядывая далекое темное пятнышко возле самого горизонта. Неопытный человек принял бы это пятнышко за самое обычное облачко.

— Так говоришь, зингарцы не рискуют сунуться в волчье логово? А если туда войдет волк-одиночка?

Девушка, прищурив зеленые глаза, испытующе глянула на капитана.

— Разве ты не знаешь волчьи обычай? Обычно стая разрывает чужака в клочья.

— Не всегда,— покачал головой Грейп.— Только в том случае, если чужак покажет свою слабость или трусость.

Капитан повернулся и задумчиво поглядел в сторону кормы. Похоже, какая-то мысль не давала ему покоя. Два ряда гребцов, повернутых к нему спинами, нагибались и распрямлялись в такт ударам барабана, нагибались и распрямлялись. Люди из отдыхающей смены расположи-

лись в средней части палубы: они чистили и точили оружие, переговаривались, негромко напевали, наконец, просто лежали на палубе, уставясь в голубое бездонное небо, или дремали. Наконец капитан решил, что ему делать.

— Левый борт табаны! — проревел он.

Гребцы левого борта замерли, удерживая весла неподвижно в воде. На правом борту гребли по-прежнему. «Морской Дракон» начал менять направление движения: пять ударов барабана и гребков, десять, двенадцать... Нос корабля постепенно развернулся в сторону далекой земли.

— Левый борт — весла сушки!

Гребцы дружно навалились на вальки, подымая лопасти весел. Капли воды, падающие с концов весел, звонко щелкали по поверхности воды.

— Оба борта — греби! — заревел капитан.— Эй, рулевой, видишь сушу прямо по носу?!

— Вижу...— донесся с кормы голос рулевого.

— Держи прямо на нее!

«Дум-м... Дум-м... Дум-м...» — бил барабан, точно раздавались удары огромного сердца. «Дракон» устремился к новой цели.

— Ты очень рискуешь,— Соня пристально смотрела на капитана.

— Я рисую всю жизнь,— ответил тот.

— Надо же, и до сих пор живой...

— А это уж потому, что я никогда не рисую глупо! — Капитан громко расхохотался.

— Эй, храбрецы мои! — заорал он, резко обрвав смех.— Та земля, к которой мы сейчас плывем, заселена славными вояками. Они могут

стать неплохими союзниками для нас, а уж врагами — так и вовсе замечательными!

Ваниры радостно взревели. Эти воины считали, что смерть в бою почетней и гораздо предпочтительней, чем смерть в постели, а для каждого человека час смерти, как и час славы, заранее предопределен богами. Кроме того, ваниры верили в то, что существуют люди, которым судьба благоволит во всех их начинаниях. Именно таким счастливчиком считался Грейп Крысиный Нос — это был четвертый поход под его руководством, причем из предыдущих трех он возвращался почти без потерь и с богатой добычей.

Один из гребцов вдруг запел хриплым голосом, а вся команда подхватила припев в тakt барабану.

Вижу я берег далёкий,

над ним — островерхие крыши,  
Это — дворец короля, богатого короля!  
С борта на берег спущусь и во дворец войду я,  
Золото я возьму, много золота я возьму!  
Вот и солдаты бегут, пусть нападают солдаты,  
Руби их, мой меч, руби, пей их теплую кровь!

— Да, я вижу, вы — действительно настоящие волки, — задумчиво сказала Соня капитану.

— Верно, — кивнул Грейп. — Белые Волки с севера. Самые сильные и опасные из всей волчьей породы.

\*\*\*

Расстояния на море велики и преодолеваются они медленно. Весь остаток дня ушел на путь к

острову, а он все еще маячил далеко впереди. Жизнь на корабле, посреди открытого моря, однобразна и тосклива. Вокруг — лишь волны до самого горизонта, да наверху — перевернутая чаша неба. Лишь изредка мимо корабля пролетит любопытная чайка, крикнет пронзительно и умчится прочь. Море оставалось пустынным. Даже дельфинов, так любящих сопровождать корабли, не было видно. Осень... Погода была неустойчива: то солнце проглядывало сквозь облака, то влажная морось повисала в воздухе, затягивая горизонт, пряча горную вершину, к которой устремлялся корабль.

Ближе к вечеру поднялся устойчивый юго-западный ветер, позволявший идти под парусом. Барабанщик положил свою колотушку, но еще довольно долгое время назойливый ритм продолжал звенеть в ушах людей. Мачта «Морского Дракона» имела более двадцати локтей в высоту. Через блок, укрепленный в верхней ее части, был перекинут канат, один конец которого крепился к длинному рею, уложенному сейчас вдоль палубы, а второй тянулся к большому вертикальному вороту, служившему для подъема и спуска паруса, выборки якоря, подъема на борт тяжелых грузов и прочих работ, при которых требовались большие усилия. Несколько человек навалились на толстые деревянные рукояти, и ворот, пронзительно скрипя, завращался. За этот высокий, резкий скрип моряки называли такие вороты «плакальщиками». Рей, почти такой же длинный, как и сама мачта, медленно пополз вверх, увлекая за

собой четырехугольный парус с широкими вертикальными полосами, желтыми и красными. Выбрав канаты, рей развернули наискось, слева направо, потому что ветер дул с юго-запада, а путь корабля лежал почти прямо на север.

Теперь «Морской Аракон» двигался вперед почти беззвучно, лишь под носовым бруском шипела и всплескивала вода. Команда отдыхала, освобожденная попутным ветром от тяжелой работы на веслах. Один только рулевой, внимательно вглядываясь вперед, держал в ладонях рукоять кормового весла. Воины неторопливо переговаривались. Попутный ветер они считали доказательством того, что предприятие увенчается успехом.

Оглядывая отдыхавших на палубе ваниров, Соня вдруг увидела Корка — того самого воина, что заступился за нее, нагнав страху на Гронни. Корк сидел, прислонившись спиной к дощатому ограждению борта. Сейчас в его лице не было заметно и признака безумия. Корк задумчиво смотрел куда-то в пространство и мягко, мечтательно улыбался. Глаза его ярко голубели из-под спутанной гривы волос, цветом и жесткостью напоминавших пшеничную солому. Соня решила поблагодарить этого человека. Она подошла и села рядом с ним. Корк покосился на девушку и снова уставился куда-то вдали.

— Спасибо тебе, — сказала Соня.

— За что? — Голос его был мягок и не имел ничего общего с тем хриплым карканьем, которое Соня слышала раньше.

— Ты ведь вступился за меня, — сказала девушка.

— Вступился... Действительно... — Корк выглядел растерянным. — Но разве тут нужна благодарность?

— Конечно, нужна, — кивнула Соня. — Ты ведь никогда меня раньше не видел и совершенно ничем мне не обязан.

— Ты — девушка, — сказал Корк.

— Для многих других это был бы довод, чтобы презирать меня. Знаешь: «женщина — не человек».

Корк надолго замолчал, по-прежнему глядя вдали. Впрочем, мечтательная улыбка исчезла с его лица, оно сделалось жестким.

— Скажи, тебе уже сообщили, что я безумен? — спросил он наконец.

Соня не знала, что ответить. Корк заметил это.

— Сказали, я вижу. Но я не всегда был таким. Однако потом произошли события... Произошло нечто, и я стал таким, как сейчас. Если хочешь, могу рассказать...

— Если тебе трудно, то не рассказывай, — отозвалась девушка.

— Трудно? Может быть... Не знаю... — Корк снова надолго замолчал, беспокойно оглядывая горизонт. Соня уже начала жалеть, что затянула этот разговор, ведь он явно причинял ее собеседнику боль.

— Я был земледельцем, — вдруг прервал молчание Корк. Теперь он говорил быстро и взволнованно. — У меня было поле, засеянное ячменем и

овсом. Стадо овец, свиньи в хлеву... Я был хорошим хозяином, любил трудиться. Я сам построил дом, большой — в восемь комнат, из крепких дубовых бревен — и ввел в него молодую жену, настоящую красавицу. Ее звали Гюда, она была еще красивее тебя. И у нас родился сын, который, я думал, станет мне помощником под старость. Мы жили счастливо. Но однажды пришел торговец скотом Тинд. Это был человек из восточного Банахейма, не с побережья, я не знал его. Тинд гнал большое стадо овец на продажу, и с ним было то ли шестеро, то ли семеро пастухов. Это был богатый человек, но, кроме того, как оказалось, жадный и бесчестный. Но, к сожалению, я тогда не знал этого...

Торговец сказал, что хотел бы купить у меня десяток-другой овец. Я пригласил гостей в дом, усадил за стол и выставил угощение, за которым мы принялись обсуждать условия сделки. Но купец предлагал такую низкую цену за овец, что я не мог согласиться. Тогда Тинд начал ссору — видимо, решил взять овец даром. Ведь с ним пришло много людей, и сила была на их стороне. Я тоже нанимал работников, помогавших возделывать землю, но их было всего двое... Так вот, Тинд стал говорить все более заносчивым тоном, стал оскорблять меня, а затем схватил со стола глиняный кувшин и швырнул его мне в голову. Его люди, точно по сигналу, вскочили и начали потасовку. Я сражался, один против многих, но потом меня ударили по голове, сбили с ног и связали сыромятными ремнями. Такими

ремнями пастухи спутывают ноги скоту... Потом, оставив меня связанным лежать на полу, они принялись пировать, уничтожая припасы из кладовой. Тинд и его люди издевались, славя меня как гостеприимного и радушного хозяина, который не жалеет для застолья ни свинины, ни пирогов, ни пива. И чем больше они хмелели, тем злее делались их шутки, а я лежал, терзаемый бессильной яростью, но ничего не мог поделать, так как был связан. Я даже не мог обругать их в ответ, потому что рот мой был заткнут кляпом.

Гюда, моя жена, храбрая женщина, видя, какой оборот принимает дело, прокралась в конюшню. Она хотела вывести лошадь и скакать на ней к соседям, чтобы позвать их на помощь. Но кто-то увидел ее и поднял тревогу. Несколько человек побежали во двор, я услышал их крики и голос жены. Она звала меня, а потом закричала так... Так... До самой смерти я не смогу забыть этот крик. И тогда черная ярость захлестнула меня. Я рванулся, и ремни лопнули, точно гнилые веревки. Тогда я поднялся с пола и голыми руками убил Тинда и двух его людей, находившихся в комнате. Выходя из дома, я ударил по двери, и она вылетела во двор, убив еще одного. Это была тяжелая дверь, из толстых дубовых досок, она разбила ему грудь... Дальше я плохо помню... Я сражался. Дом горел. Горела конюшня. Кони разбили копытами ворота и убежали в лес. У одного из них тела грива... Враги пытались заколоть меня длинными пастушескими ножами.

Они двигались так медленно... А я бил их голыми руками, и от моих ударов ломались кости, я слышал, как они трещат. Кажется, я кинул кого-то в огонь... А потом все кончилось. Я был один. Гюда... Она лежала бездыханной возле горящей конюшни. Ее убили ударом ножа. Я не смог спасти ее от смерти, но спас хотя бы от бесчестья... Я вбежал в горящий дом. Сына нигде не было видно. Один из работников лежал в коридоре мертвый, на нем уже тлела одежда: огонь подобрался совсем близко. Я почувствовал, что кожа моя начинает лопаться от жара и снова выбежал во двор. Силы оставили меня. Черная ярость забирает много сил, очень много. С тех пор она приходит ко мне. Часто приходит, в каждом бою. Вот как я сделался бересайком. А-ррр-г-х!!!

Корк вдруг вскочил на ноги, свирепо озираясь вокруг, точно ища, на ком сорвать злость. На губах его показалась пена, свирепое рычание рвалось из груди. Ваниры шарахнулись во все стороны от страшного безумца. Не побежала лишь Соня. Казалось, она нисколько не испугалась. Встав перед беснующимся Корком, она внимательно поглядела ему в глаза и негромко сказала:

— Корк, ты слышишь меня? Успокойся, Корк...

Вслед за тем она положила ладонь ему на плечо. И... лицо безумца приняло осмысленное выражение, чудовищно вздувшиеся мышцы постепенно расслабились.

— Я... Я слышу тебя, Сана. Я уже спокоен.— Голос Корка звучал глухо, а слова были невнят-

ны, точно язык плохо повиновался своему хозяину. Но, похоже, разум уже вернулся к бересайку.

— Эгей, что там приключилось? — С кормы уже спешил Грейп.— Корк, рад видеть тебя в добром здравии и в хорошем настроении. Сана, я хотел бы поговорить с тобой.— Вслед за этими словами капитан отвел Соню к противоположному борту.

Девушка в беспокойстве оглянулась на Корка, но тот, казалось, снова вернулся в безмятежное состояние. Он, как и прежде, сидел на палубе и рассеянно улыбался.

— Зачем ты к нему подходила? — резко спросил капитан.

— Хотела поблагодарить, ведь он заступился за меня,— ответила девушка.

— Что ж, благодарность — дело хорошее. Большая удача, что ты сумела успокоить его. В бою Корк незаменим, но все остальное время он доставляет массу хлопот. С Остом намного спокойнее.

— Кто такой Ост? — спросила Соня.

— Второй бересайк в моей команде. Он непривычен глуп, но зато очень силен и неукротим в битвах... Послушай, это хорошо, что ты не испугалась и сумела успокоить Корка, когда на него накатила злоба. Но на будущее учти — держись от него подальше. Если он взбесится после разговора с тобой и искалечит кого-нибудь из команды, я собственными руками выкину тебя за борт. Запомни мои слова хорошенъко!

Девушка ничего не ответила, лишь злобно оскалилась в ответ.

— Ну-ну, настоящий волчонок. Не злись.— Грейп понял, что на испуг собеседницу не возмешь, и сразу изменил тактику, ибо был очень умным человеком.

— Подумай, ведь если Корк разбушуется, то придется убить его, а этого никак не хотелось бы ни мне, ни тебе. С воинами-безумцами всегда так: не знаешь, для кого они опаснее: для противника или для твоей собственной команды... Кстати, о чём вы с ним разговаривали? Клянусь Имиром, для простого выражения благодарности этот разговор был длинноват!

— Корк рассказывал мне о событиях, которые сделали его таким, как сейчас.

— Да? Тогда вовсе неудивительно, что он так разъярился в конце концов. Каждый раз, вспоминая эту сволочь, Тинда, он начинает тотчас жаждать чьей-нибудь крови. Просто удивительно, что все закончилось так безобидно и мирно. Да, боги дали Корку великий дар с тем, чтобы он смог восстановить справедливость и отомстить врагам. Но это не только дар, это к тому же и тяжкий груз, который ему придется нести весь остаток жизни.

— Неужели вся его семья погибла в той схватке? — спросила Соня.

— Все погибли,— кивнул капитан.— Этот случай вызвал много толков в нашей округе. Кроме самого Корка остался в живых лишь один из работников, семнадцатилетний парнишка. Он был тощий и сумел выбраться из дома через маленькое окошко в кладовке.

— А сын Корка? Он говорил мне, что так и не смог найти его тела.

— Да, парнишки действительно не было на ферме,— кивнул капитан.— Похоже, мать сумела вывести его за ограду, а потом, на свою беду, решила вернуться за лошадью. Конечно же, понятно, почему она так сделала — ведь она боялась за мужа и хотела позвать соседей на помощь как можно быстрее. Но из-за этого все вышло совсем плохо. Ее схватили, а мальчишка стоял неподалеку от ворот, и когда со двора вырвались кони, они сбили его с ног и затоптали насмерть. Был пожар, конюшня горела... Мальчишке было всего три года. Такая вот печальная история. Я сам оказался там уже потом, ближе к утру. Настоящее побоище. Мы ведь с Корком соседи, мой дом находится всего в семи лигах от того места, где стояла его ферма. И честно скажу тебе, если бы Корк сам не покарал своих обидчиков, я устроил бы погоню и настиг их. Всю округу поднял бы ради этого.

— По-моему, ты вовсе не считаешь зазорным заниматься грабежом,— хмыкнула Соня.

— Не в том дело! — нахмурился капитан.— Ведь это были ваниры, хоть и из восточных пределов Ванахейма. И ограбить попытались — тоже ванира! Как будто в мире мало других народов!

— Значит, грабить людей, принадлежащих к другим народам, ты не считаешь зазорным? — ехидно уточнила девушка.

— Нет! — рявкнул капитан.— На земле существует лишь один народ, достойный уважения,—

ваниры! И ты сама до сих пор цела лишь потому, что в твоих жилах течет та же кровь, что и у нас,— ванирская! Не забывай об этом.

\* \* \*

Раф стоял, сложив руки на груди и устремив рассеянный взгляд туда, где море смыкалось с небом. Это был молодой человек, невысокий, но стройный, с длинными темными волосами и аккуратной бородкой. В темно-сером, щитом серебром костюме он выглядел точно какой-нибудь высокородный вельможа из Кордавы. Собственно говоря, всего двумя неделями раньше этот костюм и принадлежал молодому отпрыску знатных родителей, проживавших в столице Зингары. Юноша отправился в морское путешествие — вероятно, за новыми впечатлениями. Но уже на третий день плавания карака, на которой он плыл, была взята на абордаж пиратами с Барахских островов. Молодой человек был не трусивого десятка и обнажил шпагу. Правда, почти сразу ему пришлось убедиться, что благородное искусство фехтования, которое преподавали придворные наставники, совершенно бесполезно в диком и кровавом палубном бою.

Сражаясь, бараханцы признавали лишь одноединственное правило: «Убей врага любой ценой!» Кроме того, длинная придворная шпага, такая удобная в поединках, когда два противника встречаются на ровной, свободной от каких-либо препятствий, хорошо утоптанной площадке, оказалась почти бесполезна в палубной толчее, а

короткие, но тяжелые абордажные сабли пиратов разили насмерть.

Сейчас юный отпрыск владетельной фамилии, одетый в рубище и прикованный за ногу цепью, сидел среди многочисленных пленников за одним из весел пиратской галеры. Собственно говоря, молокососу следовало бы горячо благодарить пресветлого Митру за то, что удар Рафовой секиры лишь оглушил его, но не расколол ни добротного зингарского шлема, ни черепа под ним.

Итак, Раф стоял на склоне прибрежного холма, неподалеку от него на траве расположились Хок и Лин, два головореза из его команды. Все трое были лихими абордажниками, ходившими в плавания на «Громе» — пятидесятивесельной галере, одном из самых больших судов во всей флотилии Барахских островов. Пожалуй, «Гром» уступал в размерах лишь «Толстухе» капитана Эйтца да «Стреле», которую водила по морю женщина-капитан Тордис. Как Хок, так и Лин были разодеты куда как крикливо, хотя и с меньшим вкусом, чем Раф. Их бархатные рубахи были заправлены в штаны из мягкой замши, на ногах красовались сапоги с высокими голенищами и круто загнутыми вверх носками. Собственно говоря, эта одежда представляла собой костюм офицера флота Зингары, с которого были безжалостно спороты все знаки отличия. Такой костюм пользовался большой популярностью среди бараханских пиратов. На грязноватых шеях приятелей переливались золотые цепочки, на запястьях ярко сверкали браслеты с драгоценными камнями.

— Эгей, Раф, что ты думаешь делать, когда мы отстоим этот трижды клятый дозор? — спросил Хок. — Может, наведаемся в заведение матушки Гюлы?

Раф никак не отозвался на это предложение, и Лин ядовито заметил:

— Видно, с тех пор, как Раф напялил эти разукрашенные серебром тряпки, он уже не хочет считать нас своей ровней. Ну, ладно. Хок, посмотри-ка, я припас кувшинчик крепкой немедийской настойки. Давай разопьем его, а? Рафу, пожалуй, предлагать не будем: он сделался слишком гордый с тех пор, как напялил этот костюм.

— Смотрите, — сказал вдруг Раф, указывая рукой на море. — Какой-то корабль плывет сюда. Рога Нергала, да он не из наших! Похоже, это ваниры, но во имя Серых Равнин, что им здесь надо?

Действительно, длинный низкий корабль только что обогнул мыс и входил в залив. Ярко-красная голова дракона на его носу, ритмично покачиваясь, то вздымалась, то опускалась в такт взмахам весел. Подойдя к узкому и извилистому проливу, ведущему во внутреннюю бухту, корабль сбавил ход: видно, его капитан не знал пути и опасался мелей.

— Хок, беги-ка в город, предупреди, — скомандовал Раф.

Хок, самый младший из всей троицы, проворно вскочил и помчался по едва заметной тропинке меж холмов, поросших кустами вереска. Раф и Лин спустились к берегу. Там, в небольшой ложбинке, хорошо укрывавшей его от посторонних

взглядов, стоял ворот-«плакальщик», снятый с какого-то корабля. От него к другому берегу под водой тянулась толстая цепь. Раф снял свой щегольский камзол, оставшись в матросской рубахе из грубого серого полотна.

— Навались!

Вдвоем с Лином они ухватились за деревянные рукояти и принялись вращать «плакальщик». Цепь тяжело поползла, виток за витком наматываясь на ворот. Вскоре туго натянутая толстая мокрая цепь поднялась из воды, протянувшись от берега до берега и перегораживая пролив в самом узком месте.

— Интересно все же, что здесь понадобилось ванирам? — пожал плечами Раф.

— Что может быть нужно ванирам? — откликнулся Лин. — Да все, что плохо лежит! Кстати, если это — разведчик, за которым идет большая флотилия, то нас ожидает очень серьезная схватка. Ты слышал о набеге ваниров на Кордаву, когда сгорели все склады западного берега? Говорят, в этом набеге участвовало не то шесть, не то семь десятков кораблей, и на каждом была команда по сотне человек.

— И в конце концов они были разбиты зингарским флотом! — возразил Раф. — А ведь наш баражанский флот будет еще посильнее.

— Ну-ка, помоги...

Раф подошел к небольшой катапульте, стоявшей в лощине чуть дальше от берега, чем «плакальщик». Вдвоем они принялись вращать тисковую ось длинными кольями-вагами, которые

вставлялись в специальные гнезда, просверленные в ее торцах. Затем Раф вынул из деревянного ящика, стоявшего неподалеку, довольно большой глиняный сосуд с узким горлом, заткнутым пучком пакли, и осторожно, обеими руками, уложил его в огромную ложку на длинном, в три локтя с лишним, древке. В ящике осталось лежать еще не менее полутора дюжин таких же шарообразных, узкогорлых сосудов, тщательно переложенных сеном.

— Высеки огонь, — скомандовал Раф.

Лин тотчас же извлек из кисета кремень с огнивом и принялся выполнять распоряжение. В обычное время он не упускал случая подтрунить над приятелем, но в боевой обстановке безоговорочно признавал его главенство. Тем временем с корабля разглядели цепь, преграждавшую путь, и начали замедлять ход. Раф, прищурясь, принялся наводить катапульту.

— Первый выстрел — предупредительный, — сказал он, беря у Лина фитиль и поджигая паклю, торчавшую из горлышка сосуда. Затем он еще раз проверил точность наводки и выбил чеку, удерживающую катапульту во взвешенном состоянии.

«З-з-зан!» Глиняный сосуд взлетел вверх и, оставив за собой дымный след, шлепнулся в воду неподалеку от носа чужого корабля. От удара о водную поверхность он раскололся, и большое пятно красного, жирно дымящего пламени начало расползаться на месте его падения. На корабле среагировали почти мгновенно: весла сработали «назад», погасив ход. Чужак замер, чуть покачи-

ваясь на пологой волне, локтей пятьдесят не дойдя до цепи.

— Хей! — восторженно воскликнул Лин и хлопнул своего товарища по плечу. Выстрел был произведен безупречно. Оба пирата с интересом наблюдали, что же будет делать команда корабля. Они могли не опасаться, что, увидев, откуда вылетел метательный снаряд, ваниры пристанут к берегу и нападут на них: в этом месте под водой находилась гряда скал, которая остановила бы корабль, поверни он к берегу. Единственное, чего следовало опасаться приятелям, это стрел, ведь ваниры слыли хорошими лучниками. Но корабль не двигался с места, а на его борту никто не подымал лук и не натягивал тетиву. Наконец возле драконьей головы, венчающей нос корабля, показалась коренастая фигура в вороненой кольчуге и коническом шлеме с рогами.

— Ишь рога на башку нацепил, — проворчал Лин, — этим только старух пугать. Корова, да и только!

Раф коротко хохотнул в ответ.

— Эгей! — прокричал тем временем ванир. — Кто там такой сердитый, что не хочет нас пропустить, и такой стеснительный, что не хочет показаться? Мы идем с миром! Слышите меня?.. Я знаю, вы меня слышите! Покажитесь, если вы не трусы!

— Долго он намерен так разоряться? — проворчал себе под нос Раф и, приложив ко рту ладони, прокричал что было сил:

— Стоять на месте! Ждать! Убрать весла и ждать! Иначе будете сожжены!

— Молодец, грозно у тебя получается,— оценил Лин.— Прямо как у глашатая, когда он читает приговор на Танцевальном Помосте.

Танцевальным Помостом в народе называли виселицу, расположенную на рыночной площади в Кордаве. Очень многие пираты нашли там свою смерть.

— Не поминай того, с кем не хочешь встретиться,— поучительно сказал Раф и, присев на станину катапульты, продолжил: — Ну вот, похоже, эти рогатые отродья Нергала согласны ждать. В таком случае у нас есть немного времени, пока сюда притащится Старая Гиена. Так что ты там говорил о немедийской настойке? Не будь скучердяем, вытаскивай ее!

Лин ухмыльнулся и достал из кожаной сумки, висевшей на поясе, флягу.

\* \* \*

...Солнце уже перевалило за полдень, а положение ничуть не изменилось, разве что количество настойки во фляге, сделанной из тыквы-горлянки, довольно сильно убавилось. Время от времени ваниры принимались кричать, пытаясь наладить общение с невидимыми стражниками, но всякий раз Раф обрывал их отрывистыми приказаниями ждать и оставаться на месте.

Наконец раздался скрип весел, разбудивший эхо в прибрежных скалах. Вскоре из-за мыса, прикрывавшего вход во внутреннюю бухту, показался высокий нос корабля с башенкой для лучников. Лин, сидевший на крышке ящика с глиняны-

ми снарядами, заполненными зажигательной смесью, неторопливо вскочил.

— Это «Гром»,— удовлетворенно заметил он.— Причем, кажется, не один. Погоди-ка... Да, вслед за ним идет «Селезень».

— Этого и следовало ожидать,— отозвался Раф, лениво развалившийся на большом парусиновом полотнище, которое обычно служило чехлом для катапульты.— Старая Гиена, как всегда, предпочитает не рисковать понапрасну. Он не захотел встречаться с незнакомым кораблем один на один и потому прихватил с собой помощника.

Вслед за этими словами Раф тоже поднялся на ноги.

— Давай-ка на всякий случай приготовим катапульту,— сказал он.

— Хорошо,— согласился Лин.— Цепь опускать будем?

— Пока не надо,— головой Раф.— Если понадобится, это можно сделать почти мгновенно: достаточно откинуть стопор, чтобы цепь ушла на дно под собственным весом.

Приятели снова взяли в руки рычаги и принялись взводить катапульту. Покончив с этим делом, они повернулись в сторону моря и с интересом стали наблюдать за развитием событий.

Старой Гиеной называли Енси, капитана «Грома». Сейчас он стоял на носовой башенке своего корабля, осторожно выглядывая из-за ограждения. Капитан Енси не любил рисковать зря. Впрочем, из этого вовсе не следовало, что он был трусом. Любой из знающих его людей, не задумы-

ваясь, сказал бы, что Енси может быть очень отважен. Но проявлял он свою отвагу только тогда, когда это сулило какую-нибудь выгоду. Пустой же риск он почитал не храбростью, а глупостью. Может быть, потому капитан «Грома» все еще был жив, тогда как большинство пиратских капитанов умирали молодыми. Старая Гиена, низкорослый человечек с абсолютно лысым черепом и маленьким морщинистым лицом, на котором выделялись очень живые и пронзительные глаза, одевался весьма необычно для пирата: на нем был длинный, ниспадающий свободными складками темный балахон, похожий на одеяние священника.

«Гром» подошел вплотную к цепи и остановился. С высокой башенки Енси мог спокойно оглядеть палубу чужого корабля.

— Действительно, ваниры,— сказал он себе под нос, а затем обратился к помощнику: — Эй, Лангтар, что ты об этом думаешь?

Лангтар был настолько же громаден, насколько сам капитан Енси тщедущен. Сиреного вида и нрава бритунец телосложением напоминал крепостную башню. На нем был блестящий панцирный доспех, а голову защищал шлем с широкими нащечниками, спускавшимися к подбородку, и стреловидным выступом, закрывавшим нос.

За все это помощнику капитана пришлось раскошелиться и уплатить кругленькую сумму оружейных дел мастеру, так как среди трофеев ни одного подходящего не нашлось.

— Что же ты молчишь, Лангтар? — снова спросил капитан Енси. — Повторяю, я хочу знать, что ты об этом думаешь.

— А зачем мне думать? — отозвался Лангтар басом, таким гулким, точно он говорил в пустую бочку внушительных размеров. — Все равно моим мыслям не сравниться с теми, что приходят в твою голову, капитан.

— Да? — приподнял бровь Енси. Впрочем, видно было, что такой ответ его нимало не удивил. — Дело в том, простодушный мой помощник, что я тоже пока ничего не думаю. Я пока еще слишком мало знаю, а делать скороспелые выводы свойственно лишь юнцам, которые больше привыкли работать руками, а не головой, либо тем, кто работает головой не могут по причине недостатка в ней мозгов.

Лангтар зычно прочистил горло, чтобы скрыть смущение: такие витиеватые разговоры неизменно приводили его в растерянность.

— Пока я вижу лишь корабль, на палубе которого полно верзил в кольчугах и с топорами,— продолжал капитан Енси,— а для того, чтобы принять решение, крайне желательно вначале узнат, чего хотят эти незнакомцы. Попробуем их разговорить. Лангтар, дорогой мой, покажись-ка им во всей красе.

— Хорошо.— Довольно ослабившись, помощник взял в руки тяжелую секиру и, боком протиснувшись через узкий проход, шагнул на небольшой открытый выступ, расположившийся перед башенкой на самом носу корабля. Во время

морских сражений с этого мостика-выступа перепрыгивали на палубу противника бойцы абордажной команды.

— Эгей!!! — взревел Лангтар, потрясая топором.— Что вам здесь нужно?!

Он выглядел очень внушительно и, зная это, не упускал случая покрасоваться. Из толпы, стоящей на палубе чужого корабля, шагнул вперед крупный человек в вороненой кольчуге, с рогатым шлемом на голове. Нос на его лице сильно выдавался вперед, придавая своему хозяину сходство то ли с птицей, то ли с каким-то грызуном. Голос у него, впрочем, напоминал медвежий рев.

— Мы пришли к вам с миром! Всем известно, что бараханцы — славные вояки, храбрые и умелые! Но, клянусь великим Имиром, посылающим стойкость в бою, ваниры — бойцы нисколько не хуже! Однако мы вовсе не ищем ссоры с вами! Наоборот, я хочу предложить вам меч, разящий общего врага, и щит, который будет принимать удары, направленные в вашу сторону! Вместе мы сможем делать громкие и славные дела.

— Скажи ему, что ваниры слабоваты против бараханцев и потому сотрудничество нам не выгодно,— негромко прошипел Енси.

— Ха!!! — оглушительно выкрикнул Лангтар.— Ты говоришь, что бараханцы — славные вояки? С этим я не буду спорить! Это действительно так, клянусь рогами Нергала! А вот насчет того, что ваниры могут сражаться не хуже — тут ты сорвал! Куда вам тягаться с нами?! И ты еще сме-

ешь предлагать сражаться плечом к плечу?! — Лангтар громогласно расхохотался, очень довольный тем, как он сумел расцветить сухие слова своего капитана.

— Настоящий воин не говорит о своей силе! — крикнул в ответ ванир.— Он показывает ее!

— Ты что, хочешь сражаться с нами?! — проревел Лангтар, на этот раз даже не дожидаясь подсказки капитана.— Наши бойцы раздавят вас, точно береговых крабов!

— Я не буду хвастаться, это не подобает мне, Грейпу, сыну Гурма. Но должен напомнить, что если начнется схватка, то погибнет немало славных воинов: как ваниров, так и бараханцев. Помдумай, так ли уж это нужно? Я предлагаю другой способ помериться силами!

— Это какой же? — В голосе Лангтара послышалась нескрываемая издевка.— Уж не канат ли перетягивать?

— Этим ты можешь заниматься с купцами, которые действительно боятся тебя! Я же предлагаю поединок! Мы выставим своего бойца и посмотрим, найдется ли среди вас человек, способный противостоять ему!

Судя по выражению, появившемуся на лице Лангтара, это предложение доставило ему огромную радость.

— Идет! — гаркнул он.— Я сам разорву вашего бойца в мелкие клочья, причем сделаю это голыми руками!

— Голыми руками? Хорошо! — Капитан ваниров громко захохотал.

— Мой храбрый помощник, ты по-прежнему рвешься навстречу опасностям,— меланхолично проговорил капитан Енси.— Впрочем, у каждого — свои способы развлекаться... Надеюсь, ты сможешь проломить противнику череп. Кулаки у тебя для этого самые подходящие.

Действительно, Лангтар был способен спрятать в своей лапище средних размеров яблоко.

Поединок решили проводить на суше, чтобы его хорошо было видно командам всех трех кораблей.

Сойдя на берег, бритунец несколько раз топнул ногой для пробы, затем подпрыгнул и довольно оскалబился: песок был плотен и удобен для поединка. Гигант снял свои доспехи еще на корабле и остался в широких бархатных штанах, заправленных в невысокие сапоги с мягкими подошвами. Несмотря на всю свою массивность, двигался Лангтар очень легко и впечатления тучного человека не производил. Тем временем от корабля ваниров отчалила лодка с его соперником. Этот человек производил странное впечатление. Ростом никак не меньше пяти локтей (в этом он превосходил даже Лангтара), ванир обладал массивными руками и ногами. Физиономия напоминала странную маску — тяжелые челюсти, низко нависшие над глазами надбровные дуги и выступающие вперед зубы. Глаза же не выражали ничего, кроме тупой тяжелой злобы. Одет ванир был лишь в меховую набедренную повязку и какие-то бесформенные постолы сыроймятной кожи.

— Ну и образина! — рассмеялся Лангтар.— Обезьяна, да и только! Давай иди сюда, я разобью в кровь твою уродливую харю!

Насмешки, казалось, не достигли своей цели: на лице ванира не отразилось ровным счетом ничего. Все тем же неподвижным, тяжелым взглядом он продолжал буравить своего противника. Лангтар принялся двигаться, переваливаясь по медвежьи, с обманчивой неуклюжестью. Затем он попробовал нанести небрежный удар, для того чтобы прощупать оборону противника, но ванир с неожиданной легкостью выбросил вверх руку, и бритунец вдруг почувствовал, что его запястье попало в жесткую хватку, похожую на железные челюсти капкана. А когда Лангтар вскинул вторую руку, то ванир с той же удивительной легкостью перехватил и ее. Взревев, бритунец попытался ударить соперника ногой, но та наткнулась на вовремя подставленное бедро. Неожиданно маска безучастности слетела с ванира: он оскалился и, пронзительно завизжав, дернул Лангтара за обе руки с такой силой, что тот перелетел через голову своего противника и тяжело рухнул на песок. Будь на месте Лангтара обычный человек, кости его рук оказались бы сломаны этим страшным рывком, а удар о землю вышиб бы из него остатки жизни. На корабле ваниров радостно взревели, а кто-то даже затрубил в боевой рог. Но гигант-britунец был скроен из очень прочной материи. Падение лишь слегка оглушило его. Вскочить на ноги он не успел, но, когда ванир развернулся и попытался пнуть его в голову,

Лангтар смог перехватить ногу и, резко повернув ее, свалил соперника на песок. На ноги они вскочили одновременно и бросились друг на друга, нанося свирепые удары, способные насквозь прошибить борт лодки. Потом они схватили друг друга в смертельные объятия, стремясь задушить, переломить позвоночник, раздавить грудную клетку... Бритунец яростно рычал, ванир хрепло визжал, на губах его показалась пена.

— Бересайк, это бересайк! — прокатился ропот по палубам бараханских кораблей.

Ванир вдруг рванулся и попытался вцепиться в горло своего противника зубами, но густая борода Лангтара забила ему рот и помешала этому намерению. Чудовищно напрягшись, Лангтар смог приподнять противника и сделать несколько шагов вперед, после чего оба повалились и были накрыты волной.

Дальнейшая борьба проходила в воде. Но Лангтар, пользуясь своей, большей, чем у противника, массой, толкал ванира все дальше и дальше от берега. Когда вода достигла груди, оба соперника снова сплелись в свирепом объятии и... исчезли под водой. Видно, и там они продолжали душить друг друга, потому что их головы на поверхности больше не появлялись. Некоторое время стояла тишина, всех поразил такой исход поединка. Потом берег огласился громкими криками на различных языках, команды же обеих шлюпок кинулись в воду, пытаясь найти и спасти единоборцев. Но дно здесь довольно круто уходило вниз, и, вероятно, оба

соперника скатились на глубину, так и не захочев разжать хватки.

— Эге! — воскликнул капитан Грейп, когда прошло некоторое время, а поиски так и не увенчались успехом. — Похоже, поединок завершился ничьей! Вот уж не думал, что найдется человек, способный выстоять против Оста. Да, я потерял знатного бойца. Но вам, бараханцы, не повезло больше, ведь вы лишились своего капитана.

— Тут ты ошибаешься, — услышал он голос. — Капитан — я.

— Ты? — Грейп удивленно рассматривал маленького лысого человечка, наряженного в бесформенную хламиду. Он стоял на носовой палубе бараханского корабля и ухмылялся.

— Я тоже потерял хорошего бойца, — сказал этот человечек тонким, скрипучим голосом. — Впрочем, Лангтар умел также и многое другое: например, внушить уважение к своей персоне. А значит, и к моему кораблю.

— Да, ты правильно сделал, что выпустил его вперед и не показался сам, когда мы только еще завели разговор, — признался Грейп. — У нас, ваниров, считается, что хороший военачальник не доживает до старости.

— Это мнение распространено у вас единственно потому, — сухо ответил Старая Гиена, — что ваши военачальники, точно простые солдаты, сражаются не головой, а руками. Что ж, в таком случае я рад, что не родился ваниром.

— Я тоже рад, что ты не родился ваниром, — ухмыльнулся капитан Грейп. — Однако давай

лучше перейдем к делу. Хватит болтать о пустяках.

— В этом я совершенно согласен с тобой, мой прямолинейный приятель,— кивнул Енси.— Однако я не думаю, что нам стоит обсуждать эти дела вот так — крича о них на все Барахские острова. Предлагаю встретиться в каюте моего корабля, «Грома». Я приглашаю тебя на обед, ванир.— Сказав это, капитан Енси повернулся к берегу и помахал рукой. По его сигналу цепь, перегораживавшая пролив, с плеском и звоном ушла под воду, освобождая тем самым путь кораблям.

Поднявшись на борт «Грома», капитан Грейп принялся самым внимательным образом осматривать его, хотя внешне старался этого никак не проявлять.

Бараханский корабль очень сильно отличался от «Морского Дракона» и вообще от тех кораблей, к которым привыкли ваниры. На носу и корме его высались квадратные башенки, предназначенные для лучников и для установки катапульт. Навряд ли «Гром» был особо поворотлив под парусом, ведь эти башенки должны были оказывать довольно сильное сопротивление ветру. Но, судя по всему, парус и не являлся основным средством, предназначенным для придания хода этому кораблю. «Гром» был галерой, причем гребцами на ней были не члены команды, а пленники-рабы.

— Что ты думаешь об этом? — вполголоса спросил капитан сопровождавшего его Орма.

— Похоже, бараханцы не очень-то любят работать,— сдержанно ответил старик.

— Да, я предпочел бы грести до кровавых мозолей, чем иметь на палубе своего корабля сотни полторы свирепых волков, готовых вонзить в тебя зубы, пусть даже они и прикованы цепями. Эти гребцы должны люто ненавидеть своих хозяев, а здесь их будет побольше, чем членов команды.

— Действительно, вся надежда — на крепость цепей,— согласился Орм.

Вслед за капитаном Енси они пошли по длинному мостику, тянувшемуся посреди палубы от носа до кормы корабля. Их преследовали тяжелые, уничтожающие взгляды рабов, что располагались в несколько рядов справа и слева от мостика. Казалось, их ненависть липла к коже подобно горячей смоле.

— Говорят, когда гребцы-рабы бунтуют, то это оказывается хуже, чем пожар посреди моря. Верно? — спросил Грейп.

— У меня такого еще не было, хотя должен признаться, кое-кто сумел сбежать,— ответил Енси, не оборачиваясь и не сбавляя шага.— Но от других людей я много раз слышал, что подобное восстание — это действительно ужасное событие... для команды, разумеется. Чтобы такого не произошло, на некоторых кораблях даже подрезают гребцам сухожилия на ногах. Но я предпочитаю этого не делать: ведь после такой операции раб гребет гораздо хуже, так как не может как следует упираться ступнями.

Даже Грейпа, отнюдь не отличавшегося особой чувствительностью, передернуло при этих словах.

— Лучше всего крепкие цепи, которые надежно закреплены в палубе,— продолжал разглагольствовать Енси.— И, повторяю, попыток бунта у меня не было. Ни одной за два десятка лет... Однако мы пришли. Покорнейше прошу воспользоваться моим гостеприимством.

Если в одежде капитан Енси был сама скромность, то на другие привычки это не распространялось. Каюта его занимала все пространство под кормовой башенкой и была украшена позолоченной резьбой и коврами. А когда трое слуг внесли и стали расставлять на полированном столе многочисленные блюда и тарелки с яствами, серебряные кувшины, судя по запаху, наполненные винами, способными уладить вкус самого тонкого ценителя, вазы с виноградом, орехами и фруктами, стало ясно, что капитан весьма взыскателен в выборе пищи.

— Присаживайтесь к столу,— гостеприимно предложил Старая Гиена, жестом выпроваживая из каюты слуг и запирая за ними дверь на щеколду.

\* \* \*

Все время, пока длился поединок, Соня простояла возле борта, широко раскрытыми глазами наблюдая за сражавшимися насмерть гигантами. Это было жестокое, грубое зрелище, да, но одновременно и возвышенное. Ограждение, в которое

крепко вцепилась Соня, было сделано очень высоким, для того чтобы надежно защищать членов команды от стрел противника. Соня была довольно рослой девушкой, но, разумеется, не могла сравниться в этом отношении со здоровяками-ванирами. Потому, чтобы увидеть происходящее на берегу, она вынуждена была приподыматься на цыпочки. Воины, стоявшие вдоль борта справа и слева от нее, возбужденно кричали, хлопали широченными лапищами по доскам ограждения и по плечам соседей. Соня тоже получила несколько таких хлопков, каждый из которых заставлял ее пошатываться. После одного особенно сильного удара она уже чуть было не заехала локтем в бок невежи соседа, но сдержалась: очень уж хотелось досмотреть, чем закончится поединок.

Когда оба бойца оказались в воде, девушка поспешила к широкому, локтя в четырнадцать, проему, отгороженному от водного пространства двумя толстыми канатами, протянутыми — один на уровне груди, другой — в локте от палубы. Именно в этом проеме перед боем устанавливался абордажный мостик — когтистая драконья лапа.

Противники меж тем скрылись под водой, и накал страстей на борту «Морского Дракона» достиг своего пика. А когда стало понятно, что они больше не покажутся на поверхности, предпочтя смерть поражению, над морем воцарилась почти тишина. Потом капитан Грейп стал перекрикиваться с каким-то

стариакашкой, показавшимся на носу бараханского корабля, и напряжение немного спало.

— Ты видела? Нет, ты все видела? — раздался позади Сони хрипловатый от волнения басок.

Девушка обернулась. Перед нею стояли двое здоровенных, с первого взгляда ничем не отличавшихся друг от друга молодых парней: широкие лица, серые, почти круглые глаза, длинные белокурые волосы и начавшие пробиваться бородки.

Радостные улыбки на их лицах тоже были одинаковые.

— Похоже, вам совсем не жалко этих воинов? — удивилась Соня.

— Жалко? — хором переспросили парни и заговорили, перебивая друг друга. Даже голоса у них были одинаковые: молодые ломающиеся баски, так что временами казалось, будто это говорит один человек.

— За что же их жалеть? Каждый настоящий мужчина мечтает о таком конце. О такой смерти. Ведь воин, погибший в бою, с оружием в руках, попадает в чертоги богов. Да, он пирует там с небожителями, ест жареное мясо и запивает его хмельным пивом.

— Вы считаете, что в чертогах небожителей пьют пиво? — не могла не улыбнуться девушка.

— А что же еще? — в один голос удивились парни. — Какой же еще напиток достоин того, чтобы его пили боги? Конечно, пиво! Его там варят в огромных котлах и черпают боевыми шлемами. Разве ты не знала этого?

— Кое-что такое слышала, — кивнула Соня, решив перевести разговор на другое: — А вы что, близнецы?

— Нет, не близнецы. Но мы братья. Это — Нефф, он на год старше меня. А я — Орефф. Мы — сыновья Таркила. Наш отец — знаменитый воин, но два года назад его ранили в руку. Теперь пальцы правой руки у него не гнутся, и наш отец не может удержать в ней меч. А то бы он обязательно отправился с нами в этот набег. Но из-за руки ему пришлось остаться дома, в Йомсе. А здорово ты нас удивила, когда выскочила из-за того тюка парусины!

Теперь Соня узнала их: именно эти двое спугнули ее в парусной кладовой. Она рассмеялась — сейчас события вчерашнего утра казались уже смешными.

— Вы, наверное, действительно очень удивились. Так подскочили и так ударились об потолок головами, что я думала — пробьете его насеквь.

Братья дружно рассмеялись.

— Слушай, а ты правда ванирка? — спросил тот, что стоял слева. Кажется, Орефф.

— Чистокровная, — хладнокровно произнесла Соня.

Это была неправда, но девушка вовсе не собиралась признаваться в том, что отец *ее* — гирканец. Ведь, рассказав об этом, она запросто могла лишиться жизни. И уж, во всяком случае, лишилась бы свободы, даже той, которой пользовалась на палубе этого корабля. Впрочем, не такой уж это и обман: ведь мать-то у *нее* действительно

родом из Ванахейма... Вспомнив о родителях, девушка сразу поскучнела. Вся ее семья погибла, и произошло это совсем недавно. Душевные раны еще не успели зарубцеваться. До этого страшного события жизненный путь девушки был не так уж богат событиями и переживаниями. Она росла в Туране, не испытывая ни нужды, ни одиночества. Семья ее была зажиточной (благодаря занятиям отца), и в ней всегда царило дружелюбие (главным образом, из-за доброго характера матери). Были у нее братья: старший, который защищал ее в играх со сверстниками, и младший, о котором она могла заботиться. Была сестра — старшая, подружка-наперсница. Безоблачное, счастливое детство закончилось, когда Соню отправили на обучение в столицу, ко двору правительницы. Там из девочки принялись делать светскую даму: обучать хорошим манерам, приучая носить придворные наряды, пользоваться пудрой и духами. Благодаря такому воспитанию, она довольно быстро избавилась от мальчишеских ухваток, которых изрядно набралась в играх с братьями. Немало способствовал тому и возраст: ведь именно в четырнадцать-пятнадцать лет девочки стремительно взрослеют. Соня увлеклась новой жизнью, придворными интригами, тонкостями этикета и моды. Вскоре она, вероятно, стала бы настоящей светской дамой, но тут из дома пришло страшное известие: военный отряд, пришедший из Аквилии, жестоко расправился с ее родными и даже слугами... А гибель сестры — ее тогда не было в поместье и смерть настигла девушку в монасты-

ре, где она воспитывалась, убедила Соню, что нападение на ее родной дом было не просто бандитской вылазкой. Нет, это была кровная месть! Поняв это, Соня стала заботиться о своей безопасности, и лишь благодаря этому сумела избежать покушения. С тех пор она скиталась по Хайбории. Лишь одно чувство безраздельно владело девушкой — ненависть к аквилонцам. Сейчас перед глазами Сони как живые встали: отец — большущий, грубоватый, громогласный, немного напоминающий разбойника, вспыльчивый, но отходчивый; мать — нежная, добрая; сорванцы-братья; сестра... Девушка вдруг почувствовала, что у нее дрожат губы.

— Эй, что это с тобой? — допытывались Нефф и Орефф.

— Со мной? Ничего. Ровным счетом ничего, — ответила Соня твердым голосом. Может, даже излишне твердым.

Внезапно раздался довольно громкий лязг и плеск — ушла под воду цепь, преграждавшая путь через пролив. Это событие произошло весьма кстати — ведь оно отвлекло братьев от разговора, делявшегося для Сони опасным.

— Эг-гей, волки мои верные, быстро на весла! — раздался громовой голос капитана Грейпа. — Поплыvем к этим пожирателям ракушек в гости. Клянусь благосклонностью Имира, среди прочего угощения на столе у капитана стояло блюдо с ракушками! Прямо в скорлупе!

Архивный смех команды был ему ответом. Гребцы быстро заняли свои места и под мерные удары

барабана «Морской Дракон» двинулся вслед за барабанскими кораблями. Спустя некоторое время позади послышались протяжный скрип и позвякивание. Соня, из интереса, прошла на корму взглянуть, что происходит: мокрая черная цепь снова подымалась из воды, преграждая непрощенным гостям путь в глубь бухты.

\* \* \*

Остров казался суровым и негостеприимным. Холмы, поросшие поседым от ночных заморозков ковылем, сменялись красно-бурыми гранитными скалами. Ни леса, ни даже одиноких деревьев видно не было: то ли они никогда не росли здесь, то ли давным-давно были срублены пиратами для постройки и ремонта кораблей. Пролив завершался бухтой: почти идеально круглой и такой широкой, что дальний ее край был плохо виден, несмотря на ярко светившее солнце. Но, хотя размеры бухты были весьма значительны, ее почти наполовину заполняли корабли. Тут были галеры лишь с одним рядом весел (они напоминали «Дракона»), а также высокобортные, на которых весла были расположены в два ряда. Кроме того, здесь были небольшие парусные караки, пузатые галеоны, высоко вздымающие свои мачты с длинными реями, скромные баркасы... Часть кораблей, составлявших это разномастное сорище, были боевыми, остальные же — купеческими, их пираты захватили и привели сюда, чтобы отремонтировать, а затем, сменив внешний вид и

название, продать их в Кордаве, Мессантии или даже в далеком Асгалуне. А дальше, за мачтами, реями, переплетенными канатами, свернутыми парусами, взбирался на прибрежные холмы город. Пираты, не без юмора, называли этот свой город Трущобой. Впрочем, неизвестно еще, чего в таком названии было больше: юмора или правды. Действительно, это были самые настоящие трущобы: кривые, узкие и грязные улочки причудливо извивались по склонам холмов. Не было и речи о каком-либо едином плане, город рос беспорядочно и стихийно, точно коралловый риф. Припывал корабль, команде которого посчастливилось захватить богатую добычу. Капитан его, выбрав предварительно более-менее ровное место, строил склад, чтоб было где хранить товары с разграбленных кораблей. Спустя какое-то время команда другого корабля возводила неподалеку длинный барак, пригодный для содержания в нем рабов. Ну а какой-нибудь ловкий делец наскоро возводил здание, большее всего напоминавшее сарай, и устраивал в нем таверну, в которой пираты имели возможность весело и быстро освободить свои кошельки от награбленного золота и серебра. Впрочем, содержать таверну было занятием не таким уж безопасным, ведь здешние клиенты вовсе не были законопослушными гражданами. Зачастую случалось, что спустивший свое добро, но еще не утоливший жажду гуляка брал себе выпивку даром, да еще и калечил хозяина. Склады, игорные дома, парусные и оружейные мастерские, курильни чер-

ногого лотоса,nochлежки... По улицам этого «города», меся вязкую грязь, бродили пираты, увешанные оружием, портовые шлюхи, скupщики краденого, шулеры и разного рода мошенники. То и дело слышались шумные перебранки, в которых звучала разноязычная речь: здесь можно было встретить представителей всех народов Хайбории, а пожалуй, и заморских стран, таких, как Лемурия или Му.

Поначалу Соня собиралась скрыться от гостеприимного капитана Грейпа и его бравой команды, но, побродив немного по Трущобе, переменила свое решение: не стоило бросаться из огня в полымя. Ввolio налюбовавшись картинами пиратской жизни, она к ночи вернулась на борт «Морского Дракона». Корабль пришвартовался в самом конце длинной, чуть ли не в целую лигу, пристани, и Соня долго шла по скрипучим доскам настила мимо темных силуэтов кораблей, на которых лишь кое-где тускло светились огоньки масляных ламп. Внизу волны лениво хлопали о бревенчатые сваи.

Когда девушка поднялась на палубу, навстречу ей шагнула темная фигура.

— Сана, это ты? Посиди немного со стариком. Поболтаем, посмотрим на звезды...

Соня узнала голос Орма. Они присели на скамью для гребцов. Стояла тишина, лишь за бортом лениво плескала вода да из палубного люка доносились похрапывание: там спала команда. В отверстия для весел задувал холодный сырой ветер. Соня зябко передернула плечами.

— Это приглашение посидеть сделано неспроста, верно? — спросила она, прервав затянувшееся молчание.

— Верно, — неторопливо ответил Орм. — Я хочу поговорить с тобой.

— О чём же это? — В голосе девушки послышалась настороженность.

— О твоей жизни. О дальнейшей жизни. Девушка, что ты намерена делать дальше?

— Дальше? — ухмыльнулась Соня и, пожалуй, было хорошо, что ночная тьма скрыла от старика эту ухмылку. — Отправлюсь спать. Прошлую ночь я провела на камбузе. Там тепло от печки и довольно уютно. Думаю, что спать в матросском кубрике мне как-то не к лицу.

— Ты ведь понимаешь, я имею в виду не только сегодняшнюю ночь.

— Ну, а завтра с утра займусь чисткой котлов. Такую плату ваш повар назначил мне за ночлег. — В голосе девушки звучала откровенная издевка. Но, вопреки ее ожиданиям, Орм не пришел в негодование, а напротив, принял игру.

— Если ты намерена и дальше жить при камбузе, то к концу плавания сделаешься неплохой посудомойкой. А может, даже и готовить научишься. Сможешь поступить кухаркой на какой-нибудь постоялый двор. Весьма почтенная и сытая профессия. Думаешь, случайно все кухарки такие толстые?

Против воли, Соня прыснула. Разозлить старика ей не удалось. Более того, он сумел рассмешить ее саму.

— Я ничего не знаю о твоей жизни,— продолжал меж тем Орм,— но, по моему мнению, последнее время тебе приходилось несладко. Скажи, я прав?

Девушка лишь передернула плечами и ничего не ответила. Она вовсе не собиралась раскрывать душу перед первым встречным.

— Я повторю свой вопрос.— Орм проявлял за видную настойчивость.— Что же все-таки ты намерена делать дальше?

— А зачем думать о дальнейшей жизни? — в свою очередь спросила Соня.— Вот вы, все вы — разве вас интересует, что произойдет завтра, или послезавтра, или через месяц?

— Разумеется,— ответил Орм.

— Ну а мне кажется, что это не так. Плынете себе по морю. Если встретите корабль — грабите его. Если никого не встретите, плывете дальше. А когда наконец наберете полный трюм добра, вернетесь домой, в этот свой Йомс. Вот и все.

— Ты не права,— покачал головой Орм.— Если бы мы действовали именно так, то навряд ли могли бы взять хорошую добычу. Нет, надо заранее знать, на кого нападешь, в чьих трюмах может находиться настоящий груз. Иначе получится так, что сражаешься и рискуешь жизнью ради рыбакских сетей или нескольких бочек соленой рыбы. Расскажу тебе случай, который произошел несколько лет назад. Один капитан, его звали Берси, отправился в пиратский набег и неподалеку от аргосских берегов встретил огромный четырехмачтовый галеон. Берси был храбр, команда

его тоже, и они рискнули погнаться за этим гигантом. На палубе галеона оказалось множество солдат-лучников и катапульты, которые повредили корабль Берси, а кроме того, нанесли немалый урон команде. Берси продолжал преследование, он предвкушал хорошую добычу: если корабль имел такую хорошую охрану, то это значило, что на его борту находится что-то очень ценное. В конце концов он сумел подойти к галеону вплотную и пошел на абордаж. Сражение длилось целый день и закончилось победой ваниров. Но представь себе удивление и досаду всей команды, когда в трюме захваченного ими огромного корабля не оказалось ничего, кроме мраморной глыбы локтей семидесяти в длину! Оказывается, этот галеон вез ее в Шем — из этой глыбы собирались сделать какую-то статую или колонну для главной площади Асгалуна. Это делалось по велению правителя Асгалуна, а потому корабль охраняли солдаты регулярной армии. Таким образом, после целого дня сражения, в котором полегла половина команды и был поврежден корабль, капитан Берси захватил в качестве трофея огромный валун. Они с трудом смогли вернуться домой: мачта была сломана, а гребцов не хватало. Над этим случаем смеялась половина Ванахейма. Я рассказал это, чтобы ты поняла, как важно видеть путь, по которому собираешься идти.

— И что же, ты хочешь сказать, что вы все хорошо видите свой дальнейший путь, а не действуете наудачу? — пожала плечами Соня.

— Именно для этого капитан решил сковориться с бараханцами,— ответил Орм,— ведь они знают здешние места куда лучше, чем мы. Правда, Енси, хозяин той большой галеры, говорит, что для морского разбоя настали плохие времена: торговля в упадке, а корабли ходят редко и везут мало ценного груза. А было бы неплохо захватить, например, корабль с грузом серебра, что добыто в Рабирийских горах. Правда, такие корабли не ходят по одиночке и хорошо охраняются... Потому мы и собираемся выйти в море вместе с «Громом». Два корабля способны совершить крупные дела. Неплохо к тому же было бы захватить какое-нибудь богатое поселение возле побережья. Но вначале надо узнать, какое именно: чтобы добычи хватило на всех... Но с другой стороны, отряд охраны не должен быть особенно велик. Сама понимаешь, что то и другое одновременно встречается не так уж...

— Яу-у! — выкрикнула вдруг девушка, и первобытная радость прозвучала в ее голосе.

— Что это ты? — удивленно спросил Орм.

— Что? Я знаю такое место! Знаю! Это замок, которым владеет один влиятельный и независимый господин! Он живет тем, что ходит со своими людьми в разбойничьи набеги. Замок стоит в пустынной местности. Достаточно дождаться, пока отряд отправится в очередной поход, разгромить оставленную в замке охрану, и все сокровища будут наши!

— А ну-ка, ну-ка...— сразу заинтересовался Орм, и в его голосе тоже послышались хищные

нотки.— Вот что, девушка. Завтра утром ты расскажешь все это нашему капитану. Если рассказ твой окажется правдой и дело выгорит, ты станешь богатой невестой и сможешь принести своему жениху неплохое приданое. Ну, а теперь, пожалуй, пора спать. Отправляйся-ка к себе на камбуз и отдохни хорошенко. Завтра тебе понадобится ясная голова.

Легко сказать, отдохни хорошенко! Полночи девушка проворочалась с боку на бок на старом парусе, свернутом в несколько раз и постеленном возле камбузной печи. Сон никак не шел. Не шел, и все тут! Перед мысленным взором Сони снова и снова вставало лицо Гиллеро, пуантенского вельможи-разбойника. Знающие люди сообщили Соне, что именно он привел в Хауран военный отряд. Тот самый отряд, который... О, Нергал! Подавляя крик, рвущийся из груди, девушка так крепко стискивала челюсти, что на скулах вздувались желваки, а губы растягивались в свирепом оскале. Наверное, со стороны это выглядело уродливо, но здесь, в темном и тесном камбузе, некому было любоваться ее лицом. Так что плевать... Плевать!

В своих скитаниях по Хайбории Соня как-то попала в Аквилонию. Забрела и в южную ее провинцию — Пуантен. И вдруг в чужом разговоре случайно услышала знакомое имя. Знакомое и ненавистное! Гиллеро... С помощью осторожных расспросов вызнав местоположение замка этого бандита, Соня отправилась посмотреть на человека, смерти которого так страстно желала. Замок

стоял в горах, неподалеку от слияния рек Алиманы и Хорота. Девушка долго шла к нему по пыльной, прокаленой солнцем, малоезженой дороге. Здесь не было ни полей, ни селений, даже людей почти не встречалось. Ну а те немногие, что попадались навстречу, выглядели настоящими разбойниками. Впрочем, Соня, одетая по-мужски, могла сойти за бедного крестьянского паренька и не вызывала в этих весьма подозрительных прохожих какого-либо корыстного интереса.

Замок Гиллеро выглядел запущенным: ров пересох, на дне его лежал слой бурой, высохшей тины и валялись отбросы, которые, как видно, кидали со стен обитатели замка. Над ним подымался смрад, а в воздухе вились, громко журчали, зеленые мухи. Два охранника стояли на мосту, облокотившись о перила, и вяло о чем-то разговаривали. На их доспехах кое-где виднелась ржавчина, а лица были покрыты тем сизоватым густым румянцем, который может быть вызван лишь изрядной долей горячительных напитков. Осолевевшие от вина охранники почти не обратили внимания на чумазого подростка в потрепанной крестьянской одежонке, прошмыгнувшего мимо них в ворота.

— Пастушонок, наверное, — сказал один, лениво зевая. — Вон недавно стадо в ворота загоняли, а этот, видно, отстал от своих.

— От кого отстал-то, от пастухов или от баранов? — спросил второй, и оба грубо захочотали.

Двор замка порос сорной травой, среди которой там и сям были протоптаны дорожки. К

каменным внешним стенам примыкали бревенчатые казармы с односкатными крышами и маленькими подслеповатыми оконками. Из их широко распахнутых дверей доносились крики, нестройное пение и взрывы хохота. В центре двора высоко в небо вздымалась грузная башня. Судя по всему, в ней-то и жил владелец замка: из верхних окон высовывались древки, с которых свисали желто-золотистые полотнища знамен с изображением алого леопарда — древнего герба Пуантена. По запаху, распространявшемуся из приоткрытых ворот башни, можно было определить, что первый этаж отведен под конюшню. Охранник возле ворот оказался куда менее благодушен, чем те, что дежурили на мосту. Когда Соня попыталась войти внутрь, он, ни слова не говоря, так толкнул ее рукоятью алебарды, что девушка кувырком покатилась в заросли бурьяна.

— Эй ты, щенок, что тебе там понадобилось? — хрюпал заорал охранник. — Таких чумазых, как ты, к его светлости не пускают. У него имеются друзья, охочие до молодых мальчиков, но не думай, что они польстятся на чучело с грязной харей, вроде тебя. А ну, пшел прочь!

Соня поднялась, держась за ушибленный бок, отошла в сторонку и устроилась поудобнее возле стены башни, прислонившись спиной к грубой каменной кладке. Девушка принялась терпеливо ждать. Время от времени она ощупывала рукоять маленького, но остrego кинжала, спрятанного под одеждой. Соня старалась представить себе,

как именно это произойдет: вот Гиллеро выходит из ворот, а она метнется к нему и вонзит в его шею лезвие кинжала. У нее получится, она ведь быстрая и сильная. Ну а потом пусть убивают, месть уже свершится. Каков из себя этот Гиллеро? Не обознаться бы, не спутать с кем другим... В голове у Сони гудело. Солнце приятно щекотало лучами ее лицо, ныли мышцы усталых ног. Она шла сюда больше суток, а не ела еще дольше. К горлу подступала голодная тошнота... Соня продолжала терпеливо дожидаться. Потом она, кажется, все-таки задремала. Вдруг раздался ревущий звук трубы, и за воротами загрохотали копыта большого отряда всадников. Солдат, стоявший у входа в башню, поспешил взял на караул: наверняка это ехал Гиллеро! В воротах показался глава отряда, и выбегавшие из казарм солдаты нестройно кричали: «Слава его светлости! Слава!» Соня глянула и чуть не заплакала с досады: да, впереди, вне всякого сомнения, ехал тот, кто ей нужен, но... Дюжий конь серо-стальной масти нес на своей спине огромного человека, с ног до головы закованного в броню. Заплещенная косицей черная борода свисала на грудь, покрытую пластинами панциря. Рукоять огромного авуручного меча, закрепленного за спиной, вздымалась над навершием шлема. Второй меч, поменьше, висел сбоку, колотясь о стальные поножи, защищающие икры. Ее враг был похож на какое-то чудовище, железного великана, выкованного в кузнице колдуна. Соня вдруг почувствовала себя такой маленькой и жалкой со сво-

им смешным ножичком под полой куртки. Проклынув мимо спешившихся всадников, она выбралась из замка и побрела на юго-запад, спускаясь в долину Хорота...

Но теперь... О, теперь она приведет к замку экипажи двух, а то и трех пиратских кораблей. Они сотрут это поганое гнездо с лица земли! Сожгут и раскидают по камешку! Подгадать бы так, чтобы Гиллеро оказался в замке. Говорят, что он зачастую ленится идти в набег и посыпает отряд с кем-нибудь из офицеров. Яу-у, она убьет его! Две сотни пиратов будут ее оружием, ее мечом, ее копьем... Яу-у!

\* \* \*

«Морской Дракон» шел вперед сквозь ночь. Политые водой уключины не скрипели, не плескали весла, обвязанные тряпками. Даже барабан не отбивал ритм, но опытные гребцы и без него взмахивали веслами, точно один человек. Корабль подходил к устью Хорота. Предстояло незаметно проскользнуть мимо морских дозоров, охранявших Мессантию, столицу Аргоса, а потом и мимо самой столицы. Если их заметят, то вдогонку бросится весь аргосский флот. Прямо по курсу виднелся желтый неяркий огонек: это горела масляная лампа в кормовой каюте «Грома». Все окна в этой каюте, кроме одного, были закрыты ставнями, чтобы огонек мог разглядеть лишь тот, кому нужно, то есть кормчий корабля из Ванахайма. «Гром» и «Дракон» шли словно связанные тоненьким лучиком света. Мало-помалу впереди

и слева стала видна целая россыпь светящихся точек. Это не могли быть звезды, небо плотно затягивали тучи.

— Видно, это и есть Мессантия,— пробормотал себе под нос капитан Грейп и негромко прикрикнул: — А теперь тихо, волчьи отродья! Веслали не плескать, а говорить только шепотом. Иначе эти южане навалятся на нас целой оравой... Эй, Сана, моли Имира, чтобы помог нам пройти незаметно. Тогда уж точно доберемся до твоего Галлера.

— Я молю об этом всех богов, которых знаю,— отозвалась девушка.

Несколько дней назад Соня рассказала обоим капитанам, Грейпу и Енси все, что знала о местоположении, укреплениях и обороне замка. Выслушав ее, Старая Гиена Енси довольно долго молчал, покачивая головой. Наконец он сказал, что слышал о Гиллеро и что это — действительно богатый человек. Но войти на кораблях в Хорот... Не будет ли это то же самое, что оказаться в открытой до поры тюремной камере? Ведь достаточно будет подойти с моря нескольким кораблям аргосского флота, чтобы возвращение оказалось невозможным. Грейп возразил, что такое навряд ли произойдет, если действовать осторожно. Да и вообще: всегда можно бросить корабли и уйти сушей, унося золото на спинах. Если Гиллеро действительно так богат, то захваченное у него золото и серебро должно многократно перекрыть стоимость двух подержанных кораблей. Енси усмехнулся: это золото еще нужно добыть, что само

по себе является нелегкой задачей, а Грейп принялся горячо доказывать, что никто не сможет устоять против молодцев из Ванахайма. Отважный Грейп и осторожный Енси спорили еще довольно долго, немало потешая наблюдавшую за ними Соню. В конце концов Старая Гиена сказал, что он согласен принять участие в этом деле, но не потому, что оно так уж ему нравится, а по той причине, что морской разбой последнее время приходит в упадок и пираты вынуждены хвататься за любую возможность заработать. На том и порешили, а спустя пару дней «Гром» и «Морской Дракон» вышли из гавани и взяли курс на восток, к берегам Аргоса.

Огоньки Кордавы переместились к левому борту и значительно увеличились как в числе, так и в размерах. Теперь город был так близко, что на кораблях была слышна перекличка ночной стражи и голоса поздних гуляк, покидающих припортовые кабачки. Ход кораблей несколько замедлился: они уже вошли в устье, и теперь гребцам приходилось преодолевать течение Хорота. Впрочем, река здесь была нетороплива. Капитан Грейп стоял на носу корабля, возле правого борта, и пристально всматривался в тьму. Им надо было двигаться, обходя город как можно дальше, почти прижимаясь вплотную к противоположному берегу. Но при этом они рисковали оказаться на мели. Зрение почти не могло помочь в таком густом мраке, а потому корабль двигался на ощупь, точно слепец, вооруженный посохом. На его носу два дюжих ванира то и дело опускали в

воду длинный шест, измеряя расстояние до дна. Если оно начинало уменьшаться, то гребцы левого борта пропускали один-два взмаха веслами, чтобы корабль слегка развернуло. Постепенно городские огоньки ушли за корму, уменьшились, а затем вовсе пропали. Но корабль продолжал двигаться все так же осторожно. Казалось уже, что это медленное, но настойчивое движение сквозь тьму длится уже целые годы, если не века. Вдруг капитан понял, что может отличить черную стену прибрежных ив от чуть менее темного сероватого неба. Наступал рассвет. Но успели ли они отойти достаточно далеко от Мессантии? Капитан старался ничем не выказывать, насколько он озабочен этим. Через некоторое время, когда еще больше посветлело, впереди стала различима темная угловатая масса. Это был «Гром», он шел локтях в пятистах впереди. А еще через некоторое время краешек солнца показался над горизонтом и осветил пустынные берега, которые тянулись справа и слева от корабля. Хорот здесь был так широк, что берег по левому борту казался сплошной синеватой линией и различить там какие-либо детали было невозможно. Справа же берег подступал почти вплотную, весла едва не застrevали в зарослях тростника.

— Порядок, — удовлетворенно сказал Грейп, — мы смогли прокопаться незамечеными. Теперь нам будут встречаться лишь рыбакские деревушки, а те простаки, что живут там, навряд ли заподозрят хоть что-нибудь. Ну плывут корабли и плывут. Кто сейчас догадается, что мы — ваниры?

Действительно, корабль удивительным образом переменился: драконья голова была снята, на носу и корме появились башенки, напоминавшие те, что возвышались на «Громе». Галеры с корпусами такой архитектуры были достаточно обычны в этих местах.

— Да, еще одно дело, — спохватился капитан Грейп. — Эй, кто-нибудь... Нефф и Орефф хотя бы, пойдите-ка сюда... Вот что, братцы, пройдите по всей палубе и предупредите каждого, пусть держат свои пасти закрытыми. Звук по воде разносится далеко, а нам вовсе не нужно, чтоб кто-нибудь услыхал, что здесь, на борту, разговаривают по-ванирски.

Да, маскировка была безупречной. Однако как Грейп, так и Енси не учли еще одно немаловажное обстоятельство: обычно корабли, подымавшиеся вверх по Хороту, двигались вдоль правого берега, где фарватер был более удобен. «Гром» и «Дракон» держались неудобного, изобиловавшего мелями левого берега. Старосты нескольких деревень сочли это подозрительным и послали в столицу соответствующие донесения...

Несколько дней прошло в однообразном и бедном впечатлениями плавании по реке, пока наконец однажды утром «Гром» и «Дракон» не пересекли ее возле слияния с Алиманой и не остановились, уткнувшись носами в берег. Дальше предстояло добираться пешком. До полудня команды отдыхали, а затем, проверив оружие и оставив небольшие отряды для охраны кораблей, двинулись в путь. Грейп оставил на «Драконе» около

двадцати человек, взяв с собой семьдесят пять бойцов. Команда «Грома» была куда больше, но Старой Гиене Енси пришлось оставить на борту полсотни человек, чтобы они надзирали за рабами-гalerниками, так что его отряд составлял лишь шестьдесят воинов.

Они шли и шли вперед. Вокруг расстилалась бесплодная пустынная местность, где не было видно никаких признаков жизни. По здешним горам проходила граница трех государств: Зингары, Аргоса и Аквилонии. А жили здесь в основном разбойники вроде Гиллера. Отсюда они могли совершать набеги в любую из трех стран.

Подымая сапогами пыль, пираты бодро топали по кремнистой дороге, полого уходящей вверх, в горы. Оба капитана шли рядом. Они то обсуждали план предстоящего нападения, то снова и снова расспрашивали Соню о размерах крепости, высоте ее стен, глубине и ширине рва, о приблизительном числе защитников... Когда стутились сумерки, отряд сделал недолгий привал. Чтоб не разжигать огня, перекусили лишь хлебом с сыром и вяленым мясом, после чего, немного отдохнув, двинулись дальше. Наконец ранним утром, когда небо едва начало сереть, они достигли замка.

Отряд разделился: люди Енси остались на месте, напротив ворот, а ваниры, прячась за кустами и скалами, пригибаясь, а кое-где даже ползком, чтобы их не заметили дозорные, отправились в обход. Рассказывая об особенностях замка, Соня сообщила, что в одном месте задней стены имеется пролом, заложенный бревнами. Выслу-

шав ее, Грейп сказал, что пролом, скорее всего, возник в результате одного из предыдущих штурмов, затем его наспех заложили бревнами, да так и оставили. Капитан добавил, что хозяин замка, судя по всему, порядочный разгильдяй, но им это только на руку. Теперь ваниры сосредоточивались возле того места, где в серой стене, сложенной из известняковых плит, темнели дубовые бревна. Стояла тишина. Потом ее разорвал крик петуха. Небо быстро светело.

— Что же Гиена медлит? — прошептал Грейп. — Нам надо успеть до того, как рассветет...

Но тут вопли и глухие удары, раздавшиеся со стороны ворот, дали понять, что штурм начался. Все остальные звуки перекрывал оглушительный рев боевого рога. Шум схватки все нарастал. Именно теперь, когда все силы обороныящихся были сосредоточены возле ворот, настала пора действовать ванирам. Взмахом руки Грейп подозвал дюжину крепких воинов с короткими копьями в руках. По сигналу капитана они бегом бросились к стене и с силой метнули копья в бревна клети. Первое воткнулось на высоте полтора локтей от земли, второе — в трех локтях, следующее — в четырех... Последнее осталось торчать из стены под самым ее верхним краем. Тогда Грейп закинул щит за спину и, быстро вскарабкавшись по копьям, оказался наверху. Вслед за ним отправился один боец, второй, третий... Гарнизон замка был настолько занят защитой ворот, что довольно долгое время никто не замечал, что происходит в тылу. Ваниров заме-

тили, только когда на стене оказалось человек тридцать. Обороняющиеся, надо отдать им должное, действовали быстро и четко. Отряд тут же был обстрелян из луков. Один ванир безжизненно повис на зубце стены со стрелой, торчавшей из глазницы, другой с истошным криком полетел в ров. Но Грейп со своими людьми уже были во дворе. Там ваниры сразу сбились в плотную группу и, издавая воинственные крики, принялись прокладывать себе дорогу с помощью мечей и топоров. Люди Грейпа стремились к воротам, чтобы, захватив их, впустить в замок людей Енси, а те в свою очередь яростно рубили топорами толстые дубовые доски, прорываясь на соединение с ванирами. Сверху обильно сыпались камни и стрелы, воины спасались от них, держа щиты над головой. К счастью нападавших, хозяева замка поленились своевременно втащить на стены тяжелые валуны, способные сбить человека с ног вместе со щитом, а вскипятить воду, чтобы лить ее на головы атакующих, они не успели из-за неожиданности нападения.

Ваниры тем временем прошли уже половину пути через внутренний двор и сейчас сражались возле центральной башни. Снова взревела труба, распахнулись ворота башни, и показался небольшой, человек в десять-двенадцать, конный отряд, который врезался в группу ваниров. Видимо, всадники собирались смять противника, но из-за тесноты не сумели набрать скорость. Ваниры выдержали удар и принялись рубить конников топорами. Вскоре те были либо перебиты,

либо лишились своих коней. Но хоть и не до конца, а своей цели они достигли: отряд ваниров оказался раздроблен, и теперь уже, вместо единой схватки, велось несколько поединков. Двор замка оглашался криками и звуками ударов, проклятиями и протяжным хрипом умирающих. Грейп зарубил коня под огромным человеком, с головы до ног закованного в латы, но тот сразу вскочил и принял ловко орудовать двуручным мечом.

— Что-то ты долго собирался! — выкрикнул ванир. — Видно, железки свои надевал? Ого, да ты и бороду успел заплести!

Его противник продолжал рубиться молча. Он обладал силой медведя, но большая длина меча была скорее помехой в тесноте этой беспорядочной схватки, и Грейп без труда парировал удары своим топором. Вдруг бородатый, яростно взревев, метнул свой меч в голову Грейпа, точно копье. Предводитель ваниров рухнул на землю, обливаясь кровью, шлем свалился с его головы. Его противник выхватил из ножен, висевших на поясе, второй меч, короткий и тяжелый, и в мгновение ока свалил двоих-троих ваниров, находящихся в пределах досягаемости, и, свирепо потрясая клинком, заревел:

— Бей рогатых! А потом займемся теми, что за воротами!

И неизвестно, чем закончилось бы сражение, если бы как раз в этот момент ворота замка не распахнулись настежь и в них не ввалилась толпа барахранцев, свирепо размахивавших мечами.

Это сработала третья часть плана. Удар Грейпа, как и удар Енси, тоже был лишь отвлекающим. Пока половина ваниров сражалась во дворе, остальные незаметно пробрались по вершине стены и сумели, захватив ворота, открыть засов. Когда во двор ворвались свежие силы противника, дух защитников крепости оказался сломлен. С испуганными и жалобными воплями они принялись разбегаться кто куда. Их предводитель, великан с черной, заплетенной бородой, продолжал отважно отбиваться, прижавшись спиной к стене. Никто не хотел попасть под удар меча этого свирепого, точно бересайк, человека, и его закидали копьями. Сломив противника, захватчики рассыпались по крепости, отыскивая тех, кто пытался спрятаться, взламывая двери, выгребая из помещений все маломальски ценное и таща его во двор для последующего дежала. Из продуктовой кладовой и винного погреба уже доносились веселые крики: там началась попойка.

В раскрытые настежь ворота неторопливым шагом вошел Старая Гиена Енси. С видом победителя, хотя и без всякого бахвальства, он осматривал кошмарную картину, оставшуюся после боя. Путь ваниров от задней стены замка до середины двора был буквально усыпан телами, оружием, разбитыми щитами... Особенно страшно выглядело то место возле башни, где северяне приняли удар конного отряда. Трава там почернела от пролитой крови. Тела людей и животных валялись вперемешку. Одна лошадь, еще живая,

билась, безуспешно пытаясь подняться. В боку ее зияла огромная рана, нанесенная боевым топором. Енси воздел вверх указательный палец, и из-за его спины немедленно возник дюжий воин. Старая Гиена молча указал на животное. Кивнув, воин подошел и нанес короткий, точный удар. Голова лошади с негромким стуком упала на утоптанную землю. Енси одобрительно покивал, а затем, по-прежнему неторопливо, направился в ту сторону, где несколько ваниров хлопотали возле своего капитана. Грейп несколько оправился, он уже сидел на земле. Один воин придерживал его за плечи, а другой тем временем перевязывал голову раненого куском ткани, оторванным от рубахи. Закончив, он достал флягу и смочил повязку вином. Грейп скривился и зашипел сквозь зубы, когда жидкость обожгла рану. Затем поднял глаза на маленького человечка в длинной хламиде.

— А, Енси... Как видишь, мы победили.

— Да,— отозвался предводитель бараханцев.— Мы победили.

Произнося эти фразы, как тот, так и другой капитан сделали ощутимое ударение на слове «мы». Каждый из них был склонен считать победу заслугой прежде всего своей команды.

— В состоянии ли ты подняться на ноги, мой отважный друг? — спросил Старая Гиена, едва заметная насмешка прозвучала в его голосе.— Скоро надо будет делить добычу, и твое присутствие при этом событии было бы крайне желательно.

— Способен ли я подняться? — Грейп нашупал валяющийся рядом топор и встал, опираясь на его длинную рукоять. Затем он сделал пару осторожных шагов и сказал:

— В голове у меня все еще звенит, но я уже способен и ходить, и соображать. Настоящий мужчина должен уметь переносить удары противника.

При этих словах Грейп с чувством превосходства глянул на барабанца. Старая Гиена криво усмехнулся. Они относились друг к другу с изрядной долей презрения. И у каждого были на это вполне серьезные основания.

— Пошли, посмотрим, что хорошего нашлось в здешних закромах.

Грейп, тяжело опираясь на топор, направился туда, где пираты сваливали в кучу найденную добычу. На пыльной траве вперемешку валялись украшения, дорогие одежды, оружие, доспехи, серебряная посуда, богатая конская сбруя... Неподалеку, со связанными сзади руками, стояли несколько десятков пленников: их можно было продать как рабов или посадить за весяла галеры.

— Хорошая добыча! — осклабился Грейп. — Только сможем ли мы дотащить все это до кораблей?

— Если ты сумел захватить богатую добычу, глупо сетовать на ее тяжесть, — поучительно произнес Енси. — Каждый возьмет столько, сколько сможет унести. Кроме того, мы хорошенько нагрузим весь скот, который найдется в этой крепости: коней, ослов, рабов...

Грейп пытливо глянул в лицо барабанцу. Пожалуй, причисляя рабов к скоту, тот и не думал шутить.

— Что ж, — сказал наконец ванир, — коль так, давай зайдемся дележом.

\* \* \*

Соня пробиралась по двору, внимательно осматривая тела павших, густо усеявшие двор крепости. Кошмарное зрелище вызывало тошноту, но в то же время странно возбуждало ее. Наконец, возле стены донжона, она наткнулась на того, кого надеялась отыскать. Тело Гиллера лежало навзничь, почти на том самом месте, где Соня когда-то ожидала встречи со своим врагом и судорожно сжимала рукоять маленького кинжалчика. Встреча все же состоялась, но теперь ее оружием, ее клинком были без малого полторы сотни опытных бойцов. И она сумела нанести свой удар! Соня долгим взглядом смотрела в залитое кровью лицо своего врага. Затем, повинувшись неожиданному порыву, ухватила косицу бороды и со злостью рванула ее... И Гиллеро медленно поднял веки. На Соню, потерявшую дар речи и способность двигаться, уставились горящие ненавистью глаза. Затем, скрипя железом доспехов, он попытался встать. Остатки разбитого шлема свалились с его головы. Не в силах шевельнуться, девушка наблюдала, как гигантские руки упираются в землю, как сгибаются ноги, как колени с усилием отрываются от земли. Холодная волна ужаса прокатилась по телу Сони.

А затем ее сердце гулко ударило и часто забилось, наполняя жилы горячей, обжигающей, гудящей в ушах кровью.

— Помнишь Хауран? Поместье Салафру помнишь? (Чей это голос, подумалось девушке, неужели мой?) Помнишь семью, которую ты убил?

В затуманенных глазах Гиллеро блеснула искорка.

— А-а... Это ты? Пиратов навела... Тогда, в Хауране, мы не смогли до тебя добраться... Прав был Сулар — надо всех под корень, чтоб никто не ушел... А ты ушла, упустили... Но теперь я до тебя доберусь!

Пошатываясь, Гиллеро шагнул вперед. Руки в железных перчатках тянулись к горлу девушки. Дальше тело Сони, казалось, действовало само, без участия рассудка. Нырнув под локтем великаны, она вскочила ему на спину, обвив ногами поясницу и левой рукой обхватив шею. Соня визжала, терзала ногтями шею и щеку противника, вцепилась зубами в ухо, а правая рука тем временем лихорадочно нашаривала на поясе кинжал. Пальцы сомкнулись на рукояти, выдернули лезвие из ножен, и наконец маленький острый клинок вонзился в толстую, жилистую шею пуантца.

Гиллеро глухо охнул, всплеснул руками... Соня едва успела соскочить с его спины, как граф, точно деревянный столб, рухнул вниз лицом на землю. Вот теперь он действительно был мертв. Слышалось негромкое бульканье: это остатки крови покидали тело гиганта, вытекая из рассечен-

ной шейной артерии. Спустя мгновение голова Гиллеро буквально плавала в темно-красной, почти черной луже. Соня оглянулась и увидела десятки устремленных на нее вытаращенных в изумлении глаз.

— Уа-хха-ха-ха! — раздался глухой смех капитана Грейпа. — Хорошего же медведя завалила наша девчонка! Вот, держи за это!

Рукоятью топора Грейп подцепил из груды трофеев длинную золотую цепь-ожерелье, укрупненную самоцветными камнями, и метнул ее Соне. Девушка совершенно машинально вскинула руку и поймала летевшее к ней украшение.

— Зря, — раздался скрипучий голос Енси.

— О чём это ты? — резко обернулся Грейп. — Может, тебе жаль ожерелья? Тогда вычти его стоимость из моей доли. А девчонка — все равно молодец!

— Я не об этом, — покачал головой Старая Гиена. — Жаль, что она убила владельца замка. Ведь у него наверняка имеются тайники с золотом и драгоценностями, о которых мы ничего не знаем. А теперь и не сможем узнать.

— Что же ей оставалось делать? Может, дать этому громиле убить себя? Уж не шутишь ли ты, Енси?

— Она могла бы действовать поосторожнее. Не убивать, а ранить...

— Тьфу! — выразил свое отношение к этим словам Грейп. — Хочется мне посмотреть, как ты сам стал бы на ее месте действовать поосторожнее. Погляди, с каким железным пугалом ей при-

шлось схватиться! Ведь этот треклятый Гиллеро даже меня сумел сбить с ног. Меня! Эгей, Сана, гордись! Ты смогла справиться с противником, который оказался не по зубам самому Грейпу из Иомса, сыну Гурна.

Соня воспринимала едва ли половину из того, что ей говорили. Перед ее глазами все еще стояло страшное, залитое кровью лицо, в ушах звучал хриплый голос, слова, полные лютой ненависти... Причем было в этих словах что-то... «А, это ты... Мы не смогли до тебя добраться... Прав был Сулар — надо всех под корень... А ты ушла...» Сулар? Вот оно! Сулар! Человек, разыгравший друга, добившийся доверия. Человек с мягкими манерами и добрыми глазами. Человек, указавший путь убийцам...

— Капитан, эй, капитан! — раздались голоса. Неффа и Ореффа, братьев-погодков. — Смотри, кого мы схватили! В подвале прятался. За бочками.

Братья тащили за руки и время от времени подбадривали пинками низенького толстяка, облаченного в богатые, свободно ниспадающие одежды лилового бархата, обильно расшитые серебром.

— Гляди, капитан, у него на поясе ключи. Целая связка. Наверное, здешний домоправитель.

— Ну вот видишь! — сказал Грейп, обращаясь к Енси. — Нашелся человек, который покажет нам тайники, если они здесь имеются... Эй ты, кусок жира! Быстро открывай все двери и дверцы, о которых только знаешь. А вы, Нефф и Орефф,

проследите, чтобы к каждому ключу отыскался свой замок. Да, кроме того, обыщите того здоровяка, которого сумела завалить наша Сана. У него тоже могут найтись ключи.

Братья с хохотом потащили трясущегося от ужаса толстяка назад в башню.

— А если хоть один ключ останется без замка, — крикнул им вслед Грейп, — то возьмите факел и подпалите этому жирному каплюну пятки!

Из дверей башни донесся тонкий испуганный вскрик пленника и новый взрыв хохота его конвоиров.

— Пятки... — пробормотала Соня. — П-пятки...

Где-то внутри нее нарастал смех: безрадостный, нездоровий, точно рвота, но все же несущий облегчение. А может, это и не смех был, а плач, без слез и всхлипываний... У Сони тряслись плечи, она сделала шаг назад, затем еще один и уперлась плечами в стену башни. Она испытывала слабость и тошноту. Волосы растрепались и свисали на глаза, мешая смотреть. Соня подняла руку, чтобы откинуть их, и, неожиданно для себя, больно ударила по лбу ожерельем, все еще зажатым в кулаке. Она совсем забыла о нем! Это была довольно толстая, но все же изящная цепь из звеньев в форме восьмерки, сплетенных в длинную плоскую ленту. Она свисала из Сониных пальцев, чуть заметно покачиваясь в воздухе. В середину каждого звена восьмерки были вделаны самоцветы. Зеленые, с голубым отливом бериллы чередовались с неизвестными розовыми шпинелями. Камни искрились и

поблескивали под лучами невысокого утреннего солнца.

— Что, понравилось? — весело спросил Грейп. — Эти зеленые камушки здорово подходят к твоим глазам. Ну-ка, надень ее.

Соня опустила тяжелое ожерелье на шею, затем высвободила из-под него волосы. Девушка вдруг почувствовала, что напряжение покидает ее, сменяясь спокойствием и удовлетворением. Может, это было вызвано красотой подарка, но, скорее всего, другими, куда более серьезными причинами. Впервые после гибели семьи она почувствовала, что находится среди друзей. И впервые в душе утихла боль за погибших родных. Теперь они были отомщены. Впрочем, лишь отчасти. Сулар! Но его очередь тоже придет. Соня обязательно позаботится об этом...

— Саня, солнышко мое, я впервые вижу тебя улыбающейся, — сказал Грейп, причем неожиданно мягким тоном.

Соня взглянула на капитана. Тот откровенно любовался ею, однако, без всякого вожделения. Так мог бы отец любоваться своей взрослеющей дочерью. Енси, стоявший рядом с предводителем ваниров, тоже смотрел на девушку, но его глаза были печальны, а сам он чем-то походил на маленькую, несчастную обезьянку.

\*\*\*

Тинда, по прозвищу Счастливый, правит севером Нордхейма. Велики его богатства, а стада бесчислены. Благоволят боги Тинду. Прозван он

людьми счастливым, но в глазах его нет счастья. Не дали боги сына владыке. Кто подхватит тяжелый меч, когда руки ослабеют? Старость — враг непобедимый, встреча с нею — уже скоро...

«Гром» и «Дракон» двигались вниз по Хороту, держась середины реки, где течение было наиболее быстрым. Низкие, заросшие тростником берега уходили назад, желтый песок излучин сменялся участками красновато-буровой глины. Время от времени на глаза попадалась рыбацкая деревенька: несколько десятков домишек с обмазанными глиной стенами и крышами, крытыми тростником. Гребцы на пиратских кораблях отдыхали: за них работало течение. Ваниры, собравшись возле Орма, слушали древние баллады. Старик пел, аккомпанируя себе на инструменте, который Соня, никогда не бывавшая в Ванахейме, видела впервые. Инструмент этот назывался кантл и представлял собой нечто вроде горизонтальной арфы. Играли на нем сидя, положив на колени плоский деревянный корпус, на котором было натянуто множество струн, изготовленных из воловых жил. Перебирая струны пальцами, Орм извлекал мягкие переливчатые звуки. Глубоким, чарующим голосом старик то ли пел, то ли рассказывал древнюю легенду о Ронде, дочери счастливого Тинда, не имевшего сыновей. Во время одного из набегов Тинда на Асгард его захватили в плен. Асгардцы бросили его в глубокую яму, закрытую прочной железной решеткой. Там Тинд и провел бы остаток своих дней, моля небеса о ниспослании скорой смерти, если бы не дочь его,

Ронда. Не достигшая еще совершеннолетия девушка проявила решительность и присутствие духа. Облачившись в доспехи, она созвала военный совет и объявила, что намерена повести войска на Асгард и освободить отца или хотя бы отомстить за него. Это было нечто доселе невиданное: девушка-военачальник! Слова Ронды встретили смехом, а один из испытанных воинов сказал, что никогда не подчинится вождю, носящему косы. Тогда Ронда извлекла из ножен меч и обрезала им волосы...

Ваниры, ведомые Рондой, перевалили через пограничные горы и принялись опустошать земли Асгарда. Они сжигали дома, вырубали сады и вытаптывали поля. Позади войска оставалась почерневшая пустыня. Жители Асгарда в страхе поспешили освободить Тинда и заплатили ванирам богатый выкуп, чтобы те перестали разорять страну и вернулись обратно в свои земли... Так Тинд, благодаря дочери, вновь занял свой трон. А когда Ронда переоделась в женскую одежду, то все увидели на ее глазах слезы: она плакала по пышным косам, которые обрезала ради спасения отца.

— Орм, а не сыграть ли тебе что-нибудь повеселее? — сказал один из воинов. — Скажем, песенку о глупом щенке и старом лисе? А мы бы спели...

— Нет, — покачал седою головой Орм. — Не гордится на одном и том же инструменте исполнять древние легенды и веселые песенки. Кроме того, песню о щенке и лисе поют хором и громко.

Прибрежные обитатели услышат нас, несмотря на то что корабль идет по середине реки.

— Если и услышат, то ничего страшного в этом не будет, — вмешался в разговор Грейп. — Сообщить в Мессантию они все равно не успеют: мы доберемся туда раньше, чем любой гонец. А «лиса и щенка» можно прекрасно спеть и без всякого сопровождения.

Вскоре ваниры во всю мощь своих глоток ревели веселую, разухабистую песню о том, как старый хитрый лис зазвал молодого, глупого щенка на охоту, завел его в глухую лесную чащобу и бросил там, а сам возвратился и обокрал курятник, который этот щенок должен был охранять. «Вот как поохотился старый лис! — разносилось над широкой гладью Хорота, наводя ужас на жителей окрестных деревень. — Славно поохотился умный лис!»

\* \* \*

Вечером, незадолго до захода солнца, на голубятню на маяке прилетел почтовый голубь. Маяк этот высился возле входа в Мессантийский порт и использовался как для указания курса кораблям, входившим в порт или наоборот, покидавшим его, так и для многих других целей. Например — поддерживать связь с внутренними областями Аргоса. Смотритель маяка осторожно взял птицу-почтальона в руки и снял с нее маленькую легкую коробочку, закрепленную на спинке меж крыльев. В коробочке лежало донесение. Прочитав его, смотритель поспешил подняться на верх-

нюю площадку маяка, развернул стоящее там огромное зеркало и принял посыпать световые сигналы кораблям небольшой флотилии, расположившейся в устье Хорота. «Они идут. Они возвращаются», — означали эти сигналы. Показывая, что сообщение замечено и понято, на мачте флагманской галеры поднялся штандарт. Затем послышался протяжный, певучий голос трубы, повинуясь которому корабли снялись с якорей и, выстраиваясь цепью, двинулись к берегу. Вскоре они вошли в реку, по-прежнему держась цепью и перекрывая фарватер от берега до берега. Флотилия состояла из пяти кораблей. Это были боевые галеры: две большие, имеющие по девяносто вёсел (причем с каждым веслом управлялись три гребца), и три малые, имеющие по сорок вёсел и сорок гребцов. Правитель Зингары и всего Аргоса уже был поставлен в известность о том, что бараханские пираты, проявив неслыханную доселе наглость, вошли на двух кораблях в Хорот. Тогда же были приняты все меры, чтобы им уже не удалось выйти обратно на морские просторы. Пять боевых галер получили приказ встать на якорь возле Мессантии, дожидаясь, когда пиратские корабли станут возвращаться. И вот наконец этот момент настал. В донесении сообщалось, что пиратские корабли должны будут пройти мимо Мессантии этой ночью.

Войдя в реку, галеры, находясь на равных расстояниях друг от друга, перегородили Хорот от одного берега до другого. Мало того, с корабля на корабль были перекинуты тостые канаты. Река

оказалась надежно заперта. Галеры стояли, обращаясь носом в сторону моря, готовые сняться с якорей и пойти вперед в тот самый момент, когда пиратские корабли окажутся рядом. Затем должны последовать сближение борт к борту и абордажная схватка, в исходе которой трудно было сомневаться: на каждой галере находились лучшие отряды аргосской армии.

Всю ночь напролет дозорные внимательно наблюдали за рекой, мягко серебрившейся в лунном свете. Однако пиратские корабли так и не появились. Не было их и в течение следующего дня. Ближе к вечеру предводитель флотилии Лендио созвал совет. Капитаны съехались на борт флагманской галеры. Они расположились в кормовой каюте, и адмирал попросил их высказать свои мнения. Капитаны единодушно полагали, что пираты либо каким-то образом узнали о готовившейся ловушке, либо сумели своевременно разглядеть в устье реки боевые корабли. Если это предположение правильно, то сейчас бараханцы, скорее всего, затаились где-то выше по течению и выжидает. Выслушав мнение капитанов, адмирал в свою очередь решил, что пираты, понимая всю безнадежность попытки прорваться в море, бросят свои корабли и попытаются уйти через Рабирийские горы в Зингару. Всем известно, что правительство Зингары тайно поддерживает бараханцев. Более того, столичная знать из Кордавы не гнушается пиратской добычей. Итак, заключил адмирал, чтобы бараханцы не смогли бежать в Зингару, следует послать за ними в погоню кон-

ные отряды, а также предупредить воинов, охраняющих перевалы в Рабирийских горах. Впрочем, завершил адмирал свою речь, осаду Хорота снимать пока не следует. Устье реки должно оставаться перекрытым. На всякий случай. На этом совещание закончилось, и в эту ночь дозорные несли свою службу уже с гораздо меньшим рвением: слух о том, что пираты бросили свои корабли и уходят сушей, быстро разнесся по всей флотилии.

Адмирал Лендио, бесспорно, был умным человеком и опытным военачальником. Но он не принял в расчет отчаянной храбости, свойственной пиратам с Барахских островов. Не знал он также и того, сколь хитрый противник противостоит ему в лице капитана Енси, Старой Гиены. Действительно, пираты своевременно заметили ожидающую их флотилию. «Гром» и «Дракон» подошли к Мессантии около полуночи. Однако Енси не стал с ходу соваться в устье. Вместо этого он остановил корабли под прикрытием ближайшего мыса и выслал на берег разведчиков. Луна светила ярко, так что задолго до восхода солнца пираты уже знали о засаде, знали количество ожидавших их кораблей и приблизительную численность абордажных отрядов. Выслушав разведчиков, Енси распорядился сниматься с якоря. «Гром» и «Дракон» двинулись обратно, вверх по Хороту. Но это было лишь временное отступление...

Днем пиратские корабли вошли в какую-то безымянную боковую протоку и укрылись там от

посторонних взглядов. А вскоре с борта «Грома» и «Дракона» сошли на берег немногочисленные отряды. В течение этого дня оказались разорены четыре рыбакские деревеньки. Каждый раз нападение совершалось одинаково: толпа свирепых воинов появлялась из прибрежных зарослей и, мгновенно окружив деревню, гоняла жителей в одно место. Их связывали, а при попытке бегства или сопротивления, безжалостно убивали. Затем воины забирали все имевшиеся лодки и, что было совсем уж непонятно, обдирали тростниковые крыши хижин. Нагрузив лодки сухим тростником, они упливали вниз по течению.

Следующей ночью «Гром» и «Дракон» вновь подошли к Мессантии и заняли прежнюю позицию за мысом. Но на этот раз каждый корабль вел на буксире десятка по два, а то и больше, разномастных рыбачьих лодок и баркасов, выше бортов груженных сухим тростником. Оба корабля остановились рядом, уткнувшись носами в берег. Лодки, тянувшиеся за ними на канатах, течение мало-помалу сбило в одну огромную, бесформенную массу, казавшуюся в лунном свете невысоким островом, покрытым белесым, полегшим тростником.

— Ну как, пора? — послышался голос капитана Грейпа с борта «Дракона».

— Рано, — ответил Енси. — Солнце лишь недавно зашло. Часовые сейчас настороже. К утру они будут уже не так внимательны. Кроме того, наши вояки изрядно набегались за этот день. Если не дать им спать хотя бы немного, в схватке они

будут вялыми и неловкими. А схватка предстоит очень жаркая. Как раз по твоему нраву, отважный мой соратник.

— Что ж, я согласен с тобой,— донесся после недолгого молчания голос Грейпа.— Послушай, Енси, должен признать, что ты очень умный человек, хоть и неважный воин. Клянусь благосклонностью Имира, твоя затея с рыбачьими лодками великолепна.— Вслед за этими словами послышался довольный смешок.

— Ты далеко не первый человек, который признает, что я обладаю некоторой толикой разума,— отозвался Старая Гиена.— А теперь ложись-ка спать. Подняться придется задолго до рассвета.

— И то правда,— согласился Грейп.— Эх, поутру вволю намахаемся топорами. Это будет славная победа или славная гибель. Как тот, так и другой исход достоин настоящего воина. Хотя, конечно, я предпочел бы победить.

— Эти слова свидетельствуют о том, что ты на редкость рассудителен,— Енси завершил фразу коротким сухим смешком.

\* \* \*

Когда дозорные на флагманской галере увидели огонек, появившийся из-за излучины реки, им в голову не пришло подымать тревогу: ведь ни один, даже самый сумасшедший пират не пошел бы мимо Мессантии в открытую, с зажженными фонарями. Конечно же, это плыл какой-нибудь купец или рыбак. Однако за первым огоньком показался второй, затем третий, четвертый, деся-

тый... Было совершенно непонятно, что же это такое. Вид множества приближающихся светящихся точек нагнетал смутную тревогу. Посовещавшись, дозорные решили разбудить вахтенного офицера, который, в нарушение требований дисциплины, спал на скамье, завернувшись в плащ. Поглядев на приближающиеся огни, офицер довольно быстро сообразил, что они слишком велики и ярки для свеч или масляных ламп. Тогда он отправился к адмиралу Лендию. Пожалуй, этому офицеру следовало сразу объявить тревогу: ведь время шло, а опасность все приближалась. Когда адмирал поднялся на мостик, уже было ясно видно, что по реке приближаются огромные плавучие глыбы огня. Сыпался рев пламени и громкий треск пылающего тростника. Адмирал немедленно отдал трубачу-сигнализику соответствующее приказание, но тот еще не успел доиграть сигнал, как в боевые порядки аргосских галер врезались не менее полусотни лодок, несущих пламя и смерть. Все смешалось: матросы принялись торопливо рубить якорные канаты и канаты, соединявшие корабли между собой, гребцы налегали на весла, а пылающие лодки с хода врезались в борта галер. При этих столкновениях огромные снопы искр вздымались в воздух, осыпая огненным дождем палубы, жестоко жаля кожу людей... Клубы дыма разъедали глаза и вызывали неудержимый кашель. Матросы пытались потушить паруса и такелаж, загоревшиеся сразу в десятках мест. Грозная флотилия, еще недавно надежно перекрывавшая устье Хорота, почти

мгновенно превратилась в беспорядочную дымящуюся массу кораблей и лодок, спутанную обрезками канатов, беспомощно дрейфующую вниз по течению. Но в это время, никем не замеченная, из темноты выдвинулась туша «Грома». На носовой и кормовой башенках пиратского корабля располагалось по две баллисты. Все они были взведены, и сейчас наводчики в последний раз выверяли прицел. «З-з-а-и-и!» Четыре метательные лапы почти одновременно взвились в воздух. Прочертив в ночном небе четыре огненные дуги, глиняные снаряды, начиненные жидким горючим составом, разбились о борта мессантийских кораблей. Это было куда страшнее, чем пылающий хвост. Пятна жидкого, липкого огня растекались по дереву. Потушить это пламя было почти невозможно — вода не помогала. Оно продолжало бушевать, шипя, треща и разбрасывая длинные багровые искры. Проходя мимо аргосцев, «Гром» успел дать еще два залпа, в результате чего одна из галер превратилась в пылающий факел и вскоре затонула, а еще две были сильно повреждены пожаром. На галерах тоже были баллисты, но в нужный момент они оказались не готовы к стрельбе. Ничего удивительного: аргосцы были слишком заняты рыбачьими лодками, груженными пылающим хвостом...

Пройдя мимо растерянного и порядком напуганного противника, «Гром» исчез в морской дали, прикрытой ночной тьмой. Но идущий следом за ним «Дракон» не имел на своем борту никаких метательных орудий, а адмирал Лендио был до-

статочно опытным военачальником, чтобы сразу понять это. Адмирал отдавал себе отчет в том, что если он не захватит хотя бы этот корабль, то может поставить на своей карьере крест. Мало того, вероятно, ему придется рас прощаться и со свободой. Адмирал представил себе рудники в Рабирийских горах, куда ссылали каторжников, и содрогнулся. Броситься в погоню? Но его флагман, поврежденный огнем, не годился для преследования. С левого борта корабля, где разбился пиратский метательный снаряд, неслись крики и жалобные стоны: рабы-гребцы, прикованные к своим скамьям, не могли бежать от пожара. Адмирал озирался по сторонам, терзаемый отчаянием и ненавистью. Вдруг Лендио увидел, что под самым бортом флагмана находится одна из малых галер, не получившая пока повреждений в этом бою. Не раздумывая ни мгновения, адмирал разбежался и перепрыгнул на ее палубу. Повинуясь команде, гребцы взмахнули веслами, и длинная, низкая галера устремилась в погоню.

События этой ночи перепутались в голове Сони, наблюдавшей за боем с борта «Дракона», образовав сплошное беспорядочное месиво из огня и тьмы: ночь, флотилия пылающих лодок, увлекаемых течением в сторону аргосских кораблей; «Гром», устремившийся следом; ночной бой в потоках золотого и красного пламени... О это было захватывающее зрелище! Корабль ваннров, с грозно воздетыми лапами абордажных мостиков, шел к морю мимо аргосской эскадры, озаренной пламенем пожаров. Накануне вече-

ром ваниры сняли со своего корабля фальшивые башенки, и драконья голова равнодушными зеркальными глазами взирала вперед, туда, где во тьме расстилалась необъятная морская ширь. С военных галер доносились крики ужаса и ярости. Кричали и на берегу, в городе. Когда начался бой, там во многих окнах появился свет, а у воды собралась орущая толпа с факелами в руках. «Дракон» несся вперед, разрезая волны, гребцы ворочали веслами изо всех сил, работая так, что жилы были готовы лопнуть от натуги. А барабан все подгонял, подгонял, подгонял их...

— Вперед, волки северные! Впер-р-ред!!! — орал Грейп Крысиный Нос и заходился в ликующем хохоте. Отпихнув барабанщика, он сам взял колотушку и бил, бил, бил по гудящему котлу, торопя гребцов.

А потом сбоку из темноты вывернула галера, чем-то похожая на «Дракона»: такая же длинная и низкая, столь же стремительно мчавшаяся вперед. Гребцы правого борта едва успели втянуть весла, уберегая их от поломки, как галера с оглушительным грохотом и треском навалилась бортом на их корабль. От толчка Соня покатилась по палубе, а на «Дракона» уже перепрыгивали чужие солдаты в кирасах, шлемах и с пиками в руках. Завязалась схватка, спасаясь от которой Соня поспешила укрыться на камбузе. И все же она не могла удержаться от того, чтобы приоткрыть дверь и понаблюдать за тем, что происходит снаружи. На корме чужой галеры орал и

бесновался, подгоняя солдат, какой-то человек, видно важный вельможа. На его одежде, плохо различимой в утреннем сумраке, разноцветными отблесками вспыхивали драгоценные камни. Утро? Неужели уже утро, поразилась девушка. Казалось, эта ночь никогда не должна была кончаться. Кто-то из ваниров, кажется Корк, подбежал к абордажному мостику и с хохотом перерубил канат, что удерживал его в вертикальном положении. «Дракон» нанес свой удар, решивший исход сражения. На мессантийской галере не было палубы, так что драконья лапа врубилась железными когтями прямо в ее днище, пробив там огромную, в несколько локтей, дыру. Вода потоками начала врываться внутрь галеры. Корабль противника осел и, задрав корму, медленно ушел под воду.

\* \* \*

Капитан Енси отдыхал после ночного боя. Он возлежал на роскошной кровати в большой кормовой каюте «Грома». Одеваясь подчеркнуто скромно, Енси однако отнюдь не был настоящим сибаритом во всем, что касалось удобств, пищи или развлечений. Члены команды знали характер своего капитана, а потому среди них едва ли нашелся бы храбрец, осмелившийся нарушить его отдых. Старая Гиена славился своей злопамятностью не меньше, чем талантом полководца. Потревожить капитана во время сна решился бы разве что Лангтар, первый помощник, но его уже не было в живых.

Время близилось к полудню, когда из каюты Старой Гиены раздался удар серебряного гонга. Слуга, дремавший на скамье возле каюты, спешно отворил дверь и вошел внутрь.

— Ну, как там дела? — встретил его вопросом капитан. Он сидел на краю кровати, сгорбившись и подперев подбородок ладонью.

— Скоро полдень, ветер восточный, плывем под парусом, — ответил слуга.

— Мне и самому ясно, что под парусом, если весла не скрипят, — сварливо оборвал его Старая Гиена. — Гораздо больше меня волнует, есть ли в пределах видимости какие-нибудь суда? Погони нет?

— Нет, — ответил слуга, — никого нет. Только ванирский корабль плывет следом за нами, в двух или трех полетах стрелы. Этот их «Дракон».

— А-а... Скажи-ка, ваниры тоже плывут под парусом?

— Да, конечно. Ветер ведь попутный.

— Что-то ты стал излишне говорлив. Достаточно было просто сказать «да». Не укоротить ли тебе язык, чтоб ты мог лишь кивать головой? — Слуга рухнул на колени. В устах Старого Гиены подобные заявления далеко не всегда были пустой угрозой...

— Ладно, можешь встать. Я пошутил, — сказал наконец капитан. — Так, значит, они идут под парусом... Гм... Гм-м... Возможно, не так уж и хорошо, что ветер попутный. Желательно бы узнать, сколько людей осталось на борту этого самого «Дракона» после ночного боя. Если бы они шли на

веслах, то сразу было бы видно, хватает ли у них гребцов. Вот что, позови ко мне в каюту... Хм... Да, позови Рафа, этот юноша подойдет. Молодой, да из ранних. Эх, жаль Лангтар погиб. Олух драчливый... Постой-ка, после того как найдешь Рафа, принеси сюда кувшин красного вина, того, аквилонского. И к вину — сыра, мяса, фруктов. И не вздумай подслушивать у двери, а то велю уши отрезать. Ты все понял?

Слуга, согнувшись в поклоне, покинул каюту. Вскоре раздались шаги, и в дверь, изящно и почтительно поклонившись, вошел Раф. Молодой пират выглядел весьма представительно: тонкие черты лица, стройный, темноволосый, с аккуратно подстриженной бородкой. В глазах его светились ум и самоуверенность.

— А-а, красавчик, — приветствовал его капитан. — Заходи, присаживайся. Раздели мою скромную трапезу. А за едой обсудим некоторые наши дела.

В дверь постучали, и вошел слуга, несший большой серебряный поднос, на котором стоял кувшин с вином, две чаши, а также блюда с разнообразными, изысканными яствами: ярко-желтый, нежный, почти как масло, сыр, приготовленный в Шеме, копченое с пряностями седло косули, аргосские груши — сочные и ароматные, бананы и апельсины из Черных Королевств... Капитан Енси был большой лакомка. А то, что он предложил Рафу разделить трапезу, означало немалую милость и знак того, что Старая Гиена ожидает от молодого человека каких-

то серьезных услуг. Действительно, капитан нуждался в преданном человеке, способном заменить погибшего Лангтара. Что ж, Раф вполне подходил для этой роли: умный, храбрый, а также начисто лишенный разных глупых предрассудков вроде совести, щепетильности или чести. Правда, человека таких выдающихся душевных качеств придется тщательно контролировать и не давать ему спуску, но Енси был готов к этому.

Капитан подал знак, и Раф, проявив похвальную сообразительность, откупорил кувшин. Когда он разлил вино по чашам, в воздухе распространился тонкий, немного пряный аромат.

— Итак,— голос Старой Гиены звучал вкрадчиво,— я хочу поговорить с тобой об этих ванирах, что плывут за нами следом. Кстати, на их корабле находится половина всей добычи.

Раф кивнул и выжидающе посмотрел на капитана.

— А людей у них...— задумчиво протянул Енси.

— Людей у них намного меньше, чем у нас,— подхватил Раф,— особенно после ночного боя в устье Хорота. Ведь они взяли на абордаж галеру. Да ваниры и раньше понесли серьезные потери, в замке.

— Так-так,— подбодрил его капитан,— продолжай, юный друг мой.

— Я думаю,— произнес Раф,— что сейчас на борту «Дракона» вряд ли наберется больше полусятни человек.

— Согласен,— кивнул капитан.

— Ну а у нас бойцов — вдвое больше.— Раф многозначительно подмигнул. Енси улыбнулся в ответ. Между ними установилось полное взаимопонимание.

— Но ведь если «Гром» попытается подойти вплотную к «Дракону», ваниры сразу сообразят, что это неспроста,— сказал Раф.

— Верно.— Старая Гиена внимательно смотрел на собеседника.— Ну а если, например, произойдет обратное, и «Дракон» попытается подойти к «Грому», а?

— Как это?— растерялся Раф.

— Увидишь,— многозначительно заверил Енси.

\* \* \*

Заслонившись правой ладонью от лучей солнца, капитан Грейп обозревал горизонт за кормой «Морского Дракона». Его беспокоило, нет ли погони. Но горизонт был чист, паруса мессантийских галер не вздымались. Что ж, прекрасно. Кажется, дело выгорело. В трюме «Дракона» лежит очень впечатительная добыча, с которой не стыдно вернуться домой, в Йомс.

— Эй, капитан, погляди-ка, что это творится? Грейп медленно обернулся.

— Посмотри, что там с «Громом»! — Только что прибежавший на корму вахтенный тревожно смотрел на капитана.

— А что с ним может быть?— сказав это, Грейп неторопливо двинулся к драконьей голове, чтобы взглянуть на идущий впереди бараханский

корабль. Подойдя к форштевню, он удивленно присвистнул.

— Пожар у них, что ли?

Над барабанской галерой подымались клубы черного жирного дыма. Они густели прямо на глазах. Вдруг широкий, темно-синий парус «Грома» пополз вниз и лег на палубу. Потеряв ход, барабанский корабль беспомощно закачался на волнах.

— Но почему они вдруг загорелись? — удивился Грейп. — Неужто эти олухи умудрились по неосторожности поджечь собственный корабль? Наверное, они крепко перепились, празднуя победу...

— А ведь у них на борту полно золота и серебра, — сказал подошедший Орм.

— Верно, — кивнул Грейп. — И будет очень жаль, если оно уйдет на дно. Ведь за эти сокровища заплачено кровью. В том числе и ванирской... Слышишь?

Со стороны барабанского корабля доносились отчаянные вопли.

— Похоже, им там приходится несладко... — вздохнул старик.

— Не испытываю к ним ни малейшей жалости, — покачал головой капитан. — Глупцы, умудрившиеся поджечь свой собственный корабль, иной смерти и не достойны. Но вот сокровища... Эх, мало нам приключений!.. Теперь вот еще придется помогать им тушить их проклятую галеру.

Приняв решение, он обернулся к команде.

— Эгей, парус спустить! Живо, живо! Вот что, волки мои: наши никчемные союзнички, похоже, умудрились устроить у себя на палубе пожар. Южане, что с них взять! Придется теперь тушить их. А ну-ка, хватайте весла и малым ходом — вперед! Самым малым и подходите к галерее осторожно, чтобы пламя на нас самих не перекинулось! Эй, кто там у руля?! Правь к наветренному борту! Так, теперь слушайте меня те, кто свободен от весел: хватайте веревки, ведра, а как причалим — сразу прыгайте на борт этой треклятой галеры и помогайте заливать пожар!

По мере приближения крики с палубы барабанского корабля, слышались все явственнее. Подойдя к «Грому» вплотную, корабль ваниров осторожно коснулся его высокого борта. Толчка нужно было обязательно избежать: ведь при нем на палубу «Дракона» могли посыпаться пылающие головешки.

— Вперед! — скомандовал Грейп. Продев локоть в рукоять кожаного ведра, он ухватился за планшир «Грома», нависший высоко над палубой «Дракона», подтянулся и перескочил на борт своего бедствующего союзника... И сразу понял, что их провели: на палубе «Грома» рядами были расположены жаровни, в которых дымно пылали дрова, политые смолой.

— Предательство!!! — взревел Грейп. — Бей их! Бей проклятых южан!

Но было уже поздно. Не менее сотни барабанцев, свирепо крича, бросились в атаку. Они бук-

вально смели противника. Ваниров было гораздо меньше, они не ожидали нападения, руки их были заняты веслами и ведрами... Предводитель ваниров изо всей силы запустил ведром в голову ближайшего противника. Ведро было кожаное, слишком легкое для хорошего удара, и бараханец без труда отбил его взмахом абордажной сабли. Следующим взмахом он нанес удар, пришедшийся Грейпу в левый бок. Добротная кольчуга, изготовленная гандерландскими кузнецами, выдержала, однако удар заставил Грейпа опуститься на одно колено. Бараханец промедлил одно мгновение, и эта заминка стоила ему жизни. Стремительно выхватив из ножен короткий, тяжелый меч Грейп взмахнул им и рассек врагу горло.

Когда предводитель ваниров вскочил на ноги, то достаточно было одного лишь беглого взгляда, чтобы понять всю безнадежность их положения. Палубу «Дракона» от носа до кормы заполняла толпа пестро одетых бараханцев. Лишь кое-где еще виднелись рогатые ванирские шлемы. Мгновенно приняв решение, капитан ваниров развернулся и принялся пробиваться на корму вражеского корабля.

— Корк! — взревел он, перекрывая зычным голосом шум схватки.— Корк!!!

Посреди палубы «Дракона» возник какой-то удивительный водоворот из людских тел. Бараханцы разлетелись в стороны, точно тряпичные куклы. А мгновением позже свирепый воин-безумец оказался на палубе «Грома», рядом со своим капитаном.

— Корк, это последний бой! — закричал Грейп, отбиваясь сразу от полудюжины врагов.— Самый последний! Но мы должны убить их вонючего капитана, прежде чем Имир...

Не закончив фразы, Грейп издал торжествующий рев, схватил жаровню с пылающей смолой и метнул ее в толпу бараханцев. Испуганные вопли, гневные крики, звон стали! Грейп, Корк и еще несколько ваниров, оказавшихся поблизости, выстроились плотной группой и стали пробиваться в сторону кормы. Там, на боевой башенке, стоял Енси и наблюдал за ходом боя. Атака, которую предпринял Грейп, была сродни безумию, ноказалось, ваниров ничто не способно остановить. Свирепо рубя мечами, они двигались вперед, ступая то по доскам палубы, то по трупам, то по спинам гребцов, которые в панике пытались забиться под скамьи. Прикованные цепями, рабы были совершенно беспомощны и беззащитны в этой свирепой схватке, что бушевала вокруг и волнами перекатывалась через их головы...

Грейп вел своих бойцов вперед, и атаки бараханцев не могли остановить их. Когда ваниры шли плечом к плечу, защищая один другого, то поразить кого-нибудь из них становилось для противника почти невыполнимой задачей. Вначале на лице Старой Гиены, наблюдавшего за этой атакой, играла снисходительная усмешка, но потом ее сменило озабоченное выражение. Перефразнувшись через ограждение башенки, Енси отдал короткое приказание десятку темнокожих копей-

щиков, облаченных в широкие одежды из легкого цветастого шелка и причудливые тюрбаны. Эти воины принадлежали к личной охране капитана. Пока что они не принимали участия в сражении. У каждого из них имелось по полдюжины коротких копий.

Пронзительно вскрикнув, темнокожие воины метнули копья в наступающего противника. Несколько ваниров упали. Упали и трое бараханцев, случайно попавших под удар, но это нисколько не смущило охранников. Новый вскрик — и еще десяток копий пробил в боевых рядах ваниров новые бреши. Хватаясь за угодившее в горло копье, рухнул на палубу Корк. Капитану копье вонзилось в левую руку. Вдруг глаза Грейпа загорелись свирепой радостью. Стремительным движением он выдернул ассегай из раны.

— Получи подарок, Гиена!

Копье со свистом взвилось в воздух, и Енси жалобно вскрикнула. Неожиданный удар отшвырнул его сухонькое тело к заднему краю башенки. Если бы не ограждение, Старая Гиена свалился бы в воду. А в следующий момент сразу три копья, пробив гандерландскую кольчугу, вонзились в широкую грудь ванира. Капитан Грейп умер со счастливой улыбкой на губах.

\* \* \*

Проснувшись, Соня далеко не сразу смогла сообразить, где находится. Слишком уж много бурных событий произошло за последние дни; они беспорядочно перемешались в ее памяти,

напоминая кучу всякого добра и драгоценностей, сваленных грабителями во дворе замка... Замка? Может, это помещение — комната в замке Гиллеро? Нет, они же ушли оттуда и вернулись на корабль. Ну а Гиллеро мертв. Мертвее не бывает, она же сама убила его... Голова девушки была налита тяжелой болью, пульсирующей в такт ударам сердца. О боги, что же с нею такое приключилось? И где она, в конце концов, оказалась? Девушка лежала на матрасе, постеленном прямо на полу, возле занавешенной ковром стены. Матрас, впрочем, был набит прекрасным мягким пухом. Соня могла разглядеть не особенно много: изящные, золоченые ножки какой-то мебели, цветастые, черно-желто-красные ковры на стенах, деревянный потолок... Потолок, кстати, был необычный: не прямоугольный, а в форме трапеции. Поморщившись, Соня поднесла руку к затылку — боль исходила именно оттуда, волнами растекаясь по черепу и дальше, по шее и плечам. На затылке, под волосами, девушка нашупала здоровенную шишку. Да что же это такое, а? И что с памятью? Может, она находится в каком-то доме, в Мессантии? Тоже вряд ли. Ведь нападение галеры они успешно отбили. А оно было одно, это нападение? Отчаявшись вспомнить хоть что-нибудь, девушка снова принялась рассматривать комнату. Потолок низкий, небольшие окна прикрыты ставнями, и из-за этого в помещении стоит полумрак, лишь узенькие лучики света проникают через щели. Соне вдруг показалось, что комната плав-

но покачивается, будто каюта корабля. Но разве бывают такие большие каюты? Наверное, это у нее самой кружится голова.

Опираясь рукой о стену, девушка села, затем поднялась на ноги. Теперь она смогла разглядеть кровать под балдахином, расположенную в глубине комнаты, и человека, лежавшего на ней. Енси! Старая Гиена! Вот теперь Соня вспомнила все: утреннее море, внезапный пожар на «Громе», ве-роломное нападение бараханцев, когда «Дракон» пришел к ним на помощь. Она вспомнила битву, дикую и жестокую, куда более кровавую, чем та, что произошла накануне ночью между «Драконом» и галерой из Мессантии. Бараханцев вел в бой молодой воин, почти юноша, ловко орудовавший широкой алебардой. Его начищенная кираса ярко сверкала и пускала зайчики в солнечных лучах. Бой длился недолго: ваниров буквально смели с палубы. И неудивительно: ведь нападающих было раза в два больше, да и в бою они не уступали воинам-северянам. Вдруг молодой предводитель бараханцев указал на Соню и что-то повелительно крикнул своим людям. Двое пиратов, хохоча, попытались схватить девушку, но она увернулась, успев пнуть одного из них по голени. Пират заорал от боли, а Соня выхватила кинжал из ножен, пригнулась, готовая защищаться, а затем... Затем была ослепительная вспышка, сменившаяся тьмой. Видно, именно тогда ее и ударили по голове.

Так, значит, по приказанию этого плюгавого старикашки, что валяется там, на подушках, бы-

ла уничтожена команда «Морского Дракона», погибли храбрые и по-своему благородные люди, чуть не ставшие для Сони второй семьей! Девушка схватилась за ножны: они оказались пусты, кинжала не было. Конечно, этого и следовало ожидать. Ну ничего, она и так справится с мерзким Гиеной.

Соня сделала несколько осторожных, скользящих шагов.

— Сто ты хосесь делать? — Голос был негромким, однако прогремел в ушах девушки точно раскат грома. Из-за высокой дубовой спинки кресла показалось лицо: широкое, желтоватое, с раскосыми темными глазами и узкими черными уси-ками. Кхитаец!

— Как ты чувствуес себя? Голова не кружится? — Кхитаец встал, шагнул к девушке. Движе-ния его были быстрыми, но плавными. Выгля-дел он то ли на сорок лет, то ли на пятьдесят. У них, кхитайцев, толком не разберешь.

— Кто ты? — спросила Соня.

— Мое имя — Менг, — ответил незнакомец. — Я лечить, лекарь. Капитана лечить, затем я здесь. И тебя тозе. Тебя ударили по голове. Сильно. К счастью, кость цела. Я смотрел. Сядь, буду еще смотреть.

Темные, загадочные глаза кхитайца устави-лись на Соню. Невысокий, лысоватый, в темной, неброской одежде восточного покроя... Девушка еще раз глянула на кровать под балдахином, где неподвижно лежал Старая Гиена. То ли он спал, то ли был без сознания. Этот лекарь, как его,

Менг, говорит, что капитан нуждается в лечении. Что с ним, ранен?

— Ладно, лечи,— согласилась девушка, садясь в одно из золоченых кресел. Видно, с местью Гиене придется подождать... Пока.

— Поверни голову... Так...— Кхитайский лекарь принялся легкими, почти неощутимыми прикосновениями пальцев исследовать шишку, причинившую Соне мучительную головную боль.

— Так,— приговаривал он,— хорошо... Хорошо...

— Чего хорошего? — не выдержала девушка.

— Могло быть хузе,— ответил лекарь.— Могло быть очень хузе. А так — хорошо. Почти. Сейчас будет совсем...

Сказав это, он неожиданно и резко надавил пальцами где-то за ушами девушки. Соня вскрикнула от острой боли — точно молния пронзила ее мозг. Менг ловко перехватил взметнувшиеся кулаки девушки и крепко сжал ее запястья.

— Фс-с... Спокойно,— невозмутимо проговорил он.— Теперь лучше. Ведь лучше?

Соня прислушалась к своим ощущениям. Болезненная пульсация, терзаящая ее голову, отступала, таяла, оставляя после себя чувство несказанного облегчения. Девушка благодарно улыбнулась лекарю, но уже в следующий момент вновь нахмурилась и резким движением высвободила руки. Кхитаец невозмутимо развернулся, подошел к своему креслу и сел. Капитан Енси вдруг шевельнулся под одеялом и слабо застонал.

— Менг, а что случилось с Енси? — спросила Соня.

— Ваш капитан кинул в него копье,— ответил кхитаец.— Очень сильно кинул, чуть не убил. К счастью, наш капитан был в кольчуге. Он надел ее под одежду. Но все равно удар копья сломал ему кость. Вот эту.— Кхитаец указал пальцем на свою правую ключицу и грустно улыбнулся.— Я думаю, если бы вашему капитану не пришлось кидать копье снизу вверх, он бы и кольчугу пробил. Очень сильно ударили.— Менг покачал головой и сокрушенно пощекал языком.

— Да, значит, удача все же отказалась Грейпу,— задумчиво сказала Соня.— Ну а я как оказалась здесь, в каюте вашего капитана?

Лицо Менга осталось по-прежнему бесстрастным, но в голосе появились нотки смущения.

— Я бы не хотел говорить об этом. Пусть капитан сам расскажет тебе. Это было сделано по его приказу.

— Он что, уже раненный копьем, такое приказал? — удивилась девушка.

— Зацем же? Раньше. Он приказал еще до начала боя. Больше я говорить не буду. Требования приличий и этикета...

— А-а...— понимающе протянула Соня. Успев пожить некоторое время при дворе в Хауране, она вовсе не была наивной провинциалочкой.

— Требования этикета твоего, кхитайского...— передразнила она собеседника.

— Я не кхитаец,— чуть заметно улыбнулся Менг.— Я родом из Кусана. В Кхитае нет таких



хороших лекарей, как у нас. Я учился искусству исцеления людей у старцев, которые живут в горах на севере.

— Ты был хорошим учеником,— кивнула девушка,— моя голова совсем перестала болеть. Ну а как ты здесь оказался?

— Человек подобен сухому листу, гонимому вдаль ветрами судьбы,— туманно произнес лекарь и задумался о чем-то своем.

— ..Послушай, Менг, а капитан ведь не скоро встанет на ноги после этой раны? — Спрашивая это, девушка внимательно разглядывала своего собеседника зелеными, диковатыми глазами.

— Нет, не скоро,— согласился кхитаец, а вернее, кусанец. Да что там, все они на одно лицо — жители восточного предела Хайбории. Глаза узкие, ничего в них не прочтешь.

— Ему придетца довольно долго лежать в постели,— продолжал меж тем Менг,— две или даже три седмицы. Но и после того, как капитан Енси встанет на ноги, есе не меньше трех седмиц ему нузно будет держать руку в перевязи и избегать резких движений.

Соня вновь бросила на него внимательный взгляд. Да, никаких сомнений, лекарь многоизначительно подмигивал ей. Похоже, он прекрасно понимал причину волнений девушки.

— Чтобы излечение было полным, необходимо действовать не торопясь,— как можно более значительным тоном сказала Соня и, немного подумав, спросила: — Менг, а что случилось с капитаном Грейпом?



— Погиб,— отозвался кусанец.— Страза, охраняющая нашего Енси, убила его.

— Ну а остальная команда «Дракона»?

— О, поцти все погибли,— склонил голову Менг.— Осталось в зивых человек десять, не больше.

— И что же с ними? — нетерпеливо допытывалась Соня.

— Их взяли в плен. Новый помосник капитана, его зовут Раф, велел приковать их к веслам. У нас ведь погибло довольно много гребцов. Ну а вас корабль разграбили и сожгли. Жаль. «Дракон» — оцень красивое название. В наших местах корабли и боевые колесницы тозе украшают изображениями драконов...

Излияния лекаря прервал протяжный стон, донесшийся из глубины каюты.

— Чей там голос? — жалобно пробормотал капитан Енси.— Менг, косоглазый мошенник, это ты? Что со мной? Рана серьезная?

— О да,— отозвался Менг.— Весьма серьезная и требующая основательного лечения, инаце...

— Иначе я умру, да? — проявил живой интерес Старая Гиена.

— Может, и нет,— все так же ровно ответил лекарь.— Но в случае небрезного соблюдения моих предписаний весьма вероятна потеря подвижности в руке. Это было бы оцень и оцень печально.

— Да уж, конечно,— согласился с ним Енси. По мере того как капитан обретал уверенность в себе, голос его креп.— И что же это за предписания?



— Соблюдене покоя и полной неподвижности,— авторитетным тоном заявил лекарь.— Некрепкое вино и самая легкая пища: в умеренных по возможности количествах.

— Мучитель,— сварливо произнес Старая Гиена.— А с кем это ты сейчас разговаривал?

— С пленной ваниркой, которую ты велел доставить к себе в каюту,— ответил Менг.

— А-а... Да-да-да. Она осталась цела в той дикой схватке?

— Поцти. Ее ударили по голове, но к счастью, не оцень сильно.

— Так. Хорошо. Хорошо... Пусть она подойдет сюда, поближе,— распорядился Енси довольно бодрым тоном.— А сам, вот что, выйди-ка ненадолго на палубу и прикрой дверь поплотнее.. Хотя нет, уж лучше останься. Я сделался совсем беспомощным из-за этой раны...

Соня подивилась звериному чутью бараханского капитана. Старая Гиена без труда догадалася, что юная пленница-ванирка, оставшись с ним наедине, возможно, попытается отправить его на тот свет. Жаль, конечно, что догадался. Впрочем, Соня вовсе не собиралась отказываться от своих планов. Просто придется подождать немного. А пока что надо будет полюбезнее держать себя с этим вонючим старикашкой. Надо попытаться усыпить его подозрения. Приняв такое решение, Соня подошла к кровати и кокетливо улыбнулась лежавшему на ней старику. Совсем слегка: ведь перегибать тоже было опасно. Ответная улыбка осветила лицо Енси. Однако в глубине его глаз



по-прежнему пряталася холодноватая подозрительность. Старая Гиена лежал на спине, полуукрытый шелковым стеганым одеялом. Голова его покосилась на пышно взбитой подушке. Правая рука была туго прибинтована к обнаженной дрябловатой груди.

— Тебя сильно ударили? — участливо спросил Енси.

Соня молча возвела глаза к небу и придала лицу жалобное выражение.

Сиятельная Дюби, красотка Дюби, что была старшей подругой и наставницей Сони при дворе в Хаурене, не раз втолковывала ей: «Не говори с мужчинами только лишь языком. Говори также пожатиями плеч, улыбками, наклонами головы, движениями бровей. Один многозначительный взгляд или вздох может нести не меньше смысла, чем десятки слов, но, в отличие от слов, ни к чему не обязывает.

А кроме того, придерживаясь такой линии поведения, ты будешь выглядеть глупенькой и наивной. Мужчины это обожают. Этим кобелям кажется, что с глупышками они легче могут добиться своей цели. Да-да, той самой. И нечего краснеть, моя милая...

Хотя должна сказать, при твоих рыжих волосах и белой коже краснеешь ты просто очаровательно...

Так вот, мужчины неравнодушны к глупышкам, а умных дам опасаются. Так что старайся выглядеть немного наивной, но ни в коем случае не будь ёю на самом деле».

Итак, Соня изобразила смижение и страдание и, похоже, она достигла своей цели: Енси расчувствовался.

— Это Раф виноват, недоглядел. Говорил же я ему,— проворчал Старая Гиена.— Ну ничего, я ему еще задам...

Соне только того и надо было. Пускай бараханцы портят друг другу жизнь. Енси несколько раз беззвучно открыл и закрыл морщинистый рот. Казалось, бараханец был в затруднении. Наконец он собрался с духом и произнес:

— Послушай, мне кажется, что молодой и красивой девушке не... не совсем... Кстати, как мне к тебе обращаться?

— Меня зовут Соня,— ответила девушка, смущенно стрельнув шальными зелеными глазами куда-то в угол каюты. Похоже, я уже сумела изрядно вскружить ему голову, подумала она.

— Соня...— проговорил Енси задумчиво, будто пробуя это слово на языке.— Да, так о чем это я? Думаю, тебе не очень подобает носить эту грубую мужскую одежду, при твоей молодости и красоте... Хотя, признаюсь, ты и в ней выглядишь очаровательно. Однако я могу предложить тебе нечто лучшее, гораздо лучшее. Загляни-ка вон туда...— Повернув голову в ту сторону, куда указывал Старая Гиена, Соня увидела небольшую дверь и направилась к ней. Открыв ее, девушка сделала большие глаза, причем вовсе не из желания очаровать Енси. Да что там, в этот момент Старая Гиена и не мог видеть ее лица. За дверью находилась гардеробная — нечто среднее между

маленькой каютою и огромным, встроенным в стену шкафом. Свет проникал туда через небольшое окно. На крючках висело множество роскошных одеяний: мужских и женских, шитых серебром и золотом, украшенных драгоценными камнями, кружевами, бисером. Зеркало — большое, овальной формы висело с обратной стороны двери. А ведь, пожалуй, я далеко не первая, кому Старая Гиена предлагает воспользоваться этой гардеробной и всем, что в ней находится, почему-то подумала Соня. Нет, все же какое счастье, что Грейп врезал ему копьем! И... и хорошо, что не до смерти, ведь иначе ее судьба могла бы сложиться совсем иным образом. Соня оглянулась на капитана. Ай да Енси, козлик старый! Улыбку, которая тронула ее губы, Старая Гиена счел, вероятно, за выражение искренней благодарности. Лицо его просияло. Слегка застонав, Енси потянулся левой рукой к гонгу, что стоял возле кровати на тумбочке. Ударив в него, капитан вызвал в каюту слугу и распорядился поставить в гардеробной все необходимое для умывания. Слуга поспешно внес треногу, серебряный таз, серебряный же кувшин с водой, а также полотенце и кусок ароматного немедийского мыла.

— Да, это кстати,— царственно кивнула Соня, снова повернув Старую Гиену в чувственный трепет, после чего величаво удалилась в гардеробную.

Соня приводила себя в порядок долго, гораздо дольше, чем этого требовала необходимость. Енси полезно было заставить подождать и поволно-

ваться как следует. Заодно девушка обдумывала, как ей вести себя дальше. Да, с какой стороны ни смотри, а старишку убивать нельзя. Наоборот, следует молить Имира, Митру и всех остальных богов, чтобы Гиена остался жив... и как можно дальше не выздоравливал!

Вода в кувшине была теплой, почти горячей, мыло — душистым, полотенце — большим и мохнатым. Впервые за много дней Соня почувствовала себя чистой. И до чего же это было приятное ощущение! А ведь этот прохиндей-слуга заранее знал, что именно Енси прикажет ему принести, сообразила девушка, когда расчесывала влажные после мытья волосы. Даже воду загодя подогрел. Знает, каналья, привычки своего господина. Ай да Енси! Нет, как все-таки здорово, что Грейп надолго уложил его в постель. Надо будет попросить Имира, чтоб забрал душу капитана Грейпа к себе в чертоги. Впрочем, он все равно там окажется, потому что Грейп погиб в сражении с врагами. Теперь он будет, как там говорили эти братья?.. «Пить хмельное пиво, черпая его из котла боевым шлемом». Ай да загробная жизнь у этих ваниров! А пиво небось заедают мясом, поджаренным с чесноком... Ф-фу! Однако пора все-таки заканчивать прихорашиваться. Немного поразмыслив, Соня выбрала одеяние, которое носят знатные вендики (а также любовницы знатных вендиц). Не последней причиной для такого выбора было то, что у вендицких женщин в обычай носить шаровары. Последнее время Соня отвыкла от юбок. Шаровары были из зеленого, полуупрозрач-

ного шелка. Безрукавка, тоже шелковая и сплошь покрытая вышивкой, была так коротка, что не достигала золоченого пояса шаровар, и живот оставался обнаженным. Не хватил бы Енси удар от такого зрелица! Этот наряд Соня дополнила широким белым муаровым покрывалом, накинув его на плечи. В такое можно плотно закутаться, чтобы потом распахнуть его, как бы случайно. И тут же запахнуть снова. Все та же Дюби поучала: «Ни в коем случае не выставляй свои прелести напоказ, точно торговка — овощи на рынке. Действуй умнее: одежда должна прятать твое тело... но не совсем. В настоящей женщине всегда скрывается загадка».

Так, что еще? Порывшись в ларцах, которые стояли на полу возле стен, Соня выбрала жемчужную сетку, чтобы украсить ею волосы, несколько браслетов и ожерелий, из тех, что подороже. Вдруг удастся бежать, тогда она унесет это с собой. Девушке уже довелось испытать скитания, нищету и голод. Она вовсе не горела желанием повторять это снова. А что же делать с цепью, которую Соня взяла как трофеи в замке Гиллеро? (Кстати, бараханцы здорово опасаются своего капитана, раз никто из них не рискнул стащить такую ценность, пока Соня валялась без сознания). Эта цепь была слишком длинной и массивной, чтобы носить ее в качестве ожерелья с этой легкомысленной безрукавочкой. Поразмыслив, Соня опоясала ею талию и немного повертелась перед зеркалом. Холодно блеснули бриллианты, в глубинах розовых шпинелей

зажглись кроваво-красные огоньки. Именно то, что надо! Зеленый цвет бериллов прекрасно гармонировал с зеленым шелком одежды, а все это вместе прекрасно оттеняло рыжий цвет волос. На ноги Соня надела мягкие туфельки китайского фасона: без каблуков и с чуть загнутыми вверх носками. Они пришлись ей как раз по ноге. Кроме того, в таких было удобно ходить и бегать, а при необходимости даже лазать по вантам. Что еще? Румяна, краска для бровей и губ? Нет, ничего этого не нужно, решила девушка. А вот духи... Взяв из ларчика с разнообразными притираниями и благовониями небольшой стеклянный флакон, Соня вылила на ладони несколько капель розового масла, провела ладонями по волосам. Завершив на этом свой туалет, она еще раз повернулась перед зеркалом так, что края покрывала взметнулись вверх, точно крылья. Вполне удовлетворенная своим внешним видом и нарядом, Соня наконец покинула гардеробную. Успех превзошел все ожидания. Увидев выражение глаз Енси, девушка поняла, что Старая Гиена сделался ее беспрекословным рабом. Во всяком случае, на ближайшее время. «Чувства мужчин похожи на солому, — говорила Дюби. — Мгновенно загораются, жарко пылают и быстро гаснут. Поэтому нам, женщинам, необходимо уметь пользоваться моментом». Так что, пока все складывалось довольно неплохо.

Но до чего же трудно пришлось Соне, когда она вышла на палубу подышать воздухом и уви-

дела пленных ваниров! Их взгляды жгли, точно раскаленное железо.

Действительно, как и сказал кусанец Менг, ваниров осталось в живых совсем немного. Соня насчитала всего дюжину. Они были рассажены по лавкам среди остальных гребцов, как можно дальше один от другого. Это было обычной тактикой бараханцев: ведь если земляки сидят далеко друг от друга, им труднее договориться. Ваниры, как и остальные гребцы, были обнажены до пояса, разуты и прикованы цепями к толстым доскам скамей, на которых они сидели. Еще недавно они были грозными и гордыми воинами, а сейчас являли собой жалкое и печальное зрелище. Однако дух их укрощен не был, и если бы ненавидящие взгляды обладали способностью воспламенять, то бараханские надсмотрщики, поигрывавшие кожаными кнутами, сгорели бы на месте, оставив после себя лишь кучки пепла. Часть этой ненависти досталась и Соне. Похоже, ваниры посчитали ее предательницей. Может, со стороны оно именно так и выглядело, однако что же ей оставалось делать? Не садиться же за весло вместе с остальными рабами. Чувствуя свою правоту, Соня гордо подняла подбородок и принялась прогуливаться взад-вперед по палубе. Исподволь она определяла, кто же именно остался в живых. Соня разглядела среди гребцов братьев Неффа и Ореффа и порадовалась тому, что они остались живы. Но, увидев за одним из весел Гронни, которого она как-то опозорила перед всей командой, девушка испытала куда меньшую

радость. Гронни не только злобно поглядел на Соню, но и смахнула в ее сторону. Однако уже в следующее мгновение по его обнаженной спине звонко щелкнул бич, оставив красный рубец.

Соня вскинула глаза. Бич держал в руках тот самый молодой пират, который утром вел бараханцев в бой: темноволосый, с небольшой аккуратной бородкой и твердым холодным взглядом. Сейчас вместо кирасы на нем был надет темно-серый, очень богатый камзол, расшитый серебром.

— Ты, тварь, даже глаза поднимать не вправе на тех, кто ходит по этой палубе, а не то что плевать в их сторону,— ленивым, поучающим голосом сказал бараханец. Гронни лишь сдавленно зарычал и опустил голову.

— Будь с ними построже,— сказал капитанский помощник, отдавая кнут здоровенному бритоголовому детине, одетому в кожаные штаны и безрукавку. Как видно, этот надсмотрщик проявил недостаточную бдительность.— Если будешь лениться,— продолжал помощник,— твой кнут прогуляется по твоей же спине, понятно? — Понятно, господин Раф,— прогудел в ответ надсмотрщик,— больше не повторится.

Раф обернулся к Соне и выразил надежду, что в будущем подобных выпадов со стороны рабов не повторится. Речь, манеры и поведение капитанского помощника были изысканны, точно у заправского вельможи. Мило улыбнувшись, Соня сказала ему об этом.

— О, я беспутный сын знатных родителей,— ответил Раф.— Знатных, но бедных. Мое семейство ютится в полуразрушенном родовом замке, стоящем к северу от Кордавы. Они ведут гордую, но нищую жизнь, мне такая не подходит: Кроме того, я — младший сын в семье и не могу рассчитывать на наследство... Однако хватит рассуждать о моей скромной персоне. Не хочет ли наша прелестная гостья осмотреть корабль?

И завязался разговор — внешне пустой и незначительный, но полный намеков, многозначительных интонаций, взглядов... Меньше всего Соня ожидала встретить на пиратском корабле человека, для которого явно предпочтительнее парадные дворцовые залы где-нибудь в Кордаве или Мессантии... Впрочем, накануне Соня видела Рафа в деле. Это был грозный и умелый боец. А ведь я тоже ему нравлюсь, подумала девушка с некоторой гордостью. Но уже в следующее мгновение она сама себя одернула: нечего кокетничать с бараханцами. Лучше думай о том, как суметь убежать с корабля. И вообще, все эти влюбленные взгляды и вздохи ничего не значат. Все моряки проявляют слабость по отношению к женскому полу: ведь в плаваниях они не видят женщин по несколько месяцев кряду. Так что, будь я даже хромой, кривой и горбатой, все равно от поклонников не было бы отбоя...

Со знанием дела помощник капитана показал девушке мачту и парусное вооружение галеры, хитроумное рулевое устройство: «Гром» имел два рулевых весла, расположенных справа и сле-

ва по обеим сторонам кормы. Эти весла были соединены горизонтальным бруском и двигались одновременно. Затем Раф провел Соню на боевую башенку и показал баллисты. Чувствовалось, что Раф и сам увлечен этим грозным оружием. Глаза его загорелись, а в лице появилось что-то мальчишеское. Скинув камзол и оставшись в полотняной рубахе, он взвел одну из баллист, уложил в углубление метательной лапы снаряда и разрешил Соне выбить чеку. Баллиста с грохотом швырнула вдаль глянчное ядро. В воздухе осталась тонкая дымная полоска-дуга, а затем в море вспыхнуло пятно чадящего малинового пламени. Соня почувствовала веселый азарт. Баллисты произвели на нее сильное впечатление еще во время ночного боя. Однако, чтобы взвести это оружие, силенок девушки оказался маловато. За дело снова взялся Раф: с помощью деревянного рычага взвел боевую ось, закрепил ее и установил чеку. Затем уложил снаряд... И Соня послала в даль моря глянчное ядро, через мгновение превратившееся в клубок грозного огня.

— Хей! — азартно выкрикнула девушка. — Смотри-ка, чуть чайку не сбили! Еле успела увернуться.

Раф весело рассмеялся в ответ. Но это веселое времяпровождение вскоре прервали. На башенку поднялся слуга капитана и сообщил, что Енси недоволен — боеприпасы расходуются впustью. Слуга строго глядел на Рафа, по выражению его лица было ясно: недовольство капитана

вызвано не только этим. Ага, приревновал, козлик старый, лукаво подумала Соня. Что ж, надо будет его умаслить. Ревность — это само по себе неплохо, только не перешла бы она в злобу. Улыбнувшись Рафу, девушка поспешила в капитанскую каюту. Вновь обжегшись о ненавидящие взгляды рабов, прикованных к веслам, Соня вдруг сообразила, что ей следует делать дальше. Да, это будет наилучшим решением. В каюте капитана Енси наверняка имеется тайник. Надо постараться отыскать его...

Следующие два дня протекли достаточно однообразно. Соня развлекала капитана Енси светскими разговорами, в которых точно отмеряла показную скромность и игривую кокетливость. Старая Гиена, полулежа на высоко взбитых подушках, по мере своих сил старался поддерживать беседу, делал любезное лицо, шутил, произносил комплименты и, похоже, очень досадовал о своей контузии. Обнаружив висевшую на стенае каюты лютню, Соня часами распевала баллады и любовные песни. Лютня была дорогая, инкрустированная слоновой костью и перламутром, однако весьма сильно попорченная небрежным хранением. От влажного морского воздуха корпус ее покоробился, а местами даже расклеился. Положение еще больше усугублялось тем, что при качке инструмент ударялся о стену, на которой висел. Соне постоянно приходилось мучиться с настройкой, иначе лютня начинала фальшивить самым мерзким образом. И все же это было менее утомительно, чем без передыш-

ки любезничать с кислолицым барабанским капитаном. Время шло, и это начинало не на шутку тревожить девушку. Плавание заканчивалось, а она по-прежнему не могла приступить к своему плану, который должен был принести ей свободу. И не только ей...

Наконец Соня повезло: вечером второго дня в дверь капитанской каюты постучался Раф.

— Что там случилось, о мой юный трудолюбивый помощник? — спросил Старая Гиена, причем сварливый тон голоса совершенно не соответствовал любезным словам.

— Я хотел бы поговорить об этих новых пленных, о ванирах, — почтительно ответил Раф.

Ага! Соня сразу насторожилась. В этот момент она находилась неподалеку от гардеробной. Стаяясь не привлекать внимания, девушка неслышно скользнула внутрь помещения и прикрыла за собою дверь, не забыв, впрочем, оставить небольшую щелку. Как оказалось, проделано это было вовремя.

— А ну, — велел Енси. — Я хочу поговорить с Красавчиком о насущных делах. Выйдите-ка вы все отсюда.

Кусанец Менг, который измельчал какой-то порошок в фарфоровой ступке, сразу оставил свое занятие и покинул каюту.

— Соня! Соня! Я же знаю, ты была здесь.

Эх, не удалась хитрость... Движимая внезапным озарением, девушка быстро подняла оконную раму и лишь затем вышла из гардеробной. На этот раз она не стала прикрывать дверь.

— Я вижу, ты любопытна, как все женщины, — сказал Енси не то ласково, не то насмешливо. — Пойди погуляй по палубе, солнышко мое. Мы с Рафом будем говорить об очень скучных вещах...

Соня покорно вышла, но, оказавшись на палубе, поспешила к ограждению правого борта. Ее расчет оказался правильным: если встать возле угла башенки и, опершись на ограждение, наклониться, то до открытого окна гардеробной будет немногим более локтя. Погода стоит тихая, волны почти не плещут, и разговор, который поведет капитан со своим помощником, можно будет слышать без особого труда. Во всяком случае, Соня надеялась на это. Ну а со стороны будет казаться, что она от нечего делать оглядывает морскую даль.

— Ванира... — раздался меж тем голос Рафа. Звучал он вполне отчетливо, и Соня порадовалась этому.

— Ну и что же? — спросил Старый Гиена. Его скрипучий голос тоже удавалось слышать без всякого труда. — Пусть им всыплют как следует, если смеют дерзить.

— Дело не в этом, — ответил Раф. — Они пытаются переговариваться меж собой.

— Ты должен был проследить за тем, чтобы все они сидели подальше друг от друга. — Старая Гиена сказал это крайне раздраженным тоном.

— Ни один из ванов не сидит рядом со своим соплеменником, — возразил Раф с обидой в голосе. — Но некоторые могут видеть лица друг друга.

— Ну и что же тебя смущает, мой излишне осторожный помощник? — На этот раз в голосе Старого Гиены явно слышалась издевка.

— Они перемигиваются, — лаконично ответил Раф.

— Перемигиваются?

— Я и раньше слышал, что у ванов имеется секретный безмолвный язык, — принялся объяснять Раф. — Движения глаз, губ, бровей... Ну а понаблюдав сегодня за лицами наших пленников, я убедился в том, что рассказы об этом языке — вовсе не пустая болтовня.

— Что ж, ты молодец... — после недолгого раздумья произнес Енси, но продолжения фразы Соня не смогла расслышать: как раз в это время из дверей камбуза вышел повар и вывалил за борт ведро объедков. Моментально налетела стая чаек, которые с пронзительными криками принялись выхватывать из воды куски пищи. На некоторое время эти вопли заглушили все остальные звуки.

— Дурак, — прошипела девушка в адрес повара.

В каюте по-прежнему разговаривали, но слов было уже не разобрать. Соня была готова передушить всех этих чаек, если б только смогла дотянуться до них. Да что толку мечтать о несбыточном?

Наконец объедки кончились, птицы улетели, и Соня поспешила снова навострить уши.

— Да, это будет самым лучшим решением, — расслышала она голос Рафа. — В конце концов, ванов не так уж много...

Девушка в испуге поднесла ладонь ко рту. Неужели они собираются перебить всех ваниров, что попали в плен?

— Конечно, — проскрипел Енси. — Рассадить их всех по одному борту, и все. Тогда они смогут видеть только затылки друг друга.

Эти слова немного успокоили Соню.

— Да, еще одно, — вновь раздался голос Старой Гиены. — Я, в отличие от тебя, не могу сейчас выходить на палубу и наблюдать за порядком, так что тебе придется на время стать моими глазами. Скажи-ка, не пытается ли красотка Соня общаться с пленными? Она все-таки ванирка, нам не следует забывать об этом.

В ответ послышался бархатный смех Рафа.

— Нет, это исключено, совершенно исключено. Дело в том, что ваны считают ее перебежчицей и готовы разорвать в клочья. Если бы не цепи, которыедерживают их на скамьях, то скорее всего так бы и произошло. Вчера, когда она первый раз попробовала выйти прогуляться на палубу, один из ванов даже плюнул в нее. Мне пришлось огреть нахала кнутом по спине. Ну а эта ванирка... Несмотря на свою молодость, она — весьма разумная девица и прекрасно осознает, что куда лучше быть с победителями, чем с побежденными.

Губы Сони скривила жесткая улыбка.

— Да, тут ты совершенно прав, — согласился Енси, — она разумна не по годам. Надеюсь, что ты, красавчик, тоже проявишь достаточную рассудительность и не будешь пытаться кружить

девице голову. Я очень надеюсь на это.— Последнюю фразу Енси произнес с ощущимым нажимом.

— Тебе, вероятно, доложили о том, что я провел в ее обществе некоторое время,— послышался смущенный голос Рафа.— Но я ведь просто проявил воспитанность, не более того. Наша гостья пожелала осмотреть корабль, и я...

— Моя гостья,— прервал его Енси.— Но хватит об этом... Так ты говоришь, что пленные ваны ненавидят ее? Гм... Гм-м... Что ж, это прекрасно. Ну а всех ванов пересади на один борт. Так будет спокойнее.

— Для этого мне нужны ключи,— сказал Раф.

— Да-да, ключи, конечно,— проскрипел Старая Гиена.— Хорошо, я дам тебе их. Ну-ка, отвернись ненадолго...

Соня затаила дыхание. Что бы она только ни дала, лишь бы одним глазом взглянуть, откуда Енси будет доставать связку с ключами! Но хитрый бараханец не собирался показывать местоположение тайника даже своему помощнику. Посыпался негромкий металлический звук, какое-то звяканье, затем легкий скрип открывающейся дверцы... Соня была в отчаянии: там, в каюте, открывали тайник, где хранятся ключи, с помощью которых можно освободить и напустить на команду корабля полторы сотни бойцов, а она не имела никакой возможности определить, где именно он находится! Попытаться выкрасть связку ключей у Рафа? Или отнять каким-нибудь образом?

— Хорошенько следи за этой связкой,— строго произнес Старая Гиена.— А как только надобность в ней отпадет, сразу верни обратно.

— Разумеется,— ответил Раф,— я вовсе не горю желанием видеть, как полтораста освободившихся рабов носятся по нашей палубе.

— Это говорит о том, что ты весьма разумный молодой человек,— довольно захихикал Енси.— Иди же, занимайся своими делами.

И как раз в этот момент плеча Сони кто-то коснулся. Каким-то нечеловеческим усилием воли девушка сумела сдержать себя и не попыталась отскочить или ударить. Она даже не вздрогнула. Неторопливо обернувшись, Соня сказала ленивым голоском:

— А-а, Мэнг, это ты? Что, уже можно возвращаться в каюту?

Кусанец внимательно вглядывался в ее лицо непроницаемыми темными глазами.

— Мозно, сейчас узе мозно, да. А что ты делаes здесь?

— Любуюсь морем,— отвечала девушка, наивно смотря на лекаря. Светские дамы Хаурана специально отрабатывают такой взгляд перед зеркалом. Считается (и не без причины), что он просто неотразимо действует на мужчин.

— Холодное серое море,— сказал Мэнг после недолгого молчания,— зачем же им любоваться?

— Интересно,— ответила Соня, нисколько не смущаясь.— Здесь, на корабле, так мало развлечений... Хочется чем-нибудь развеять скуку. Погляди-ка, вон там, возле борта, только что плавали

акулы. Недавно повар выкинул в воду объедки, вот они и приплыли. Акулы, я имею в виду.

— Наблюдая за такими большими и злыми рыбами, надо быть очень осмотрительной. Немало людей были съедены акулами из-за того, что оказались недостаточно осторожны.. Это очень опасно, поговори со мной. Акулы, я имею в виду.

Вот и пойми его — то ли обо всем догадался, то ли просто болтает об акулах без всякой задней мысли. Лучше считать, что он о чем-то догадывается. Так безопаснее.

Соня еще немного задержалась на палубе: бараканцы под руководством Рафа пересаживали по-новому рабов. Она хотела приглядеться к связке, чтобы потом, при случае, без труда узнать ее. Так: на цепочке висят три ключа разного размера. Первый, самый большой, отмыкает основную цепь, что протянута вдоль всей палубы. К этой цепи, на замках, что отпирает второй ключ, крепятся короткие поперечные цепи, которые соединяют трех человек, сидящих за одним веслом. И наконец, последним ключом, самым маленьким, можно разомкнуть кандалы на поясах и щиколотках какого-нибудь одного человека.

Чтобы не вызывать ни у кого лишних подозрений (а в особенности же — у хитрого Менга), Соня вернулась в каюту. Слегка улыбнувшись Старой Гиене, она сняла лютню со стены и принялась рассеянно перебирать струны. Девушке надо было хорошенечко поразмыслять, и она не хотела, чтоб любвеобильный старикишка отвлекал ее своей болтовней. Итак, где же

может находиться этот распоклоняющийся тайник? Ясно, что он где-то возле самой кровати, ведь Енси пока что не может подыматься на ноги и, тем более, ходить. Продолжая наигрывать что-то неторопливое и меланхоличное, девушка попыталась сообразить, куда же именно встроен секретный ящик. В кровать? Навряд ли, ведь она обтянута шелком, а деревянные брусья спинок слишком узки, чтобы в них можно было сделать достаточно вместительную нишу. В стену каюты? Но ее почти сплошь покрывает ковер. Стол или одно из кресел возле кровати? Тумбочка у изголовья?.. Полуприкрыв глаза ресницами, девушка внимательно оглядывала обстановку каюты. Тисовый потолок, белая с позолотой мебель, яркие ковры и драпировки...

Соня попыталась вспомнить звуки, которые сопровождали открытие тайника: короткое металлическое позвякивание, скрип дверцы... Металлическое позвякивание! А ведь на тумбочке стоит гонг, с помощью которого Енси вызывает слуг! Видимо, открывая тайник, старик случайно кинул серебряный диск, укрепленный на цепочке. Значит, все таки тумбочка?

— Что это с тобой, красавица моя? — вдруг спросил Енси.

Не переставая играть на лютне, Соня удивленно приподняла одну бровь.

— У тебя глаза вдруг загорелись, точно у дикой кошки, — пояснил бараканец.

— Я хочу танцевать, — страстным, низким и бархатистым голосом произнесла девушка: надо

же было как-то замаскировать свой непроизвольный порыв.

Взяв со стола пару блюдец, она прямо на скатерть вытряхнула их содержимое: орешки и какие-то сласти. Затем она без малейшего смущения разбила дорогой кхитайский фарфор о край стола и, сделав из осколков кастаньеты, начала вендинский танец: одновременно зажигательный и томительный, ритмичный и плавный. Старый Енси был так увлечен танцем девушки, что даже приоткрыл рот. Глазки его сделались совсем масляными. А Соня танцевала: щелкали кастаньеты в воздетых руках, легкие ноги то скользили по полу, то дробно отстукивали ритм, покрывало слетело с плеч и белой птицей порхнуло куда-то в угол... Соня не зря выбрала именно этот танец: кружась, она постепенно приблизилась... Енси пребывал в уверенности, что к нему, но на самом деле девушку интересовала тумбочка. Затем она, продолжая отбивать ритм, опустилась на колени. Теперь в танце участвовали лишь руки, плечи, шея, изгибающийся стан. А между тем, из-под век, томно прикрывших глаза, Соня успела самым внимательным образом осмотреть тумбочку: белую, как и вся остальная мебель, с резным золоченым орнаментом вдоль крышки. Да, никакого сомнения, три углубления в резьбе выглядели чуть темнее. Если Старая Гиена каждый раз, как открывает тайник, вкладывает в них пальцы, то нет ничего удивительного в том, что позолота утратила свой блеск. Теперь Соня знала все, что ей требова-

лось. Рассмеявшись, она швырнула фарфоровые кастаньеты в угол каюты, игриво показала Енси язык и выбежала на палубу, чуть не столкнувшись с Рафом, он нес обратно ключи.

Немного отдохнувши и успокоивши, девушка принялась действовать дальше. Теперь надо было договориться с кем-нибудь из ваниров. Но тут Соня столкнулась с неприятной и неожиданной помехой. Только она попыталась подойти к Неффу (или Ореффу, поди их разбери), как впереди выросли два дюжих охранника. Они не допускали никаких грубостей, не пытались, например, оттолкнуть ее или схватить за плечо, но и обойти их не было никакой возможности. Каждый из этих дюжих молодцов стоял непоколебимо, как скала, расставив руки и выставив вперед огромное пузо. Охранники дружно гудели в два голоса:

— Нельзя! Не велено!

— Кем не велено? — нетерпеливо спросила Соня.

— Приказ капитана. Передал его помощник, — тупо пучка глаза, отвечали охранники. Разговаривать с ними было бесполезно. Соня еще раз поразилась предусмотрительности и недоверчивости Старой Гиены. Да, чтобы обхитрить такого, придется приложить немало усилий. Необходимо придумать какой-то иной способ действий. Немного поразмыслив, Соня принялась с рассеянным видом прогуливаться вдоль другого борта, на котором ваниров не было. Бросив украдкой несколько взглядов, она определила, что ее маневр до известной степени ус-

покоил охранников. Что ж, тем лучше. Прогуливаясь, Соня внимательно оглядывала лица рабов, прикованных к скамьям. Выбор, который ей предстоит сделать, должен быть безошибочным.

Но пока что осмотр не внушал особых надежд. Большинство гребцов выглядели настоящими дикарями, глаза их затравленно смотрели из-под чудовищно отросших, свисавших грязными прядями волос. Бороды, свалявшиеся, как войлок, достигали пояса. Казалось, что это какие-то животные, вроде волов, что крутят и крутят колеса на мельницах, крутят до самой смерти... Девушке едва не сделалось дурно от вида этих людей, доведенных до скотского состояния.

Наконец она разглядела лицо, выделявшееся среди остальных более-менее осмысленным выражением.

Это был довольно молодой человек с тонкими чертами лица. Борода его не успела еще сильно отрасти, а в глазах еще светились разум и даже остатки гордости. Соня остановилась возле него и, глядя куда-то вдали, негромко сказала:

— Слушай, среди вас есть верные люди? Если я ночью принесу ключи, сумеете разомкнуть цепи?

Раб молниеносно вскинул голову, но тут же, опустив глаза, хрипло прошептал:

— Неси... А уж мы...— Увидав что-то или кого-то за спиной Сони, он сразу замолчал. Лицо его моментально сделалось таким же тупым, как и у других рабов.

— Надеюсь, этот недоумок не допустил никаких оскорбительных выпадов? — раздался позади голос Рафа. — Что-то мне его блудливая рожа не нравится... А-а, старый знакомый! — Тут бараханец злорадно расхохотался. — Именно благодаря мне этот ублюдок оказался здесь, на скамье для гребцов. Во время боя, случившегося несколько лун назад, я взял его в плен. Теперь он ворочает веслом и с величайшим нетерпением ждет, когда наконец его родня удосужится сбрать выкуп и уплатить его нашему капитану. Дело в том, что этот зингарец — знатного происхождения, как и я. Только недоноску повезло, и его родители...

— Врешь! — выдохнул раб. — Ты вор. Просто-напросто вор! Даже костюм, который ты носишь, — и тот украден!

— Верно, — ядовито улыбнулся Раф. — Я снял этот костюм с тебя, щенок. Ведь сказано богами: «Кто не умеет защищать свою собственность, тот будет лишен ее!»

— Проклятый служитель Бела! — выкрикнул в ответ его собеседник.

— Верно, Бела, покровителя воров, я уважаю больше всех других богов, — кивнул Раф. — Ну а что касается твоего проклятия, то оно нисколько меня не волнует, так как не способно причинить никакого вреда. Конечно, в наказание за дерзость я мог бы избить тебя до потери сознания, но, пожалуй, не стану делать этого. Слишком много чести для такого слизняка, как ты. Гораздо больше мне нравится наблюдать за тем, как ты кор-

чишься, точно раздавленный червяк, звенишь цепями и исходишь бессильной злобой.

— Если бы не эти цепи, я бы убил тебя! О, как мне хочется дотянуться до твоей шеи и свернуть ее!

— Знаешь, что является самым бесполезным занятием на свете? — ядовито ухмыльнулся бараханец.— Бесплодные мечтания.

В ответ пленник разразился тирадой отборных ругательств, поминая как самого Рафа, так и его отца с матерью, а также всю родню вплоть до седьмого колена. Но этот гнев действительно был бессилен. Соня поглядела на других пленников. Те сидели, испуганно пригнувшись. Казалось, они ожидали, что господа и повелители сейчас начнут наказывать их, не особо разбирая, на чьи спины придется удары кнута. Затем Соня перевела взгляд на лицо бараханца и испытала потрясение: тот наслаждался! Сейчас Раф был чем-то похож на кота, который играет полузадушенной мышью, не спеша загрызть ее. Да, унижение, которому он подвергал своего пленника, было куда изощреннее и одновременно болезненней, чем простое избиение. Раф не касался его тела. Вместо этого он терзал душу.

Соня почувствовала, что больше не в силах переносить эту сцену.

— Пойдем отсюда,— попросила она.— Как меня раздражают эти грязные рабы!

Уже отойдя шагов на десять, девушка обернулась. Пленник сидел, повесив голову, и плечи его

вздрагивали. Но затем он взглянул на Соню, и глаза его засветились надеждой.

По вечерам Енси принимал настойку желтого лотоса, которая заглушала боль в плече и помогала заснуть. Соне нечего было опасаться, что он проснется в самый неподходящий момент. Остался Менг, который тоже ночевал в этой каюте, прямо в кресле. Похоже, сон у кусанца был довольно чуткий: пару раз Соня видела, как он встает среди ночи и поит Старую Гиену какой-то микстурой. Необходимо было каким-то образом избавиться от него. Ничего, кроме все того же лотоса, Соне на ум не приходило. Но как заставить Менга принять его? Подмешать в пищу?

Над морем стояла ночь. Луна, идущая на убыль, то скрывалась в облаках, то снова освещала бесконечные ряды волн и одинокий корабль, распустивший над ними свой парус. Избавленные попутным ветром от тяжелой повинности, гребцы отдыхали. Изредка слышалось позывкание цепей, когда кто-то менял позу, иногда кто-нибудь всхрапывал или протяжно стонал во сне. Видно, даже в сновидения проникали надсмотрщики с тяжелыми кожаными бичами... Однако спали далеко не все рабы. Торопливый осторожный шепот слышался между рядами гребцов, неся с борта на борт галеры, примолкал, если рядом проходил охранник, а затем раздавался снова. Жизнь, которую ведут галерные рабы, действительно способна сломать человека, но далеко не всякого. Чтобы выжить, пленник, посаженный за весла, должен либо потерять гордость, либо

спрятать ее в самые дальние тайники своей души. А также совершенно необходимо, чтобы чувства его притупились и огрубели, иначе разум не выдержит этой страшной жизни, и человек сойдет с ума. Если сумасшествие окажется буйным, то несчастного убьют, а тело его выкинут за борт, на корм акулам. Ну а тихие сумасшедшие... Что ж, здесь, за веслами, было немало и таких. Слабые духом люди, попав на галеру, вскоре превращались в животных: некоторые из них теряли способность даже разговаривать и понимать чужую речь. Их слух воспринимал лишь удары барабана, отбивавшего ритм для гребцов. Кажется, некоторые из них слепли: ведь для того, чтобы грести, зрение не так уж и необходимо. Такие рабы не доставляли своим хозяевам почти никаких хлопот. Но были и другие, сумевшие сохранить свою человеческую сущность. Правда, они безропотно работали и сносили удары надсмотрщиков. А меж тем в душах этих людей таились воля к свободе и свирепая ненависть к тем, кто усадил их на эти проклятые скамьи. Но если рядом оказывался кто-нибудь из команды, лица этих людей сразу делались тупо-покорными и по-скотски безразличными: они ждали подходящего случая! И вот наконец это долгожданное время наступило.

Шальная девка-ванирка, которая попала в плен во время последнего абордажного боя, сумела каким-то образом стащить у капитана ключи от кандалов. Девка оказалась действительно ловкая: выкрав эти ключи, она незаметно передала

их красавчику Ремидио. Даже человека она сумела выбрать правильно: этот Ремидио, пленный кордадец, был, конечно, горд до глупости (а здесь, на галере, век у таких оказывался очень недолог). Однако этот же Ремидио страстно желал освободиться и люто ненавидел бараханцев, а потому был включен в «цепочку» верных людей, охватывавшую все скамьи по обоим бортам галеры. Четырех гребцов задушили их же соседи: этих людей подозревали в наушничестве, а рисковать никто не хотел. Уже глубокой ночью, когда темнота сделалась особенно густой, а надсмотрщики стали клевать носом, ключи пошли по рядам. Три негромких щелчка — и обитатели одной скамьи освобождены от кандалов, а ключи незаметно передаются дальше. Однако те, кого кандалы уже недерживают, остаются сидеть так же неподвижно, как и раньше. Еще вечером по «цепочке» прошло предупреждение: если кто-нибудь попытается вскочить раньше времени, он должен быть убит на месте своими соседями. Надежда на победу над бараханцами оставалась лишь в том случае, если рабы атакуют разом. Люди оставались неподвижными, как колоды, ну а внутри... О, их сердца бешено колотились, а в душе пылало пламя ненависти и надежды.

Осторожный шепот снова и снова прошелестел по палубе, напоминая тихий плеск волн за бортом: «Ждите сигнала, ждите, ждите сигнала...» «Ждите свиста, свиста...» «Тихо, тихо, тихо. Ждите...» «После сигнала — все разом...» «Бейте цепями, цепями, бейте цепями...» «Ждите...»

Соня тоже ждала. Она находилась в капитанской каюте, сидела в кресле, сильно наклонившись вперед, уперев подбородок в сжатые кулаки, а локти в колени. В соседнем кресле расположился Менг. Его поза, как всегда, была расслабленной и непринужденной. Темные глаза кусанца таинственно поблескивали в свете масляных ламп.

— Твоя одеяда,— сказал Менг,— тебе лучше сменить ее.

— Да,— согласилась девушка.

— Лучше мужской костюм. Это будет удобнее. А еще, в нем теплее и безопаснее.

Кивнув, девушка отправилась в гардеробную. Перебрав несколько одеяний: мужских и женских, предназначенных для балов, для путешествий, для боя (да что там, для всех случаев жизни!), она остановила свой выбор на одежде, ранее принадлежавшей, по-видимому, капитану или помощнику капитана какой-нибудь богатой торговой караки: высокие сапоги с широкими голенищами, суконные брюки и блуза, поверх которой надевалась непромокаемая кожаная куртка и, наконец, кожаная шляпа с широкими обвальными полями, способными защитить плечи и затылок от дождя и брызг. Переодеваясь, она раздумывала над тем, каким удивительным образом человек, которого она считала врагом, превратился в друга. Вечером, незадолго до заката, Соня вызвалась измельчить в ступке зерна лотоса, предназначенные для капитана. Енси это весьма понравилось. Ему было приятно принять лекарство из рук своей обворожительной невольни-

цы. Зная об уме и проницательности капитана Енси, Соня вовсе не надеялась обмануть его, убедив в искренности своих чувств. Но, похоже, Старая Гиена был согласен и на такую имитацию. Да и что еще ему оставалось? Смешно, но Соня вдруг почувствовала себя так, будто подает милостыню нищему. Впрочем, нищий вовсе не был нищим, ну а «милостыня» тем более была не тем, чем казалась. Если все, что задумала Соня, удастся, то это будет означать конец карьеры капитана Енси, хитрого, удачливого, вероломного и жестокого...

Итак, Соня измельчала темные сухие зерна в легкий порошок. Лекарь настоял на том, чтобы она делала это, прикрыв рот и нос тканевой повязкой, а кроме того, расположилась возле распахнутого настежь окна каюты. Соня спросила, почему он сам не предпринимает подобные меры предосторожности, измельчая лотос, на что Менг ответил, что он, в отличие от Сони, достаточно опытен и осторожен, чтобы обходиться без этого.

— Надысься — уснешь и упадешь на пол. Мозгесь уснуться, а мне придется лечить. А если много пыли вдохнесь — мозгесь совсем умереть. Сердце не будет больше работать...

Растирая зерна фарфоровым пестиком, Соня умудрилась незаметно отсыпать часть порошка и завернуть его в салфетку, которую заранее стащила со стола. В душе девушки нарастало ликование, ведь все, буквально все, за что она бралась, удавалось. Осталось **немногое: незаметно подсыпать порошок в пищу Менга, подождать, пока он**

и капитан заснут, а затем выкрасть ключи и передать их тому молодому гребцу. Соня не обратила внимания на то, что, приняв из ее рук ступку, Менг принял весьма внимательным образом разглядывать порошок, лежавший не дне. Затем, пересыпав его в небольшую чашку, он кинул в ступку еще несколько зерен.

— Разотри и эти тозе,— велел он Соне.

— Зачем? — удивилась девушка, но, так и не дождавшись ответа от бесстрастного кусанца, принялась выполнять распоряжение.

— Ты так истово трудишься ради меня.— Енси ласково и участливо глядел на Соню.— Я очень признателен тебе за это.

— Спасибо,— кивнула Соня.— Я, должно быть, очень смешно выгляжу в этой повязке...

— О нет, вовсе нет! — запротестовал старик.— У тебя прелестные глаза. Такие зеленые и бойкие... Кстати, Менг, мошенник, почему это ты заставил ее растирать зерна дважды? Сам-то приготовлял снадобье за один раз, я ведь помню.

— Она — есе осень неопытный помосник лекаря,— отвечал кусанец,— поросок должен быть осень мелкий, как это, для лица... Да, как пудра. Пусть она лучше делает лекарство в два приема.

— Все напоминаешь о своей опытности, цену себе набиваешь,— проворчал Старая Гиена,— впрочем, лекарь ты действительно выдающийся. За то и держу. Иначе давно бы веслом ворочал...

Соня удивленно вскинула глаза. Выходит, Менг — тоже пленник? Почему же тогда он не отправит Гиену и не сбежит с корабля? Впрочем,

похоже, живется ему здесь неплохо. Бывают и такие люди, что предпочитают свободе сытую неволю.

Енси принимал лекарство за ужином, а действие его начиналось спустя некоторое время. Так что и Старая Гиена, и его лекарь должны были уснуть одновременно.

За ужином Соня много смеялась, шутила и ела с отменным аппетитом; так действовало на нее нервное возбуждение. Енси с завистью смотрел, как она обглядывает ногу индюшки, заедая ее лепешками, жареными на масле, виноградом и фруктами. Сам капитан, по настоянию Менга, был вынужден ограничиться небольшой чашкой бульона, тушенными овощами да несколькими ломтиками сыра.

— Сыр, в умеренных количествах, очень полезен для воинов, полуцивих раны,— объяснял Менг.— В теле человека обновляется кровь.

— Хорошо еще, что кровь обновляется благодаря сыру, а не какой-нибудь гадости, вроде твоих бобов,— сварливо отозвался Старый Гиена.— Даже для обоняния они неприятны, не говоря уже о вкусе...

— Бобы — очень полезная и здоровая пища,— невозмутимо отвечал лекарь.— В отличие от мяса, с которым они сходны во многих отношениях, бобы не отягчают желудка, но придают человеку силу и ясность мысли.

— Сравнил тоже. Бобы — пища бедняков, ну а мясо предназначено для людей, сильных духом или телом.



Чтобы скрыть лукавую улыбку, Соня поднесла ко рту яблоко. Именно в бобовую похлебку, которую так уважал Менг, она высыпала похищенный порошок.

Ужин закончился, слуга убрал посуду и удалился. Немного погодя Енси уже похрапывал на своих подушках. Начал клевать носом и Менг, сидевший в кресле с высокой спинкой. Вскоре голова его свесилась на грудь, он закрыл глаза и застыл. Для проверки Соня несколько раз хлопнула в ладоши: с каждым разом все громче и громче. Ни капитан, ни его лекарь даже не шевельнулись. Удалось! Соня поспешила к тумбочке. Она вложила пальцы в три отверстия, на которые обратила внимание днем, и слегка надавила. Раздался легкий щелчок, и узкая дощечка откинулась, открывая доступ к секретному ящику. Победоносно улыбнувшись, Соня выдвинула его. Ключи! Те самые — три ключа на короткой стальной цепочке. Кроме этой связки в ящике лежали несколько мешочков из мягкой замши. Пощупав их, Соня определила, что там находятся камни: конечно же, драгоценные. А иначе, зачем нужно было так хорошо их прятать?

— Что ж, это тоже очень кстати, — тихо проговорила девушка.

— Ты сумела найти то, что искала?

Голос Менга раздался неожиданно, как Глас с небес. Хотя кусанец говорил негромко, Соня подскочила и едва не уронила на пол гонг. Она чудом успела подхватить звонкий серебряный



диск, ведь иначе в дверь тут же сунулся бы слуга, дремавший снаружи, на скамье возле входа в каюту.

— Ты осень умная девушка. — Менг неторопливо поднялся, причем ни малейшего следа сонливости на его лице не было заметно. — Я здесь узел довольно давно, больше трех лун, да. Однако так и не смог узнать, где находится этот тайник.

— Не подходи! — тихонько взвизгнула девушка, замахиваясь ключами, точно ножом.

— О, тебе совсем не нужно бояться, — улыбнулся Менг. — Я ведь тозе хочу освободить этих несчастных людей. Там, на веслах. Оцень хороисо, что ты смогла найти ключи.

Неожиданно Менг лукаво подмигнул девушке и широко улыбнулся.

Таким вот образом Соня неожиданно обрела союзника.

Переодевшись в морской костюм, девушка повернулась к зеркалу. Оттуда на нее глядел молодой паренек: то ли сын шкипера, взятый отцом в плавание, чтобы приучался к морскому делу, то ли знатный юноша, решивший отправиться в плавание на своем корабле. Драгоценности: браслеты, ожерелья и цепь, захваченную в замке Гиллеро, Соня тщательно спрятала под одеждой. Удовлетворенно кивнув себе, девушка вернулась обратно в каюту.

— Хороисо, — сказал Менг, внимательно оглядев ее. — Именно то, что и требовалось. А теперь посмотрим: капитан Енси...

— Да, кстати о капитане,— перебила его девушка,— он не проснется случайно?

Соню сейчас беспокоило множество различных вещей: не перехватят ли ключи охранники, не проснется ли Енси в самый неподходящий момент, не случится ли еще что-нибудь ужасное... Деятельная от природы, она очень плохо переносила бездействие.

— Нет, он не проснется,— покачал головой Менг.— Желтый лотос — оцень хорошее лекарство, оцень сильное. Сегодня капитан будет спать крепко, даже крепче, чем вчера и позавчера... Но о чем я говорил? Да, капитан Енси, как и то хитрое животное, именем которого вы его называете, имеет нору с двумя выходами. Это может нам пригодиться. Смотри.

Менг прошел к стене какоты и, ухватив край ковра, покрывавшего пол, потянул его на себя. Ковер поднялся, а вместе с ним поднялась и крышка секретного люка. Соня подошла и заглянула вниз, в темноту. Из люка тянуло несвежей, душной сыростью. Немного помедлив, Менг опустил люк на место.

— Видись,— сказал он,— капитан Енси оцень хитрый. Ковер прибит к крышке. Если опустишься и закроешься за собой люк, то снаружи ничего не будет видно. Оцень умно.

— А куда ведет этот лаз? — спросила Соня.

— Вниз, под главный мостик палубы,— ответил кусанец,— нам луцсе будет спрятаться там, чтобы перездать бой.

— Почему? — удивилась Соня.

— Понимаешь,— серьезно и поучительно сказал Менг,— когда восставшие гребцы сломают дверь и ворвутся сюда, то я думаю, они будут убивать всех, не разбирая...

— Понятно,— кивнула Соня и снова подняла крышку.— Ну что, пошли.

— Постой,— сказал лекарь,— есть еще одно дело. Помоги мне, позалуйста.

Менг подошел к постели, осторожно взял бесчувственного капитана под мышки и выжидавшее посмотрел на Соню.

— Что зе ты стоись? Бери его за ноги. Капитана тозе надо спрятать.

— А его-то зачем? — удивилась девушка.— Если рабы его и пристукнут, так поделом.

— Дело в том, что, поступая в учение к мудрым старцам, которые зивут в горах на севере Кусана, я дал великую и торжественную клятву,— медленно и веско сказал лекарь.— Я клялся, что не буду применять искусство врачевания во вред. Ведь знание секретов врачевания, лекарственных составов и тайн человеческого строения — это великая сила, которая может быть обращена как во благо, так и во вред. Если человек не имеет определенного душевного качества, оно называется... Да, совесть. Так вот, этот человек может стать отравителем, злодеем из злодеев. Более того, знающие особые точки на теле человека могут убивать одним прикосновением пальца. А могут и излечивать. Врачевание — это оцень великая сила, и ее секреты оцень опасны, если попадут в руки недобрых, бессовестных людей...

Лицо Менга сделалось мечтательным, глаза смотрели куда-то вдали. Казалось, на эту тему он готов разглагольствовать часами.

— Все это понятно,— нетерпеливо перебила Соня,— но ты так и не ответил, зачем нам спасать этого подлого старикашку?

— Ну как зе? — Казалось, лекарь удивлен тем, что она не понимает таких простых вещей.— Капитана Енси обязательно убьют, если мы оставим его здесь. И отчасти в этом будет виноват глубокий сон, вызванный семенами желтого лотоса, которые я дал ему. А я ведь клялся не причинять вреда. Даже бездействием.

— А-а, понятно,— сообразила Соня.— Ты удивительный человек, Менг. Ну хорошо, давай помогу.

Сообща они опустили безмятежно посапывающего Енси в люк, затем Менг принес матрас с одеялом и принялся устраивать капитана самым удобным образом. Не желая сидеть в темноте, Соня вернулась в каюту и, взяв со стола медный, наполненный маслом светильник, опустилась в люк и плотно закрыла его за собой. К ее удивлению, Менг немедленно задул маленький огонек, плясавший на кончике фитиля.

— Ни в коем случае,— прошипел он.— Свет могут увидеть сквозь щели. И говори только шепотом. Нельзя, чтобы нас заметили или услышали.

Они притаились под тонким дощатым настилом. Было тихо, лишь иногда прямо над их головами раздавались тяжелые шаги. Судя по всему, это охранник ходил туда-сюда по палубе.

— Ты удивительный человек, Менг,— прошептала Соня.— Удивительный, но очень хороший. Сначала я не могла понять, почему ты не отравишь капитана и не сбежишь с корабля, но теперь все ясно.

— Нельзя убивать людей,— раздался из темноты тихий, но твердый голос лекаря.— Капитан знал, что я не отравлю его, не боялся. Он только приказал тщательно следить, чтобы я не попытался бежать.

— А куда ты направишься, если удастся освободиться? — спросила Соня.

— Я бы хотел вернуться назад, на родину,— ответил Менг после недолгого молчания.— Я уже очень устал от цузих земель и цузих людей. Если выйти сейчас, то можно будет достичь моих родных мест весной, когда расцветают вишни. День, когда на вишневых деревьях распускаются цветы, мой народ считает праздничным днем...

Движимая неожиданным порывом, девушка извлекла из пояса один из замшевых мешочеков, которые она забрала из тайника Старой Гиены. Нашупав в темноте руку Менга, она вложила этот мешочек ему в ладонь.

— Возьми. Это поможет тебе добраться до родных мест. Путь предстоит неблизкий.

— Спасибо,— прошелестел в ответ тихий голос кусанца.— Путь действительно очень неблизкий.

— Менг,— спросила Соня,— скажи, пожалуйста, почему ты не уснул? Я ведь выссыпала тебе в похлебку это снадобье, лотос...

Лекарь тихонько засмеялся.

— О, я заметил, как ты похитила часть порошка. Сначала я подумал было, что ты имеешь пристрастие к лотосу, ведь этот порок довольно распространен в здешних местах. Но, приглядевшись внимательно, понял, что это не так. У тех, кто регулярно принимает лотос, расширены зрачки, а пальцы слегка дрожат. У тебя не было этих признаков. Тогда я предположил, что порошок предназначен для меня. А почувствовав его вкус в пище, я убедился в том, что мое предположение верно. Никогда не пытайся опоить или отравить опытного лекаря. Мы знаем вкус многих, оценяя многих лекарств и ядов.

— Но ты ведь съел похлебку, — растерянно сказала Соня. — Всю, до последней ложки. Я сама видела.

— Что из того? — безмятежно ответил Менг. — Заподозрив, что ты попытаешься усыпить меня с помощью лотоса, я принял небольшое колицество коры фенха, а потом узел за стол и принял узинать. Понимаешь, порошок коры этого дерева, фенха, способен нейтрализовать действие лотоса.

Внезапно ночную тишину разорвал пронзительный переливчатый свист. А мгновение спустя раздался рев множества голосов: свирепый и ликийющий. По мостику над головами Сони и Менга дробно застучали сотни ног.

Началось! Больше сотни рабов разом вырвались на свободу. Растерянные, сонные солдаты пытались отбиваться, но против такого напора

они оказались бессильны. Да и цепи в могучих руках гребцов были страшным оружием: они разбивали черепа, вышибали плечи из суставов, ломали ребра и руки... Привычные к сабельным схваткам, бараханцы пытались парировать эти удары, но цепи просто-напросто обвивались вокруг клинков, вырывая оружие из рук. А от следующего удара защититься было уже нечем... И еще одно пугало бараханцев чуть ли не до икоты: восставшие рабы были совершенно нечувствительны к боли. Охваченные так долго копившейся яростью, они продолжали сражаться даже после тяжелого, иногда смертельного ранения. Главным для них было уничтожить врага, а не выжить.

Предводителем восставших рабов оказался Ремидио. Это получилось само собой. Ремидио вовсе не стремился вести кого-либо в бой. Его единственным желанием было расправиться с тем, кого он ненавидел: Рафа. А так как Раф возглавил оборону бараханцев, то и Ремидио оказался в самом центре схватки. В левой руке недавнего раба была зажата цепь, а в правой тяжелый прямой меч, который он отнял у одного из врагов в самом начале сражения. Ремидио рвался вперед, удары его сокрушали пиратов, а движения были так стремительны, что он оставался неуязвимым даже в беспорядочной толчее палубного боя. Прорывая ряды противника, Ремидио стремился к Рафу, а в брешь, пробитую им, тут же врывались остальные гребцы. Вскоре два давних недруга встретились лицом к лицу.

— А-а, это опять ты, щенок! — заорал Раф, удерживая зингарца на расстоянии широкими взмахами секиры, которой он орудовал с удивительной быстротой.

— Опять! — выдохнул Ремидио, нанося стремительный удар цепью.

Раф едва успел отклонить секиру, иначе она была бы опутана и вырвана у него из рук. Раф быстро понял, что Ремидио — уже не тот наивный и растерянный юноша, с которым ему довелось встретиться в прошлый раз. Сейчас это был уже настоящий боец, к тому же пылавший холодной, рассудочной ненавистью. А ведь это состояние является самым опасным для противника. Оно придает бойцу дополнительные силы, отвагу, в то же время не ослепляя его разум, как это делает простая злоба. Скорость реакции и быстрота движений у обоих противников были примерно равны, но руки Ремидио, развитые долгими днями изнурительной гребли, сделались сильны, точно выкованные из железа, и Раф, парируя его удары, вскоре почувствовал, что пальцы, локти и даже плечи его начинает пронзать острыя боль, что его движения становятся менее точны, а пот, обильно выступивший на лбу, начинает заливать глаза. Ремидио же был, бил и бил с размеренностью тарана, сокрушавшего крепостные ворота. Казалось, что усталость не властна над ним. Удары следовали слева, справа, сверху, снизу, не оставляя бараханцу времени на ответный выпад. Меч высекал искры, снова и снова ударяясь о секиру Рафа. На-

конец бараханец все же сумел улучить момент для решающего удара. Как и в прошлом бою, он замахнулся секирой сверху, намереваясь раскрыть противнику голову надвое. Но Ремидио, быстро присев, взмахнул левой рукой, и цепь с ужасающей силой хлестнула бараханца по ребрам. В этот бой Рафу пришлось вступить без кирасы: чтобы надеть ее, попросту не было времени. Послышался хруст ломающихся костей, и Рафа отшвырнуло в сторону. Бараханец рухнул на четвереньки, попытался было подняться, но тут у него изо рта хлынула кровь, руки подломились, и помощник пиратского капитана повалился под ноги сражавшихся. Издав торжествующий вопль, Ремидио бросился в самую гущу схватки и принялся наносить удары.

Братья-ваниры, Нефф и Орефф, прорывались друг к другу, расшвыривая всех, кто попадался на их пути. Во весь голос они выкрикивали имя своего отца: «Таркил!.. Таркил!.. Таркил!..» Это был их боевой клич, благодаря которому братья могли найти друг друга, несмотря на ночную тьму. Воссоединившись, братья хлопнули ладонь о ладонь левыми, свободными от оружия руками. Затем они разом развернулись и вновь устремились в бой, сражаясь так, как привыкли сражаться все ваниры: плечом к плечу, прикрывая один другого. Нанося удары, они продолжали истошно выкрикивать: «Таркил!» Этим они славили своего отца, а кроме того, согласно стаинному поверью, призывали себе в помощь его силу, отвагу и даже воинское искусство. Душа

отца, оставшегося в далеком Банахейме, должна была откликнуться на призыв сыновей. Братья действовали сообща, они понимали друг друга без слов. Нефф и Орефф сражались точно один четверорукий боец.

Молодой бараханец Хок отбивался что было сил, но все же вынужден был шаг за шагом отступать: противников было слишком много. Наконец Хок уперся спиной в небольшую надстройку, прикрывавшую люк, который вел вниз, в трюм. Отступать стало некуда. Несколько отчаянными взмахами сабли Хок отогнал нападавших, а затем сумел мгновенно отворить дверь и нырнуть внутрь. Несколько сабель ударили по захлопнувшейся двери, но они лишь отsekли пару щепок от толстой дубовой филенки, рассчитанной на штормовые волны.

Восставшие попытались выломать дверь, но на это требовалось какое-то время: Хок успел задвинуть засов. Впрочем, он понимал, что — это лишь недолгая отсрочка. Рано или поздно восставшие рабы ворвутся в трюм, и тогда судьбе Хока нельзя будет позавидовать. Кромешная тьма в трюме еще более усиливала тревогу бараханца.

— Что же делать, а? — простонал Хок.

Попытавшись шагнуть, он тут же споткнулся о какой-то большой ящик. Что это?.. Оказывается, здесь, возле лестницы, хранятся метательные снаряды для баллист, заполненные зажигательной смесью. И, поняв это, он вдруг успокоился. Желание отомстить пересилило все, даже страх смерти.

— Ну, сейчас я вам всем покажу, — негромко, но с ледяной злобой в голосе проговорил он. Хок решил поджечь корабль, унося за собой в могилу всех, кто на нем находится. Достав кресало, он хотел уже высечь огонь, как вдруг позади раздался голос:

— И что же именно ты собираешься показать, хороший мой?

Голос был женский, обольстительный, но испугал Хока, точно неожиданный раскат грома. Бараханец так и подскочил.

— Кто?!! Кто... — Он обернулся на голос, беспомощно тараща глаза во тьму. А еще через мгновение перед его взором блеснула ослепительная вспышка, и сознание бараханца померкло.

Соня услышала, как пират, спустившись в трюм, возится и бранится. Сняв с запястья массивный золотой браслет и зажав его в руке, девушка осторожно двинулась в ту сторону. В отличие от бараханца, Соня смутно различала внутренности трюма. Видела она и пирата... Неслышино подкравшись, она отвлекла его вопросом и тяжелым браслетом нанесла удар прямо меж блеснувших во мраке глаз. Хок рухнул, даже не вскрикнув.

— Получил свое, — вполголоса отметила девушка.

— Фс-с. Молодец, — раздался голос Менга. — У тебя оцень острое зрение. Я сам не визу ницего. А еще, ты оцень хладнокровна и решительна. Впрочем, в этих твоих качествах я убедился еще раньше.

— Сейчас не время говорить комплименты,— отозвалась девушка.

— Верно,— согласился лекарь.— Позалуй, надо уйти отсюда. Скоро в этом месте станет довольно беспокойно.

Действительно, удары в дверь все усиливались. Дерево жалобно трещало.

— Пошли, спрячемся,— предложила Соня.— В конце концов, корабль от пожара мы спасли, теперь пора и о себе подумать. Надо переждать эту заварушку...

Когда восставшие выломали дверь и ворвались в трюм, они увидели деревянные ящики, а также лежащее поперек них тело Хока. Бараханец был без сознания, лицо его залито кровью.

— Видно, свалился с лестницы,— сказал первый из бойцов, заглянувших в трюм.— Нам и руки мазать не пришлось об это отродье Нергала.

— Осторожно,— сказал другой, выглянув из-за плеча первого.— В этих ящиках — жидкое пламя. Я знаю. Осторожно! Уберите факелы, а то мы все отправимся на Серые Равнины. Назад, говорю я вам!

К утру восставшие перекидали всех бараханцев за борт, а вслед за тем принялись хозяйничать на корабле. Взломав сундуки в матросском кубрике, судовую кладовую и гардероб в капитанской каюте, рабы спешно скидывали свои отрепья и переодевались в доставшиеся им трофеи. По палубе «Грома» расхаживали люди в бархатных камзолах, дорогих плащах, кожаных и суконных матросских куртках. Спутанные боро-

ды и грязные волосы до плеч выглядели дико вато в сочетании с этими костюмами, а потому бывшие гребцы устроили на палубе цирюлью, благо солнце уже взошло и ярко осветило корабль и море. Волосы, обрезанные ножами, кинжалами, саблями, покрыли доски палубы, точно войлочный ковер. Они скрыли пятна крови, оставшиеся после боя. Те, кто не был занят своим внешним видом, громили продуктовый склад. Они отводили душу, пожирая вяленое мясо, сыр, сущеные фрукты и запивая все это вином из бочонков. Вскоре из еды на борту «Грома» остались лишь ржаные сухари — те самые, которыми бараханцы кормили гребцов. Ремидио попытался было остановить грабеж, но скоро понял, что его усилия бесполезны и, плюнув на все, напился сам. Несколько десятков освободившихся гребцов, радостно крича, швыряли за борт ненавистные весла и, взявшись в руки боевые секиры, самозабвенно рубили скамьи, к которым были так долго прикованы. «Гром» быстро превращался из боевого корабля в неповоротливую посудину, способную передвигаться лишь благодаря попутному ветру. Впрочем, похоже, это никого не волновало. Людям, только что освободившимся от рабства, пока что было наплевать на подобные мелочи. Многие победители были ранены, но и на это они пока что не обращали почти никакого внимания: радость заглушала все остальные ощущения, даже боль. А между тем многие из этих людей были ранены тяжело, некоторые почти смертельно. И кто знает,

сколько их умерло бы впоследствии от этих ран, если бы не Менг. Лекарь останавливал кровь, перевязывал зияющие раны, накладывал лубки, смазывал ушибы... Поначалу, увидев расхаживавшего по палубе кусанца, гребцы принялись роптать, высказывая не особо лестное мнение о «капитанских прихвостнях», но мешать ему в исполнении лекарских обязанностей никто не стал. Помимо всего прочего, гребцы знали, что Менг был таким же пленным, как и они сами, а на весла не попал лишь благодаря своему искусству. Лекарю помогал молодой подросток — чумазый парнишка с волосами, перепачкаными пылью и сажей. На него никто не обращал особого внимания.

Несмотря на то что именно благодаря Соне гребцы смогли высвободиться, девушка вовсе не спешила привлекать к себе всеобщее внимание. Кто их знает? А ваниры к тому же до сих пор считают ее предательницей... Нет уж, боги берегут того, кто сам бережется. Чтобы затеряться среди толпы, Соня вновь применила ту же маскировку, которой воспользовалась когда-то, чтобы проникнуть в замок Гиллеро. Мужская одежда в сочетании с неопрятным внешним видом делали ее совершенно неузнаваемой. Особенно тщательно она позаботилась о том, чтобы с помощью сажи, добытой из камбузной печи, скрыть настоящий цвет волос: ведь рыжие люди (по-настоящему рыжие, обладающие тем солнечным цветом волос, каким природа одарила Соню), встречаются нечасто. Что ж, маскировка, похоже, оказалась

весьма удачной, и девушку никто не узнавал. Она таскала за лекарем сумку с бинтами и снадобьями, придерживала раненых, пока Менг перевязывал их, подавала воду, чтобы они могли напиться, омывала кровь и грязь.

Не обошлось и без казусов: один из раненых, пожилой человек, малорослый и лысый, вдруг воспротивился, когда Соня хотела обтереть влажной тряпкой его перемазанное подсыхающей кровью лицо.

— Больно, оставь как есть, не надо, мне ведь больно... — быстрой и взволнованной скороговоркой бормотал он, отталкивая влажную тряпку левой рукой. Его правая рука, как видно поврежденная в бою, была туго прибинтована к груди. Внимательно взглянувши в его лицо, Соня едва смогла сдержать смех. Это был... Енси!

Старая Гиена и тут сумел вывернуться, притворившись одним из гребцов. Пожалуй, он был единственным из всей бараханской команды, кто остался в живых. Похоже, Енси тоже узнал Соню, потому что вдруг многозначительно подмигнул ей.

— Ах ты, старый мошенник... — вполголоса сказала девушка и направилась дальше, за Менгом.

Ремидио тоже узнал Соню. Он был изрядно пьян, но еще больше зол: гребцы наставили ему синяков, когда он пытался помешать им разбазаривать съестные запасы и ломать весла. А ведь, имея под своим командованием такой корабль, как «Гром», Ремидио мог бы совершить немало

громких и славных дел на Западном море! Но вот этот сброд совершенно не годился в качестве команды боевого корабля. Что ж, тем хуже для них.

Итак, Ремидио догадался, кто этот чумазый парнишка, и, понимающе кивнув Соне, отвернулся, устремив взгляд в морскую даль. Где-то там, на северо-востоке, находилось побережье Зингары, Кордава, родной дом... По расчетам Ремидио, до берега было миль тридцать. Только вот как туда добраться? Особенно его тревожило то, что ветер, дувший с востока, мало-помалу нес «Гром» к Барахским островам, до которых тоже было не так уж далеко. Итак, они в самом скором времени могут снова попасть в плен к пиратам. Не было никакого желания опять оказаться в их руках... Ремидио попытался найти какое-нибудь решение, но хмель шумел в его голове, лишая возможности соображать. За время плена юноша совершенно отвык от горячительных напитков и теперь чувствовал себя больным и неспособным к каким-либо осмысленным действиям. А, пропади оно все пропадом! Зингарец поднялся на ноги и не твердо зашагал к сходням, что вели в трюм. Может, там найдется бочонок, в котором еще осталось хотя бы немного вина? Ремидио успел сделать всего несколько шагов, как вдруг его хлопнули по плечу. Зингарец резко обернулся.

— Я хочу поговорить с тобой,— негромко сказала Соня.

О боги, что за глаза! Точно два изумруда. А лицо — чумазое... Ремидио усмехнулся.

— Если тебя отмыть, ты будешь преображеная,— сказал он.

— Потише,— строго оборвала девушка.— Ну а ты, еслипротрезвеешь, возможно, начнешь соображать. Во всяком случае, ты выглядишь немногогоумнее остальных.

— Спасибо на добром слове,— кивнул в ответ Ремидио.

— Тогда ты и сам должен понимать, что пора убираться с палубы этого корабля, если конечно мы не хотим снова очутиться в плену.

— Полностью с тобой согласен.— опять кивнул Ремидио.— Но как это сделать, вот вопрос? До материка — не меньше тридцати миль, вплавь не доберешься.

— Верно, вплавь не доберешься,— эхом отозвалась девушка.— А вот на лодке — запросто. Видашь лодку там, возле носовой башенки?

Ремидио несколько раз моргнул и потряс головой.

— Кажется, я — дурак.— сказал он с чувством.

— Верно. Пьяный дурак,— согласилась Соня.— Вот что, ты сейчас иди к лодке, а я позову еще одного человека, пусть он тоже отправится с нами.

— Кого это? — спросил Ремидио.

— Лекаря.

Ремидио потер виски, стремясь хоть немногого разогнать хмель, и направился к лодке. Она была небольшая, с узким остроносым корпусом. Вряд ли в ней можно было перевести большой груз, но зато, она, кажется, была довольно быстроходной. Надо постараться не привлечь внимания, когда

будем спускать ее на воду, подумал Ремидио. Стоит еще десятку человек последовать нашему примеру, и нам самим не найдется места. К счастью, уже вечер — скоро стемнеет. Он сел на палубу, прислонившись спиной к борту, и принялся ждать. Вскоре появилась Соня. Она несла кувшин воды и небольшой мешок с сухарями.

— Эй, паренек! — заорал какой-то громила, один из многих, бесцельно бродивших по палубе. — Что это у тебя в кувшине, а? Вино? Ну-ка, тащи сюда, живо!

— Закрой пасть и оставь парня в покое! — рявкнул Ремидио.

— Это кто там такой грозный? — не унимался громила. — Может, отправить тебя за борт, чтобы остыл немного?

— Вот ведь скотина, сожри его Нергал, — вполголоса проворчал Ремидио.

Соня с размаху грохнула глиняный кувшин о палубу.

— Очумел? — воскликнула она. — Последнее вино вы, пьяничуги, выжрали еще до полудня. Иди проспись! Похмеляться нечем...

Громила тупо уставился на мокрое пятно, расплывавшееся возле его ног.

— Вода? — спросил он. — Так у тебя в кувшине была простая вода? Что ж ты сразу не сказал? Не стоило и шум поднимать...

Сразу потеряв интерес к происходящему, громила бесцельно побрел прочь.

— Придется отправляться в путь без воды, — вздохнула Соня.

— Впрочем, до берега недалеко, так что потерпим.

Она кинула в шлюпку мешок с сухарями.

— Это нам на дорогу. До Кордавы довольно далеко.

— Молодец, что позаботилась об этом, — сказал Ремидио. — А я вот не сообразил.

— Ты много чего не сообразил, — пожала плечами девушка.

Услышав эти слова, зингарец слегка нахмурился.

— Кстати, как тебя зовут? — спросил он после недолгого молчания.

— Соня.

— А меня — Ремидио... Да, а где же лекарь? Ты говорила, что он отправится с нами.

Соня печально покачала головой.

— Менг отказался плыть. Он говорит, что на борту находится много раненых, которые умрут без его помощи... Странный человек. Но очень хороший.

— Дурак, — отрезал Ремидио. — Впрочем, пусть делает, что хочет. Нам-то что...

Теперь нахмурилась уже Соня:

— Менг говорит, что мы могли бы взять с собой около десятка человек.

— И думать не смей об этом! — воскликнул зингарец. — Ты ведь не хочешь, чтоб началась драка за места в лодке? Может, все это дурачье и попадет снова в плен к пиратам, однако они будут сами виноваты в этом. Незачем было превращать превосходную боевую галеру в беспомощное корыто, которое тащится по воле волн и

ветра. Они ведь даже рулевые весла и те уничтожили.

— Все равно мне жаль этих людей,— ответила девушка.— Им пришлось много, слишком много перенести...

— Возможно, ветер переменится,— предположил Ремидио,— и тогда корабль принесет к берегам Хайбории.

— Или наоборот, унесет прочь, куда-нибудь в пустынные моря Южного предела. Тогда их судьбе не позавидуешь.

— Повторяю, они сами виноваты! — Ремидио начал терять терпение, в его голосе появились металлические нотки.

— Да, конечно, ты прав,— вздохнула девушка.

Вдвоем они освободили канаты, закрепленные в блоках. Лодка скользнула с борта и повисла над водой, чуть заметно покачиваясь. По мере того как канаты сматывались, она опускалась, приближаясь к водной глади. Раздался негромкий плеск, и суденышко оказалось в своей родной стихии.

Они гребли. Гребли всю ночь, до утра, время от времени меняясь местами, чтобы одна рука не уставала больше другой. Когда рассвело, Ремидио велел Соне идти отдыхать. Девушка откашалась, и тогда он прогнал ее силой. Соня была слишком измучена, чтобы спорить. Пройдя на корму, она прилегла там на узкой скамье и уснула, точно провалилась в непроницаемую глухую тьму. Последнее, что она видела перед этим,— осунувшееся, но решительное лицо Ремидио.

мидио, продолжавшего ворочать тяжелыми веслами...

Проснувшись, она некоторое время лежала неподвижно и с закрытыми глазами. Сон освежил ее, хотя и не избавил от усталости полностью. Тупо ныли предплечья и спина, натруженные целой ночью гребли. По-прежнему, не двигаясь, девушка прислушивалась к своим ощущениям. Солнце поднялось уже высоко и довольно сильно припекало. Его лучи, проникая сквозь ресницы и веки, зажигали в закрытых глазах теплые оранжевые пятна. Тихонько шуршали волны, скользя вдоль борта лодки, где-то далеко крикнула чайка, а больше ничто не нарушало тишины, что стояла над морем. Ее спутник: уснул он, что ли? И если это так, то куда несет лодку? Соня резко открыла глаза и резко села. А уже в следующий момент она услышала тихий смех Ремидио.

— Ты чего так вскинулась? — спросил зингарец с едва заметной ехидцей в голосе.

— Неважно,— ответила Соня. Она уже увидела, что опасения оказались напрасными. Пока девушка спала, Ремидио соорудил мачту из запасного весла. В качестве паруса он использовал тент, а вместо рея приспособил багор. К концам этого багра были привязаны два веревочных фала, с помощью которых зингарец управлял лодкой.

— Я вижу, что ты неплохо разбираешься в морском деле,— сказала Соня.

— Благодарю,— отозвался Ремидио.— Семь поколений моих предков посвятили себя флоту Зин-

гары. Поэтому я с детства изучал искусство кораблевождения.

— Понятно.— Соня весело улыбнулась.

— Кстати,— продолжал Ремидио,— как ты сама видишь, ветер уже дует с юга. Так что можешь больше не беспокоиться за участь своих приятелей, что остались там, на «Громе». Через пару дней они окажутся у берегов Хайбории. Это произойдет даже в том случае, если они будут непроходимо глупы и не сообразят поставить парус.

— Через пару дней? — переспросила Соня.— А вдруг за это время ветер переменится?

— Не переменится,— уверенно ответил Ремидио.— Я достаточно разбираюсь в этом. Видишь те облачка, похожие на перышки? Во-он там, над самым горизонтом.

— Что ж, это прекрасно,— снова улыбнулась Соня и, перегнувшись через борт, глянула в воду. Увидев свое отражение, она тихонько ахнула и поспешно принялась приводить себя в порядок: отмыла, как могла, лицо, затем стала смыть сажу с волос. Это заняло довольно много времени — ведь мыла у нее не было. Гребня тоже не оказалось и в помине, так что расчесывать волосы пришлось пальцами. Справившись с этим, Соня принялась подсушивать мокрые пряди под лучами солнца. Время от времени она ловила взгляды Ремидио, который с улыбкой наблюдал за ней.

— Да ты настоящая красавица,— сказал он на конец.

— Не упусти парус, капитан,— ехидно отозвалась девушка,— нельзя отвлекаться, когда стояишь на вахте!

— Помилосердствуй, глядя на твое прелестное лицо! трудно не отвлечься! — шутливым тоном воскликнул зингарец.— Да и вахта моя что-то затянулась. Вот что, бери-ка в свои красивые ручки эти два фала, будешь управлять лодкой. Ну а я посплю немного. Признаться честно, устал так, как даже там, на галере не доводилось уставать.

Действительно, Ремидио не спал уже больше двух суток, причем за это время произошло множество бурных событий — один только бой чего стоил! Видя, что девушка медлит, Ремидио повторил:

— Ну что же ты? Бери фалы.

— Что брат? — растерянно спросила Соня.

Ремидио рассмеялся.

— Фалы. Вот эти две веревки. Да подойди ты, не бойся. Должен же я объяснить, как управляться с парусом!

Передав Соне концы веревок, привязанных к рею, он принялся объяснять, что следует делать, чтобы лодка поворачивала вправо или влево, как держать курс, сообразуясь с направлением ветра и положением солнца на небе. Соня судорожно сжимала в кулачках веревки, а Ремидио, взяв ее руки в свои, показывал, как следует разворачивать парус, ловя им ветер. Спустя некоторое время девушка вдруг обнаружила, что почти лежит в его объятиях. В следующий момент Ремидио отшатнулся и глухо, коротко простонал, получив

резкий удар локтем в печень. Выпустив фалы, Соня резко расхочаталась, и это едва не погубило их обоих: парус хлопнул, лодку развернуло бортом к волне и резко накренило. Внутрь хлынула вода.

— Держи парус! — крикнул Ремидио отнюдь не шутливым голосом.

Впрочем, надо отдать ему должное, действовал зингарец четко и молниеносно.

В по-кошачьи гибком прыжке он устремился к мачте и, ухватившись прямо за рей, к счастью расположенный невысоко, развернул парус в нужное положение.

Натужно заскрипев, точно застонав каждой своей досочкой, лодка выпрямилась и вновь пошла в северном направлении.

Увидев, что зингарец открывает рот, собираясь призвать громы и молнии на ее голову, Соня поспешила сама напуститься на него.

В выражениях, не самых изысканных, но зато сильных, она объяснила, что именно думает об этом недоумке Ремидио, не забыв при этом упомянуть семь поколений его водоплавающих предков.

Эта тактика, бесспорно, увенчалась успехом. Некоторое время зингарец хранил потрясенное молчание, а затем негромко спросил:

— Послушай, где ты научилась так ругаться?

В ответ Соня улыбнулась несколько самодовольно.

Лишь очень поверхностные люди верят в то, что придворные дамы — наивные, возвышенные

и утонченные натуры. Другое дело, что они, эти дамы, напускают на себя такой вид.

— Ругаться я научилась, когда воспитывалась при дворе туранского наместника в Хауране, — сообщила Соня небрежно, как бы между прочим.

— Пять лет там прожила, кстати.

— А-а... — протянула Ремидио, — недаром я сразу почувствовал, что в тебе что-то есть.

— Что же именно? — скептически хмыкнула Соня.

— Порода. Уверенность в себе. Гордость...

— Ты, кажется, собирался отдохнуть? — прервала девушка его излияния.

— Да...

— Вот и отправляйся.

Ремидио послушно прошел на корму и лег там на скамье, укрыв плечи суконной морской курткой, точно одеялом.

— Ты могла бы стать самой роскошной куртизанкой во всей Кордаве, — пробормотал он, засыпая.

— Вот уж, действительно, великая честь! — презрительно фыркнула Соня и перенесла свое внимание на управление лодкой.

Вокруг широко раскинулось необъятное море и еще более необъятное небо с золотым солнцем на нем.

Это было красиво, очень, но плавание по морю в этой хрупкой дощатой скорлупке не на шутку пугало девушку.

Каким-то внутренним чутьем она очень остро ощущала чудовищную глубину под тонким, не

прочным днищем уткой лодочки. И кто знает, что за чудовища копошатся там, в этой глубине, во тьме...

— Спокойно, спокойно,— пробормотала девушка, обращаясь сама к себе.— Глубоко, ну очень глубоко, так что тут такого особенного? Скоро уже доберемся до берега. Немного осталось. И погода тихая...

Они продолжали идти на север, к далекому невидимому берегу. Ремидио мирно посапывал на кормовой скамье. Счастливчик.

Уже глубокой ночью лодка вошла в широкую бухту, освещенную неверным серебристым светом убывающей луны.

Лодка тихонько ткнулась носом в песчаный берег и замерла неподвижно. Ночь стояла звездная, мягкая и теплая.

Некоторое время Соня сидела, не шевелясь, все еще сжимая в руках ненужные фалы.

Вдруг слабое дуновение ветерка донесло до нее запах леса, сладковатый аромат каких-то цветов.

Тихо, монотонно шуршали листья деревьев. Сонно свистнула птица...

Догадавшись наконец бросить веревки, Соня улыбнулась широко и счастливо, затем двинулась на корму: пора будить Ремидио.

— Эгей, поднимайся, флотоводец! Твой корабль прибыл в порт.

— Отдаю город на разграбление моим отважным морякам,— раздался в ответ негромкий голос зингарца, глаза его блеснули в свете луны.—

Пойдем, нам с тобой надо найти чего-нибудь подкрепиться...

Соня и Ремидио зашагали прочь от берега. Хвала богам, под ногами наконец-то была твердая земля!

На призывно шумевшее за спиной море девушка даже не оглянулась.

Соленой водой она была сыта по горло.

Равно как и народом, эту воду населяющим. Пираты, что спорить, славные ребята, и они немало ей помогли. Если бы не они, едва ли рыжеволосой красавице удалось бы осуществить задуманную месть.

Однако обет, данный ей давным давно — отомстить всем без исключения, кто был повинен в гибели ее семьи, она исполнила не до конца. Был еще один человек...

Однако его она едва ли сможет отыскать среди сброва, будь то морского или городского. В этих поисках Соне скорее могли пригодиться знакомства совсем иного рода.

И, кстати...

Она оценивающе взглянула на Ремидио. Да, пожалуй... Словно сами боги послали ей такого попутчика.

— А далеко ли до твоих владений, потомок мореходов? — окликнула она зингарца.

— Это в Тангерайо. Знаешь такое местечко? Под Кордавой.

— О...— девушка была огорчена. Ей отнюдь не улыбалось застрять в сельской глупи, без связей с внешним миром.

Но уже следующие слова юноши успокоили ее:

— Правда, сейчас я собирался не туда. В это время года все мое семейство отбывает ко двору, в столицу. Не желаешь ли отправиться со мной? Конечно, после Хаурана — это жалкая провинция, — не удержался он, чтобы не подколоть Соню,— и все же я почту за честь оказать тебе скромное гостеприимство.

Рыжеволосая красавица поклонилась со всем изяществом.

— А я почту за честь воспользоваться твоим приглашением...

В мечтах она уже видела себя в столице Зингары, этой жемчужине Хайбории, слава которой гремела на протяжении нескольких веков.

Что ждет ее там?

Соня прибавила шаг. Что бы то ни было, любое испытание она встретит с улыбкой.

## СОДЕРЖАНИЕ

Питер Нейл

УЗНИКИ КАМНЯ

5

Илайя Николс

ПАРУСА СМЕРТИ

267

Литературно-художественное издание

## РЫЖАЯ СОНЯ И УЗНИКИ КАМНЯ

Руководитель проекта: Дмитрий Ивахнов. Составитель: Наталья Баулина. Художник: Владислав Асадуллин. Художественный редактор: Игорь Богданов. Серийное оформление: Дмитрий Вяземский. Верстка: Лариса Андреева. Технический редактор: Валентин Успенский. Корректор: Светлана Митина.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.01.2000. Формат 84Х108 1/32. Гарнитура «Палатино». Печать офсетная. Бумага типографская. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 5000 экз. Заказ 923.

Издательство «Северо-Запад Пресс». Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999. Санкт-Петербург, ул. Казначейская д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125.

[sz-press@peterlink.ru](mailto:sz-press@peterlink.ru)

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.  
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика  
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».  
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

# РЫЖАЯ СОНЯ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

## «САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ»



РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И  
МЕЧ  
СЕВЕРА



ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

## "САГА О КУЛЛЕ"

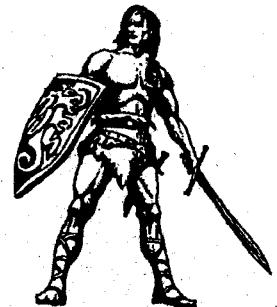


КУЛЛ  
И ОГНЕННЫЙ  
ДЕМОН



ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

## "САГА О КОНАНЕ"



КОНАН  
И СКЛЕП  
ХАОСА



МИР ПАУКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:

«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,  
«ПОСЛАНИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ  
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,  
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА  
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ



ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ  
КНИГА X

**«ПАЛОМНИК»**

НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

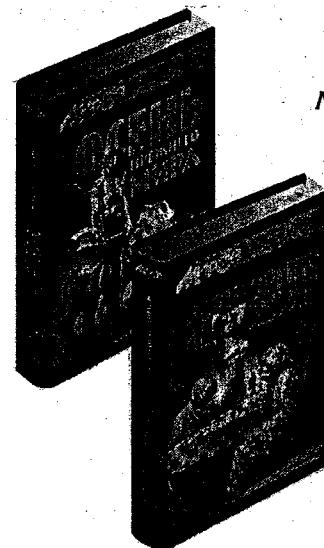


ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ  
«ПЕРЕКРЕСТОК МИРОВ»

МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К  
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ



ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,  
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,  
РОЖДЕННЫЕ  
ВООБРАЖЕНИЕМ  
ТАКИХ  
АВТОРОВ КАК

**А. ДАШКОВ,  
М. и С. ДЯЧЕНКО,  
А. ЗОРИЧ,  
Д. СКИРЮК**

УВЛЕКУТ ВАС В  
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР—

**ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!**



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

# ПОСЛЕДНИЙ АЗАТАР

Если вы рассстались со всеми иллюзиями -  
самое время озариться  
новыми!

Роман купьшевого автора  
Александра Зорича "Последний азатар"  
 научит вас получать  
 удовольствие от виртуальной реальности,  
 реальности столь же подлинной,  
 сколь и опасной.

Русские умеют писать романы  
 о будущем России. И  
 они делают это лучше  
 американцев!

"Последний азатар" - роман 2000 года!

Читайте - поспорим!



ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Марина и Сергей  
Дяченко

# Скитальцы

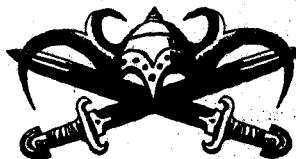
Впервые знаменитая эпопея фэнтези  
 публикуется в полностью!

Наконец вы сможете прочитать  
 долгожданный роман

"Авантуррист"

завершающий блестательную  
 трилогию:

"Привратник"  
"Грам"  
"Преемник"





ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

## Дмитрий Скирюк **ОСЕННИЙ ЛИС**

Причудливый и противоречивый мир.  
Здесь Лес говорит с человеком. Здесь  
Гаммельнский крысолов под звуки дудочки  
заманивает детей-колдунов.

Здесь радушный граф Дракула встречает  
гостей в своем замке.

Здесь все перевёрнуто с ног на голову - или  
с головы на ноги? Кто знает...

Все может случиться в мире, где под осенней  
луной танцуют рыжие лисы...



ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!

**КОНАН**  
КЛУБ



197022, Санкт-Петербург  
а/я 125

Электронная почта:  
**[sz-press@peterlink.ru](mailto:sz-press@peterlink.ru)**

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

**«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»**



ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ  
**«АСТ»**

По вопросам покупки книг  
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел.(095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:  
107140, г. Москва, а/я 140

# САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И ВЕТЕР  
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И ВЛАДЫКА  
ПАДШИХ

2

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И ЦИТАДЕЛЬ  
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И ДЕМОН  
СНОВ

4

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И КОЛЬЦО  
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И СЛЕПОЙ  
БОГ

6

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И УЩЕЛЬЕ  
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И КРОВЬ  
ВЕДЬМЫ

8

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И ЛОВЦЫ  
ДУШ

9

РЫЖАЯ  
СОНЯ  
И УЗНИКИ  
КАМНЯ

10





ISBN



9785936198053